МУЛК РАДЖ АНАНД
ГАУРИ
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Генуля!

Поздравляю
с праздником-Днём
Советской Армии!

23/II. 64 г.

Лучше

РАДЖ
АНАНА
ГАУРИ
МУЛК

MULK RAJ ANAND

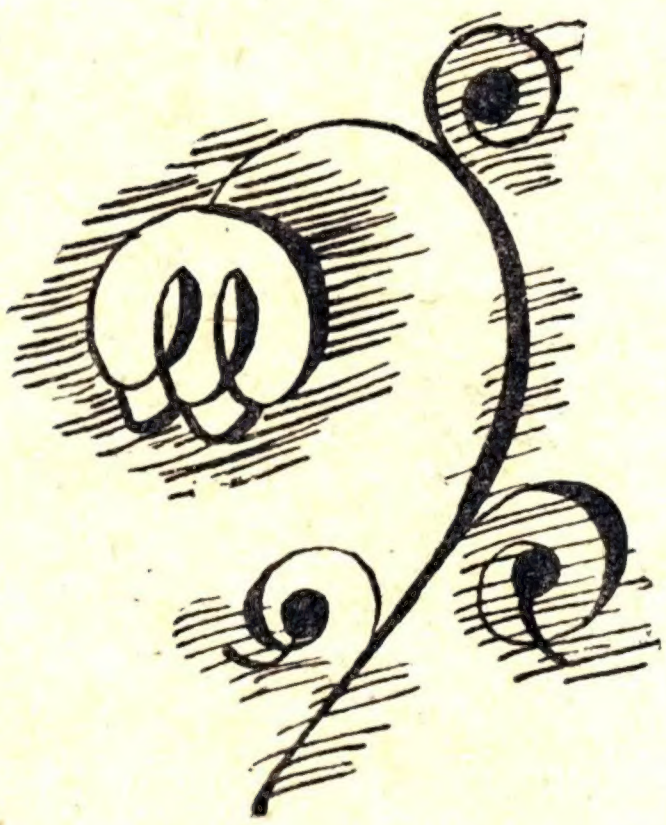
The old Woman and the Cow

Kutub — Popular

Bombay

МУЛК РАДЖ АНАНД

Гаури



Перевод с английского

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ». 1964

И (Инд.)
А65

Перевод *Э. Боровика* и *В. Махотина*

Послесловие *Саджада Захира*

Ключи от счастья женского,
От нашей вольной волюшки
Заброшены, запрятаны
У бога самого!..

Я предпослал моему роману строки из поэмы прославленного русского поэта девятнадцатого века Николая Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Я сделал это потому, что еще много лет назад прочел в переводе ту часть поэмы Некрасова, которая называется «Крестьянка», и роман мой во многом был навеян некрасовскими стихами.

Если в моей книге, как и в поэме Некрасова, много печального, это не оттого, что я утратил надежду. Нет, просто вокруг меня еще много отчаяния.

Мулк Радж Ананд

Пони, на котором восседал Панчи, неожиданно брыкнул задними ногами и так тряхнул жениха и его двоюродного братишку Никку, который был у него шафером, что чуть не сбросил их наземь. Панчи, украшенный по случаю свадебной церемонии гирляндой цветов, закрывавшей его великолепный розовый тюрбан и смуглое лицо, не мог разглядеть, что так напугало пони. Он почти совсем отпустил поводья, положившись на слугу лаллы * Бирбала, давшего ему напрокат пони, и теперь здорово испугался. Сердце его застучало, на лбу выступил холодный пот.

— Держись! — крикнул он Никке.

Но Никка никак не мог ухватиться своими маленькими руками за широкий пояс Панчи. Он съехал набок и пронзительно закричал.

---

* Лалла — купец, ростовщик, также форма обращения *(Здесь и далее примечания Ю. Маслова.)*

Темнолицего южанина-конюха, словно в издевку, звали Сурадж, что, как известно, означает Солнце. Он журил пони ласково и одновременно насмешливо:

— Ну пошел же, Моти, пошел! Теперь мы уже недалеко. Кто знает, может быть, ты на своем пути еще встретишь кобылу, которая обрадуется тебе!

Однако Моти, всегда такой покладистый, теперь упрямо уперся передними ногами в мягкую землю проселочной дороги и отказывался идти вперед. Сурадж тщетно пытался сдвинуть его с места. Посмотрев вверх, он сначала решил, что Моти испугался высоких гор, маячивших впереди. Но потом он оглянулся назад и увидел бродячих музыкантов с барабанами и флейтами, которые только что заиграли свадебный марш.

— Перестаньте играть! — закричал Сурадж. — Лошадь не любит такой музыки. Не забывайте, что она принадлежит сахибу * Бирбалу.

По лицам участников свадебного кортежа, которые в повозках и пешком тянулись за женихом, пробежала тень беспокойства: нежелание пони идти вперед, когда до деревни невесты оставались считанные шаги, было плохим предзнаменованием. Некоторые из них уже шептались об этом и затаив дыхание следили за тем, как Панчи, балансируя всей тяжестью своего атлетического тела, пытается удержать равновесие на спине пони, который, казалось, решил превратиться в осла.

Хотя и не без труда Панчи все же добился своего. Он уперся пятками в грудь Моти и натянул повод с одной стороны, отчего пони завертелся на месте. Впрочем, если даже это и не входило в намерения Панчи, он делал вид, будто именно таким путем хочет заставить пони подчиниться своей во-

---

* Сахиб — господин, форма почтительного обращения, чаще всего к англичанам.

ле. Происшествие это очень взволновало Молу Рама, который беспокоился, вероятно, не столько о племяннике-женихе, сколько о своем сыне Никке.

— Эй! — закричал он громовым голосом. — Осторожнее!

Услышав этот окрик, пони снова начал брыкаться, но Сурадж утихомирил его, стукнув кулаком по морде.

Панчи обрушил на Сураджа и его пони поток отборных ругательств, и это настолько уязвило маленького темнокожего южанина, что он напряг все силы своего хилого тела, чтобы привести Моти к повиновению. Ему это удалось, хотя пони и продолжал время от времени брыкаться при виде колючих кустов, росших у дороги.

После этого свадебный кортеж без особых приключений двинулся дальше. Панчи мог считать, что ему повезло; не очень-то было бы красиво, если бы родственники и друзья невесты, ожидавшие жениха и его свиту у живописных руин при въезде в деревню, увидели, что он не может справиться со своим пони. Панчи успокоился и теперь сидел на Моти, гордо подняв голову, как и подобало в его положении.

Переговоры о свадьбе тянулись долгие месяцы. Трудность заключалась в том, что невеста была родом из древней деревни Большой Пиплан у подножия Гималаев, а выдавали ее замуж за человека из небольшой деревушки того же названия — Малый Пиплан, затерявшейся далеко в долине, около города Хошиарпура. К тому же Панчи, хоть и назывался независимым крестьянином и даже владел полутора акрами земли, был, в сущности, всего лишь безвестным сиротой, «якшался с низкородными» и, кроме этой земли, ничего не имел за душой. А его будущая теща Лакшми, тезка могущественной богини изобилия и богатства, рассчитывала заполучить для своей дочери совсем другого жениха, богатого и знатного. Этого же добивался и ее двою-

родный брат Амру, который играл на свадьбе роль тестя — вместо покойного мужа Лакшми — и был отъявленным скупердяем, чего он, впрочем, и не скрывал.

Когда свадебный кортеж подъехал к воротам деревни, одетые в грязные желтые и голубые униформы оркестранты Большого Пиплана, которыми дирижировал Акбар Шах, грянули «Типперери», начисто заглушив писк флейт крохотного оркестра, сопровождавшего жениха. Моти снова натянул уздечку, и Панчи принялся уговаривать его:

— Тише, тише, а то еще кто-нибудь подумает, что ты сам жених и боишься приблизиться к своей невесте!

К счастью, Сурадж крепко держал пони под уздцы. Опасаясь новых попреков со стороны жениха, он принялся шутливо извиняться за Моти, пытаясь перекричать шум оркестра:

— Ах, Панчи-лал *, этот пони — удивительное животное. Он позволяет ездить на себе только господину подрядчику, и больше никому. Должно быть, его гордость уязвлена тем, что его запродали в такое путешествие...

— Ладно, ладно, — прервал его Панчи, задетый оскорбительным намеком. — Все мучения для него скоро кончатся. По правде говоря, мне самому не по душе все эти фальшивые свадебные церемонии. Надеюсь, ты не скажешь, что я небрежно обращался с Моти?

— Что вы, что вы. Ведь его лоб украшен такими же цветами, что и ваш. Он должен быть просто счастлив... Не бойтесь, я крепко держу его.

Панчи знал, что Сурадж рассчитывает на хороший бакшиш — только этим и объяснялась его грубая лесть. Он был мелкий крестьянин и, сидя

---

* Лал — форма обращения; буквально: любимый, дорогой.

верхом на пони, взятом напрокат у богатого ростовщика и подрядчика лаллы Бирбала, не питал на свой счет никаких иллюзий. Конечно, он мог бы сказать этому южанину несколько правдивых слов о его господине... Но тут оркестр Акбара Шаха заиграл новую мелодию, звуки которой заглушили все голоса и довели пони до такого состояния, что он снова стал отчаянно брыкаться, ржать и фыркать, пока Панчи и Сурадж совместными усилиями не утихомирили его. Под конец пони так взметнулся на дыбы, что жених поневоле принял великолепную позу истинного завоевателя, и встречающие увидели в этом своего рода салют древней деревне — Большому Пиплану. Но вскоре все — и непокорность пони, и мелкие булавочные уколы Сураджа, и грубые намеки недоброжелателей из Большого Пиплана и Малого Пиплана — все было забыто в веселом потоке громких и неритмичных звуков, издаваемых оркестром Акбара Шаха.

Панчи пытался представить себе Гаури, свою невесту. Светлая она или темная? Красивая или некрасивая? Скорее всего — самая обыкновенная девушка. В мечтах он уже видел, как будет обнимать ее, точно так, как обнимали девушек герои фильмов, которые он смотрел в Хошиарпуре... Правда, он отлично знал о той затяжной войне, которую вели перед помолвкой его дядя и тетя с одной стороны, и мать невесты Лакшми и ее дядя Амру — с другой. Переговоры о свадьбе прерывались три раза и возобновлялись снова. И вот теперь, наконец, он, Панчи, едет в Большой Пиплан на свою свадьбу. Но даже и теперь он все еще боялся, что может произойти осечка. Тесть и теща наверняка скажут, что жениха сопровождает слишком много народу! По правде говоря, так оно и есть — даже те его односельчане, которых не пригласили на свадьбу, сшили себе новое платье и присоединились к свадебному кортежу! Сейчас все сидели без дела, ожидая, когда настанет срок убирать яровую пшеницу; потом польют дожди, и можно будет

приступать к посеву чечевицы и маиса... Поэтому настроение у всех было праздничное. Только бы они не набедокурили здесь, не обиделись на замечания хозяев... Значит, у него теперь будет женщина: женщина, которую он будет обнимать ночью, на которую будет покрикивать днем, которая будет смотреть за его домом и помогать ему в поле... Он купил для нее дорогое, ароматное мыло и держал его под замком, чтобы подарить невесте, когда она придет в его дом. И так как он не очень-то надеялся на щедрость своего дяди, готовившего приданое, то тайно привез с собой пару золотых серег, которые оставила ему в наследство мать для его будущей невесты.

Будучи по натуре оптимистом, Панчи верил, что какой бы ни была невеста внешне, она будет послушной женой. Ведь его будущие тесть и теща неизменно повторяли во время переговоров о свадьбе: «Наша Гаури — сущая телочка, нежная, ласковая, кроткая...»

Мечты Панчи были прерваны Амру, который подошел к нему вместе с другими старейшинами деревни Большой Пиплан и повесил ему на шею еще несколько цветочных гирлянд.

— Красавец жених! — сказал величественный старый крестьянин Адам Сингх, который был другом покойного отца Панчи и который, собственно, и довел до конца переговоры о свадьбе. Он похлопал Панчи по спине и с шутливой важностью закрутил свои седые усы.

— Да, но оркестр, который с ним прибыл, имеет довольно жалкий вид, — заметил Амру, дядя невесты. — Посмотрите, как великолепно одеты наши оркестранты!

Не желая терпеть подобного унижения, Панчи уже хотел было как следует ответить ему, но как раз в этот момент Моти неистово замотал головой и оскалил зубы.

— Ой, ой, кажется, наш жених приехал на ло-

шади подрядчика Бирбала! Это замечательно! — сказал Амру, испуганно отступив.

— Надеюсь, они привезли хорошее приданое для нашей Гаури, — сказал Канши Рам, золотых дел мастер, ехидный старец из Большого Пиплана, со злым, гладко выбритым лицом и прилизанными волосами.

При этом замечании впалые щеки дяди Панчи — Молы Рама совсем ввалились и его лицо приняло сердитое выражение.

— Не обращайте на них внимания. Эти откупщики из Большого Пиплана вечно завидуют богатырям из нашей маленькой деревни, — сказал из своего паланкина чаудхри * субедар ** Ачру Рам.

И поскольку встречающие со стороны невесты ничего не возразили на это довольно обидное замечание, спор на время прекратился.

— Сыграйте что-нибудь другое, Акбар Шах! — попросил дирижера парикмахер Булаки, который был сватом на этой свадьбе. Дирижер поднял свою палочку, и оркестр заиграл «Боже, храни короля!».

Свадебная процессия торжественно продвигалась вперед, возглавляемая размеренно шагавшим Моти, который наконец-то стал повиноваться театрально восседавшему на нем Панчи.

Оглушительные звуки, издаваемые оркестром Акбара Шаха, наполнили всех радостью, заставили забыть сомнения и подозрения, исторгли у всех восторженные крики.

— Чудесно! Чудесно! Какая великолепная свадьба!

Старейшины Большого Пиплана шагали во главе шествия. Жители деревни, мужчины, женщины

---

* Чаудхри — староста деревни.

** Субедар — младший офицерский чин в индийской армии, соответствует капитану в европейской армии. Субедар — самый высокий чин, до которого мог дослужиться индиец в англо-индийской армии до получения Индией независимости.

и дети с любопытством выглядывали из домов и лавок небольшого полуразрушенного базара, хотя жениха почти не было видно за гирляндами цветов. Особенно радовались предстоящим торжествам ребятишки. Они вертелись под ногами у взрослых, с нетерпением ожидая, когда дядя жениха начнет бросать медные монеты, как обычно принято на свадьбах. Их возбуждение передавалось старикам, и самые морщинистые лица озарялись доброй улыбкой. Теплый весенний вечер всем принес радость, и даже самые бедные жители деревни бросали жениху яркие цветы.

Панчи чувствовал себя священным быком, которому отдают в жены юную телку Гаури.

Свадебная процессия, состоявшая из сорока человек взрослых и детей, остановилась под тенью огромной смоковницы на постоялом дворе, примыкающем к храму богини Кали *. Наконец-то все смогли умыться и обмыть ноги, покрытые пылью трехмильного утомительного пути. Гостям поднесли высокие медные бокалы, наполненные сладким горячим чаем с молоком, и домашнее рассыпчатое печенье. Потом молодые люди играли в карты на площадке под высоким фиговым деревом и качались на качелях, подвешенных на одной из его крепких ветвей, а старики продолжали умываться из умывальников, сделанных в виде львиных голов. Воду в них таскали ведрами из колодца на постоялом дворе.

Панчи успел умыться прежде других и уже надел свой свадебный наряд — шелковую тунику, короткую вельветовую куртку, расшитую золотом, и узкие белые штаны. Теперь он был занят сложным делом — заново перематывал свой накрахмаленный розовый тюрбан, глядясь в японское зеркало, которое одолжил ему парикмахер... Его дядя Мола Рам, сидевший неподалеку, наряжал Никку.

---

* Кали (она же Дурга, Парвати, Гаури и т. д.) — индуистское божество, жена бога Шивы, олицетворяющая собой рождение и смерть всего живого.

Стоявший рядом парикмахер сказал сладким голосом:

— Как счастлив был бы благородный отец этого юноши, если бы мог присутствовать на свадьбе сына.

— На все воля божья, — притворно вздохнул Мола Рам, для которого смерть старшего брата явилась в свое время сущим облегчением, так как у них не было раздела и отцовское наследство целиком досталось ему. — Пусть боги хранят этого мальчика! Его отец и мать оставили свое сокровище на мое попечение. И теперь, когда он вырос, я должен исполнить мой последний долг по отношению к нему — женить его. Пусть никто не упрекнет меня, что я заботился только о собственных детях и был для Панчи плохим дядей.

— Что вы, Рам-джи *, — льстиво сказал парикмахер, — ведь вы действительно сделали все для Панчи-лала. Вы не только потратились на его свадьбу, но даже вернули ему его землю!

Панчи искоса взглянул на дядю. Конечно, Мола Рам отдал ему землю, но лишь после того, как заложил большую часть ее, с которой собирали почти весь урожай. Он заметил, что при упоминании о земле лицо дяди вытянулось.

— Видите ли, Булаки Рам, мой брат не оставил после себя ни единой драгоценности... — сказал Мола Рам. — Он и его жена отдали все в залог ростовщику. И теперь специально для свадьбы я одолжил Панчи серебро, которое берег для Никки. Скажу вам по секрету, у нас совсем немного драгоценностей для невесты...

— Ничего, что их мало, если только они золотые, — ответил Булаки.

— Боюсь, родители невесты будут немного разочарованы, если они рассчитывают получить дорогое приданое, — сказал Панчи, усердно укла-

---

* Джи — уважительная частица при обращении, ставится после имени.

дывая последнюю широкую складку на своем тюрбане.

— Вот что я скажу, брат Панчи-лал... — начал было парикмахер, но Панчи прервал его.

— Для вас — Банси-лал, — сказал он, раздраженный раболепством свата.

Накручивая один конец тюрбана, он придерживал губами другой. Когда он заговорил, все сооружение рухнуло. Но не только это вывело его из себя. По его мнению, теперь, когда он собирался стать мужем достойной девушки, человеком, имеющим собственные права, уж такой-то человечишка, как парикмахер, должен называть его настоящим именем — Банси-лал, а не кличкой, данной ему еще в детстве. Его назвали Панчи-Попугаем, потому что он имел привычку повторять все, что говорят взрослые, — ему хотелось, чтобы его тоже считали большим. Теперь он чувствовал себя вполне взрослым и считал, что заслуживает большего уважения.

— Ах, Панчи, ведь Булаки Рам для тебя все равно, что родной дядя, — упрекнул его Мола Рам. — Ты не должен говорить с ним в таком тоне.

Но Панчи уже был снова поглощен укладкой своего тюрбана. Он опять уставился в зеркало и вдруг понял, что этот глупый цирюльник дал ему выпуклое зеркало, искажающее его лицо. Вот обида! И как это он забыл свое зеркальце. Ну ладно, сойдет и так — он решил относиться к подобным мелочам философски.

— Вы, хавалдар-джи *, весь ваш род всегда был покровителем моей семьи, — начал парикмахер. — И можете быть уверены в моей преданности. Конечно, для этой свадьбы я не мог сделать многого. Но, господин мой, вы не должны меня осуждать. Как я ни старался, мне не удалось уговорить тестя и тещу вашего племянника при-

---

* Хавалдар — воинское звание в индийской армии, соответствует сержанту в европейской армии.

нять всех ваших гостей больше чем на одну ночь. Вы ведь знаете: сейчас для всех настали тяжелые времена, даже здесь, в Большом Пиплане. Дождей не было, урожай ожидается плохой, пахать в засуху тоже нельзя. Вы, в Малом Пиплане, почти все служили в армии и получаете пенсию, вам есть на что жить в трудные времена, а у нас все сидят без гроша. Вот и приходится отказываться от обычного гостеприимства. И раз уж вы сами сказали, что приданое у вас небогатое, вы должны понять...

— Это оскорбление! — отрезал Мола Рам.

— Но, господи, вы ведь привели с собой столько гостей. А у нас весь урожай пропадет, если не будет дождя...

— Что ты мне толкуешь об урожае! У нас в Малом Пиплане дела обстоят не лучше! Но мы люди порядочные и все же привезли приданое, хотя мне и пришлось заложить самую плодородную землю Панчи! Надо же нам было связаться с этими злыми людьми! Эта Лакшми — сварливая баба, а ее двоюродный брат, мошенник Амру, — настоящий сводник!

— Дядюшка! — взмолился жених. — Сюда идет чаудхри Ачру Рам...

— Тебе-то что! А с каким лицом я покажусь перед нашими, если нас попросят убраться после одной лишь трапезы? Ведь наши родные и друзья столько потратили на наряды... не забывай, что и деньгами немало дали...

— Не сердитесь, господин мой! — скулил парикмахер. — Это не моя вина. Но Амру упрямый человек... Они считают, что делают вам большую честь, отдавая эту девушку... Они говорят, что ваша каста ниже...

— Они многое говорят, — с горечью возразил Мола Рам. — Как я жалею, что затеял эту свадьбу, и все для того лишь, чтобы терпеть такое унижение!

— В чем дело, чем вы так взволнованы? —

спросил подошедший чаудхри субедар Ачру Рам, присев возле Молы Рама.

Некоторые из гостей, прибывших с женихом, тоже подошли к ним. Вид у них был недовольный. Мола Рам умолк. Лицо его пошло красными и зелеными пятнами и теперь напоминало корку гнилого апельсина.

— В чем дело? — настойчиво допытывался его закадычный друг, крестьянин Джагг.

— Ничего особенного. Просто очень уж трудный был день. Да и жара усиливается... Видно, скоро наступит период дождей. Наши хозяева настаивают, чтобы все мы остались здесь на четыре дня, как положено. Но я решил, что после окончания брачного обряда сегодня же вечером надо вернуться домой. Слава богу, у нас там не так жарко, как в этом пекле, Большом Пиплане, с его кирпичными домами.

Но люди опытные догадывались об истинной причине такой поспешности.

— Да, да, мы должны вернуться и позаботиться о весенних посевах, — сказал чаудхри Ачру Рам. — А раз уж мы остаемся тут всего на один вечер, надо пойти посмотреть здешние лавки...

Задолго до того, как другие гости из свадебного кортежа кончили наряжаться к обеду, Панчи уже снова сидел на своем упрямом пони, украшенный гирляндой искусственных цветов. Свадебная процессия направилась к дому невесты, и оба оркестра — из Малого Пиплана и Большого Пиплана — поочередно без устали дули в трубы. Никка, двоюродный брат Панчи, снова уселся позади него, а Мола Рам двинулся за ними пешком. Кули несли корзины со сладостями и деревянный сундук с платьями и драгоценностями — приданое невесте со стороны жениха.

Как и раньше, на подступах к Большому Пиплану, так и теперь оглушительные звуки оркестра

Акбара Шаха заглушали пиликанье маленького оркестра из Малого Пиплана.

Сердце Панчи вновь наполнилось весельем. Он чувствовал какую-то безграничную, безотчетную радость. Однако когда его пони подошел к узкому переулку, в конце которого, почти на самом краю деревни, стоял дом его будущей тещи, вдовы Лакшми, радость сменилась тревогой. Лакшми слыла женщиной крутого нрава. Пони осторожно начал спускаться по узкому, сырому и темному оврагу, откуда пахло коровьим пометом, и Панчи показалось, что это путь в преисподнюю. Помимо запахов, исходивших из грязной сточной канавы, до него доносились грубые, обидные слова.

— Этот убогий сирота, этот бродяга, мошенник и головорез хочет пустить всем пыль в глаза, а сам едет в одежде, взятой взаймы, да еще на чужой лошади!

Женщины выкрикивали эти оскорбления, возможно, потому, что Панчи женился на дочери Лакшми, а не на ком-нибудь из их дочерей, а быть может, у них просто были свои счеты со старой вдовой. Однако вскоре шум свадебного хора, который пел приветственную песню на крыше дома Лакшми, отвлек мысли Панчи, и он воспринял смятение своей души как неотъемлемую часть тяжелого испытания, в конце которого его все же ждет награда — его невеста.

Приветственная песня была знакомой:

Ты приедешь верхом на коне,
И с тобой твои братья придут... *

Первый быстрый поцелуй в гирлянду искусственных цветов на его лбу, запечатленный уже немолодой, но еще красивой Лакшми, был ласков. Сурадж помог Панчи слезть с лошади и снял маленького Никку. Стремясь поскорее войти в дом, Панчи перешагнул порог прежде, чем Лакшми успела полить маслом углы двери, и женщины

* Здесь и далее стихи переведены В. А. Смирновым.

Большого Пиплана восприняли это как предвестие беды.

— Ай! — вскрикнула старая вдова, словно он хотел убить ее.

— Стой!

— О горе! Что-то теперь будет! — запричитали женщины.

Панчи замер на месте: одна его нога была уже за порогом. К счастью, Лакшми все же успела облить маслом углы двери, чтобы отвести беду, и натянуто улыбнулась.

Когда Лакшми улыбалась, на ее матово-белом лице появлялись морщинки, сходившиеся у проницательных, серо-зеленых, кошачьих глаз. Таких глаз Панчи еще никогда не видел. Он инстинктивно чувствовал, что при всей ее привлекательности ей нельзя доверять и что между ними всегда будет существовать неприязнь, хотя, впрочем, может быть и не такая, какая обычно бывает между зятем и тещей. В этих краях редко встречались женщины с серо-зелеными глазами, а если и попадались такие, они отличались веселым, но непостоянным нравом.

Эта догадка подтвердилась, когда он услышал, как Амру, двоюродный брат Лакшми, приветствовал его дядю Молу Рама словами, которые можно было истолковать как угодно:

— О Мола Рам, подойди и обними меня... Я не только брат Лакшми и дядя Гаури, я ведь у них вроде отца семейства!.. Надеюсь, вы привезли для нашей девочки богатое приданое, а не те позолоченные безделушки, которыми в наше время люди обманывают друг друга при бракосочетании! О... это твой сын Никка! Ничего не скажешь, красивый мальчик! Уверен, что на этой свадьбе его ждет помолвка!..

Мола Рам, пораженный наглостью Амру, все же сумел сдержать себя. Он подошел к нему и даже обнял его.

— Быстрее идите сюда, — сказал пандит * Бхола Натх, который сидел почти голый под балдахином у ритуального костра в центре двора. Всем было ясно, что этот балдахин Лакшми и Амру взяли напрокат, так же как Панчи одолжил пони, чтобы приехать к невесте.

— Несите приданое во внутреннюю комнату, — приказал Амру, беря на себя роль распорядителя свадебной церемонии. — Мальчик пусть поможет пандиту Бхоле Натху. Невеста сейчас наверху со своими подругами и скоро сойдет вниз. Спешить некуда, пандит-джи, впереди целая ночь, — добавил он, обращаясь к священнику.

Согласно обычаю гости сняли с Панчи обувь, и он пошел по краю двора, покрытого ковром, осторожно пробираясь среди гостей, которые в праздничных белых одеждах, разноцветных жилетках и тюрбанах сидели вокруг жертвенного огня.

Амру подошел к пандиту Бхоле Натху и, взяв его за руки, стал что-то шептать на ухо.

Пандит утвердительно кивал головой, но Панчи показалось, что барабанный бой на террасе, шум песен, болтовня гостей и жар жертвенного костра мешают старику понять, что говорит Амру. Как только Амру в сопровождении Лакшми и Молы Рама ушел с террасы, Бхола Натх велел невесте спуститься с террасы и начал по памяти читать священные стихи.

Второй раз Панчи обходил жертвенный огонь вместе с Гаури, которая была привязана к нему концом передника. Ему хотелось лишь одного: поскорее покончить с этим сложным и утомительным ритуалом и поднять, наконец, красное покрывало, закрывающее ее лицо, чтобы убедиться, что она не дурнушка и у нее такая же светлая кожа,

---

* Пандит — ученый-брахман, знаток вед — священных книг индусов.

как у матери. Ведь не раз уже молва делала из уродливой невесты красавицу. Точно так же могли обмануть и его. Правда, многие люди утверждали, что Гаури красива, но ведь всякое бывает... Он снесет и жару, и пот, и монотонные молитвы, лишь бы его надежда сбылась! Но когда уже пошел третий круг, из сарая донеслась громкая перебранка. Затем оттуда вышел возмущенный Амру и, подойдя к Бхоле Натху, громко прошептал:

— Постойте, пандит-джи! Перестаньте кружиться вокруг огня! Нас обманули! В приданом одни только дешевые позолоченные побрякушки!

Однако пандит Бхола Натх продолжал читать священные стихи, словно был совершенно глух ко всяким низменным материальным расчетам.

Вслед за Амру из сарая показалась Лакшми. Она понимала: случилось то, чего и следовало ожидать, за свою дочь она получила лишь несколько безделушек из накладного золота. Мола Рам не выполнил подразумеваемого условия, что к приданому будет приложен куш деньгами. А она так надеялась получить за Гаури достаточно денег, чтобы купить буйволицу и расширить свою молочную торговлю. От обиды ее веселые серо-зеленые глаза затуманились слезами. Но тут же со свойственным ей практицизмом она стала прикидывать, что можно будет урвать из свадебных нарядов, которые привез Мола Рам.

— Продолжай священный обряд, пандит Бхола Натх, — сказала она, — и не обращай внимания на Амру... Ведь ненавидеть или любить можно только равных себе. Будем считать, что я отдаю Гаури этим людям из милости...

И она величественно проследовала в комнату, расположенную за верандой.

Когда огонь обошли четыре раза, снова неистово загремел оркестр Акбара Шаха, возвестив о начале свадебного празднества. Гостей рассадили во дворе дома Амру. Тут же рядом стояли односельчане невесты, добровольно взявшиеся разносить

гостям лакомства, приготовленные толстым деревенским кондитером Дасратхом.

Наглые слова Амру о приданом и оскорбительные намеки Лакшми, понятные любому из гостей, окончательно отравили Панчи всю радость свадебной церемонии. Он чувствовал, как в нем поднимается ненависть к деньгам — причине всех раздоров. Пока еще все гости были возбуждены предвкушением свадебного пира. Скоро, однако, и они будут обижены плохим угощением и обилием шпилек в их адрес. Ведь согласно старинному обычаю, когда мужчины — родственники и друзья жениха — садятся за свадебный стол, женщины — родственницы и подруги невесты, — расположившись на террасе, поют приветственные песни и высмеивают в едких шуточках самых важных гостей, пирующих внизу. Так было и сейчас. Женщины пели, разделившись на две группы: одна спрашивала, другая отвечала. И уж, конечно, их шутки жалили куда больнее, чем перец в чечевице или в творожном пудинге.

Женщины из Большого Пиплана начали с Молы Рама. Хор спрашивающих пропел:

Эй, Мола Рам, мерзавец,
Скажи нам, кто ты есть?

И другой хор ответил:

Я Мола Рам,
Я Мола Рам!
Мое лицо сурово,
Ведь я большущий рева.
Я прежде был сержант —
Вся гордость моя в том.
С приданым всех надул я,
Я с правдой не знаком.

Потом пришел черед старосты деревни Малый Пиплан, шестидесятилетнего субедара Ачру Рама. Обращаясь к нему, хор пропел:

Эй, Ачру, растлитель дочерей,
Где ты оставил свою честь?

Другой хор ответил:

Я в армии ее забыл,
Я вру, что очень беден.
Вконец Пиплан я разорил,
Пиплан мой голоден, уныл,
А мы с Бирбалом что есть сил
Его нещадно грабим.

По мере того как шутки делались все острее, на стол стали подавать сладкое. Появился рисовый пудинг, засахаренные сливы, пирожные и другие лакомства. Старшие, церемонясь, брали понемногу, мальчишки вынули цветные носовые платки и, не стесняясь, принялись заворачивать в них сласти, чтобы отнести домой. Затем последовал творожный пудинг.

Ко всеобщему удивлению, к концу пиршества стали твориться странные вещи. Все гости почему-то принялись до неприличия громко хохотать и нести страшную чепуху. Взаимные оскорбления, которые они бросали в лицо друг другу, далеко превосходили все то, что говорили о них женщины, сидевшие на террасе. Молодые даже начали драться. Те, кто был покрепче желудком, спохватились первые.

— Эй, молодежь, осторожнее, в твороге — гашиш! — крикнул Мола Рам.

— Пора идти, — решительно встал субедар Ачру Рам и, кое-как собрав всю шумную ватагу жителей Малого Пиплана, повел ее обратно на постоялый двор. Кто потрезвее помогали идти остальным, а женщины, подруги невесты, щедро отпускали острые словечки и шутки, издеваясь над юношами за то, что они так легко дали себя провести и наелись гашиша.

Между тем подружки невесты увели Панчи на «смотрины».

Когда его вводили во внутренний двор, он, обычно не отличавшийся застенчивостью, держался очень робко. Затем робость сменилась жгучим сты-

дом: в присутствии невесты, которая сидела укрытая покрывалом, в окружении своих подруг, сопровождавшие его девушки сделали его мишенью своих шуток.

— Иди, иди, — говорила темнокожая девушка с красивым тонким лицом, подталкивая Панчи вперед. — Меня зовут Паро, я подружка твоей жены Гаури, и тебе нечего меня бояться!

Когда он двинулся вперед, к нему подошла другая девушка и сказала:

— Я Камли, тоже подружка твоей Гаури. Я буду прислуживать тебе... Теперь подойди и стань здесь, а мы спросим невесту, откроет ли она перед тобой лицо.

Панчи повиновался и стал там, где ему велели. Паро отступила назад и незаметно присела позади него. Камли подошла к невесте и что-то шепнула ей на ухо, затем быстро повернулась и, вытянув руки как для приветствия, толкнула Панчи. Все произошло так быстро и неожиданно, что он кувырком перелетел через Паро. Девушки залились безудержным смехом. Панчи сел и принялся поспешно поправлять разрушенный тюрбан и разглаживать одежду, пытаясь восстановить свое достоинство. Шутка была такой грубой и жестокой, а тюрбан разрушен столь непоправимо, что Панчи даже побледнел от обиды и окончательно растерял весь тот пыл, который ему надлежало проявлять.

Две молодые женщины, сидевшие возле Гаури, поднялись со своих мест и, с деланным сочувствием причмокивая губами, подошли к Панчи, чтобы повести его к невесте. Подобно любому наивному парню, оказавшемуся в роли жениха, каким, по существу, и был Панчи, он поверил им и покорно повиновался. Одна из них помогла ему подняться, в то время как другая ласково гладила его лицо рукой, измазанной сажей. Все смеялись над ним, кроме невесты, которая продолжала недвижно сидеть под покрывалом, похожая на ворох разноцветных тканей.

Темнокожая Паро, притворяясь, что защищает Панчи, проговорила:

— Нет сестры, это нечестно! Он ведь мне почти что двоюродный брат. Мой отец был другом его отца!

Панчи был в дикой ярости. Он ни от кого не сносил оскорблений, разве только в детстве, когда мальчишки старше и сильнее плевались в него. Но он смутно догадывался, что все эти шутки — необходимая часть священного свадебного ритуала, и рыцарские чувства взяли верх над злостью, переполнявшей его сердце. Присоединившись к общему смеху, он вышел вперед и сел рядом со своей невестой.

Одна из девушек, которая укладывала на бронзовой тарелке бетель, украшая его серебряной и золотой бумагой, предложила ему лист бетеля с такой невинностью и сердечностью, что он совершенно успокоился. Он взял его, положил в рот и тут же убедился, что под золотой бумагой на тарелке было полно золы и угольной пыли. Панчи встал и сплюнул, вызвав этим новый взрыв смеха у жестоких подружек невесты. Гаури не выдержала и погрозила пальцем своим истерически хохочущим подругам.

Однако Панчи вовсе и не думал быть ей благодарным за такую заботу, полагая, что именно она и является причиной всех его унижений, — ведь только за то, что он желал увидеть лицо своей невесты, ее подруги оскорбляли его.

— Ну уж теперь-то, после такого приема, ты покажешь мне свое лицо! — тоном забияки сказал он.

Гаури робко покачала головой и что-то прошептала на ухо одной из подружек. Не зная, что она сказала, Панчи подумал, что она продолжает упорствовать, и почувствовал, как в нем снова закипает гнев.

— Она говорит, что не хочет мучать и дразнить вас, это только шутки подруг, и вы не должны об-

ращать на них внимания, — поспешила успокоить его девушка.

— Сними же покрывало, — сказал он.

Гаури даже не пошевелилась. Тут снова вмешались подружки.

— Нужно совершить определенные обряды, прежде чем невесте можно будет открыть лицо, — сказала одна из них.

А вторая добавила насмешливо:

— Ты подарил ей только одну позолоченную безделушку и поэтому теперь должен заплатить еще ашрафи *, прежде чем мы позволим ей снять покрывало.

— И еще ты должен разгадать три загадки, только тогда мы разрешим тебе увидеть доброе лицо нашей Гаури, — вставила третья.

Панчи знал, что по обряду ему действительно полагается разгадывать загадки, — тут возражать не приходилось. Но упоминание о позолоченных побрякушках и требование золотого ашрафи огорчило его. Он побледнел и уже хотел возмутиться, но девушки быстро разгадали его намерение. Подняв его с места, они окружили его и, взявшись за руки, начали танцевать: одна из них аккомпанировала на барабане.

В стремительном танце кружились они с песней вокруг Панчи. Постепенно ритм этого танца захватил его. Он успокоился, улыбнулся и даже стал неуклюже танцевать вместе с ними. Аромат, исходивший от девушек, опьянял его, нежные прикосновения их рук и коленей наполняли его тем томлением, которое он испытывал в ранней юности, и он блаженствовал в приливе охватившей его чувственности.

Когда танец закончился, и подружки невесты упали возле него на колени, чтобы перевести дыхание, его охватила беспричинная радость, тело его расслабло от волнующей близости девушек, от-

---

* Ашрафи — индийская золотая монета.

кровенно возбужденных в своей деревенской простоте.

Однако лицо Гаури было все еще закрыто — Панчи предстояло отгадывать загадки.

Когда он с грехом пополам справился и с этим испытанием, Гаури, не желая больше мучить его, приподняла край покрывала.

— Нет, нет, сестра, ты не должна показывать ему лицо, пока он не даст тебе золотую монету! — запротестовали девушки.

Но Панчи уже не слушал их — слишком большое впечатление произвели на него светлый лоб Гаури и ее большие, с поволокой глаза. Не в силах больше сдерживаться, он потянул за конец покрывала и увидел покрытое румянцем невинности светлое лицо крестьянки с правильными и выразительными чертами. Но прежде чем он успел рассмотреть на этом лице каждую черточку, она снова закрылась покрывалом. Ободренный своим первым успехом, Панчи достал золотые серьги, которые мать завещала ему для невесты, и со словами: «Позволь мне отдать тебе золото, которое ты требуешь», — смело взял ее лицо в свои руки и хотел снова открыть его. Завязалась притворная борьба, во время которой девушки визжали от страха и радости, а жених и невеста настолько приблизились друг к другу, что, когда Панчи удалось вторично открыть ее лицо, он вынул из ушей Гаури дешевые серьги и вдел в них золотые. Потом он погладил ее подбородок и заглянул в ее большие застенчивые глаза. Девушки снова ударили в дхолки *. Жениху дали лист бетеля, он положил его в рот невесте, а потом сам откусил кусочек...

В тот момент, когда Панчи впервые увидел Гаури, раздался первый крик петуха. Девушки еще продолжали петь под аккомпанемент дхолки. Но вот со слезами на глазах — как и полагалось

---

* Дхолки — индийский маленький барабан.

по обряду — вошла Лакшми и попросила девушек подготовить ее дочь к отъезду в дом мужа. Девушки надели на Гаури серьги, повесили ей на шею гирлянду цветов и усадили в нарядный паланкин. Смущение, которое Панчи все еще чувствовал в глубине души, постепенно проходило — ведь он стал обладателем девушки, которая оказалась такой миловидной и доброй. Но все же он старался быть сдержанным, как и подобает жениху из Малого Пиплана, который добился руки невесты из Большого Пиплана.

— Пошел, Сона! Пошел, Чанди! Чтоб вам обоим сдохнуть!.. Пошли!.. — Панчи в сотый раз кричал на тощих волов, подгоняя их вперед. Ему хотелось как можно глубже вспахать твердую, выжженную солнцем землю, которая после нескольких ливней, прошедших на неделе, только чуть-чуть размякла сверху. Но, осыпая животных проклятиями, Панчи знал, что ни Сона, ни Чанди не могут двигаться быстрее, потому что уже несколько дней питаются одним сеном и водой, не видя и крошки хлеба.

Панчи поднял палку, но не посмел ударить волов — они принадлежали Моле Раму, который одолжил их ему при условии, что Панчи вспашет два акра земли на его участке. Поскольку волы не проявляли особого рвения, несмотря на занесенную над ними палку, Панчи стал отчаянно тыкать их палкой в ноги, не скупясь на отборную ругань.

Сона и Чанди реагировали на это лишь легким подергиванием кожи, даже не отмахиваясь хвостом. Панчи понял, что большего от них не добьешься, и решил остановиться на некоторое время, чтобы дать им возможность передохнуть. Затем он снова погнал волов вперед. Но теперь он не очень-то налегал на плуг, чувствуя, что ему пора устроиться на отдых в тени живой изгороди из колючих кактусов...

— Идите же, идите! — уговаривал он заупрямившихся волов более мягким голосом и выразительно причмокивал губами.

Волы важно фыркнули, как будто их тщеславие было удовлетворено, и сделали несколько резких рывков вперед, потащив за собою плуг и вместе с ним Панчи.

— Вот это дело! — сказал он и, чтобы восстановить равновесие и вместе с тем поглубже пропахать твердую землю, всей тяжестью навалился на плуг. Но, проявив некоторую резвость, Сона и Чанди тут же опять перешли на ровный медленный шаг. А Панчи снова принялся осыпать их проклятьями и крутить им хвосты. Однако вскоре ему стало жалко их, и он пошел дальше, уже не так сильно налегая на плуг и успокаивая себя тем, что он сможет пропахать этот участок вторично, если с первого разу вспашет его недостаточно хорошо. Сочувствуя волам, он невольно вспомнил и о своих несчастьях. В нем росло чувство смутной обиды на людей, особенно на дядю Молу Рама, который заставлял его делать всю работу, и на Гаури, приход которой в дом почему-то совпал с долгами, с засухой, с дрязгами и раздорами в его семье. Вошедшие в поговорку стихи из эпоса «Хир и Ранджха», где все жизненные невзгоды героя автор объясняет его чрезмерной любовью к женщине, внезапно пришли ему на ум:

— Твоя любовь, мой Хир,
Меня провела через мрак бытия...

Панчи произносил стихи нараспев, с глубокими придыханиями, так что в конце концов они стали походить на мелодичную песню. Казалось, к ней прислушивались даже волы, хлопая своими длинными ушами. Мелодия словно убаюкивала волов, и их шаг совсем замедлился. Панчи легонько тыкал их палкой и вдруг заговорил с ними, произнося слова отрывисто, почти как безумный:

— Послушайте, о мои волы, я хочу поведать вам свою судьбу... Мои беды и несчастья начались после женитьбы...

В его словах было столько неподдельной тоски, что он совсем забылся, прислушиваясь к звуку собственного голоса. Затем он откашлялся и опять запел:

— Хир, Хир, о мой Хир!

Печальный припев стихов, казалось, как нельзя более соответствовал этой бесплодной, иссушенной солнцем, пустынной земле. Может быть, поэтому крестьяне, работавшие на ближайших полях, повернулись к нему и закричали:

— Хорошо, Панчи! Хорошо!

Это привело его в замешательство. Он опустил голову и снова принялся размышлять о своих невзгодах.

«Эта Гаури разорила меня, разрушила нашу семью! Она олицетворение богини Кали! Моя тетка Кесаро права, когда говорит, что моя жена — олицетворение Кали, черной богини, которая уничтожает все на своем пути, которая несет в своем дыхании голод и опустошает целые деревни. Как у богини Кали, у нее ожерелье из черепов... Говорят, Кали ходит с мечом в руке, убивает людей и топчет тело своего супруга... Господи! Неужели Кесаро права?.. Нет, нет... Ведь если б это было так, тогда...»

— О Хир, Хир, мой безумный Хир, твоя любовь... — снова запел он.

Когда замер последний звук припева, Панчи подумал, как легко все его друзья согласились бы со скрытым смыслом песни. Ведь после его свадьбы они еще ни разу не ходили вместе с ним на охоту или на рыбную ловлю, как прежде.

— О Сона, о Чанди, о мои сыновья, что толку гнать вас вперед на этом участке, если он... Если он скоро... — Комок встал у Панчи в горле, и он не сразу произнес ужасные слова. Ведь этот участок тоже будет заложен! Так же, как заложили другой, чтобы оплатить свадебные расходы.

Тут Панчи заметил, что волы, пользуясь его рассеянностью, совсем замедлили шаг. Вся его горечь обратилась в неистовый гнев, и он принялся колотить волов по спинам до тех пор, пока его бамбуковая палка не сломалась с громким треском.

— О, чтоб вы оба сдохли! Чтоб сдохла ваша мать, чтоб вас перекусали скорпионы!..

На его беду Мола Рам, спавший в рощице у родника, примерно в четверти мили от поля, услышал эти проклятия и треск. Щетинистые усы на его худом лице, казалось, встали дыбом, он даже вспотел от ярости, и по глубоким морщинам на его лбу потекли струйки пота.

— Не смей бить моих волов, нечестивец! — взревел он. — Дай им напиться, а потом накорми хорошенько. Нечего мучить животных в такую жарищу! Закончишь пахоту вечером, когда станет прохладней...

Панчи не мог расслышать всех слов, но отлично уловил гневные интонации в голосе дяди. Голос Молы Рама и его манера говорить всегда действовали на бесстрашного и необузданного Панчи подобно гипнозу. Так и на этот раз он оцепенел от его слов, как от шипения гадюки. Он ослабил нажим на рукоять плуга, посмотрел на непреклонных волов, несколько раз глубоко вздохнул и направился к источнику, прошептав:

— О мой Сона, о мой Чанди, гнев совсем помутил рассудок моего дяди...

Атмосфера в рощице у родника была поистине грозовой от раскатов брани Молы Рама, когда Панчи прибыл туда вместе с волами. Кроме дяди, он увидел чаудхри Ачру Рама, который лежал в тени, покуривая кальян, а также Раджгуру, сына Ачру, и Бачу, слугу чаудхри, которые сидели в глубоком молчании, лишь изредка нарушаемом бессвязным бормотанием то одного, то другого из них. Панчи привязал волов около кормушки, где лежало немного мелко нарезанного сена.

Голодные волы тотчас ткнулись мордами в кормушку, но тут же снова подняли их и недовольно замычали, давая понять, что сено они считают невкусным и просят напоить их.

— Видишь, они хотят пить, — зашипел на Панчи Мола Рам и, подойдя к кормушке, сказал уже громко, надеясь, что Ачру Рам не слышит его. — Какой же ты олух, племянник, что запряг волов в такую сумасшедшую жару, а потом заставляешь их жевать сухое сено, не дав ни капли воды. Или ты совсем потерял разум, сын свиньи?

— Добром прошу, дядюшка, отстань от меня, или я сам назову тебя свиньей! — ответил Панчи.

— Да как ты смеешь так разговаривать со мной? Я так много для тебя сделал! Я вскормил, воспитал тебя!.. Кем бы ты был, нищий сирота?

— Не горячись, хавалдар-джи! — вмешался чаудхри Ачру Рам: перебранка мешала ему безмятежно покуривать кальян.

— Пойдем, хавалдар-джи! — умоляюще проговорил Бачу, приблизился и потянул его за собой.

Мола Рам, который не считался ни с кем, кроме чаудхри Ачру Рама, потому что тот был его начальником в армии, а теперь самым уважаемым человеком в деревне, позволил увести себя.

— Покури кальян и успокойся, — сказал субедар чаудхри Ачру Рам. — Раджгуру, сынок, пойди и помоги своему другу позаботиться о волах. Бачу, наполни-ка нам трубки!

Перемирие, установленное Ачру Рамом, позволило Панчи без помех наносить столько воды, что ее с избытком хватило и напоить волов и увлажнить корм, который они после этого стали уплетать вовсю. Потом он попросил Раджгуру вылить пару ведер воды на него самого, надеясь этим охладить себя и умерить свое негодование.

— Подойди-ка сюда, Панчи, сынок, — позвал его чаудхри Ачру Рам, когда он закончил омовение.

Панчи кинул взгляд из-под насупленных бровей в направлении рощи и продолжал выжимать мокрую рубашку.

— Тебя зовет субедар сахиб! — поторопил его Раджгуру.

— Ничего! — ответил Панчи. — Твой отец не бог! Подождет!..

— Панчи-лал, ну пойди же сюда! — с раболепством холуя поддержал своих хозяев Бачу.

Панчи понял, что ему придется предстать перед старшими и выслушать нотацию.

Придав своему лицу почтительное выражение, он подошел к ним и, потупив глаза, стал перед чаудхри.

— А ну, субедар сахиб, — вмешался дядя, — внуши этому мерзкому мальчишке, что он прежде всего обязан уважать старших и выполнять поручения, которые ему дают!

— Я не солдат, чаудхри-джи, чтобы меня гоняли на побегушках, оскорбляли и запугивали, — сказал Панчи.

— Нет, нет, сын мой, конечно, ты не солдат, — начал субедар мягко, — только, я думаю, если бы ты пошел в армию и прослужил несколько лет, ты мог бы показать свою отвагу в бою. Ведь ты такой сильный и ладно скроенный малый!..

— Если бы все молодцы из нашей деревни были под моим началом, — сказал Мола Рам, — я бы сделал из них людей.

— Своим вечным запугиванием вы сделали из них ослов, — отозвался Панчи.

— Скажите, субедар-джи, — начал Мола Рам. — Слыханное ли дело, чтобы молодой человек так разговаривал со своим дядей? Я с таким трудом вырастил и женил его. Я отдал ему землю его отца, одолжил ему своих волов...

— Присядь, сын мой, — сказал субедар, поглаживая свою бороду. — Я думаю, ты должен быть благодарен своему дяде и не отвечать ему так грубо.

— Как бы он ни злил меня?

— Ты слышишь, субедар сахиб? — опять вмешался в разговор Мола Рам. — Посмотри на своего благородного Раджгуру и сравни его с этой свиньей!

— Не смей называть меня больше свиньей, или я сверну тебе шею! — закричал Панчи.

— Наша религия проповедует уважение к старшим, — сказал субедар. — А ты...

Но прежде чем субедар закончил свои наставления, Мола Рам вскочил и ударил Панчи по лицу.

Тот ухватил дядю за ноги и повалил его. А потом своими сильными, молодыми руками, натренированными деревенским борцом Хатхи Сингхом, он оттащил Молу Рама в сторону и, схватив за шею, принялся душить его.

— На помощь! Он убьет меня! — завопил Мола Рам.

Панчи еще сильнее сдавил горло дяди, чувствуя, что нервы его напряглись до предела и он и впрямь готов совершить убийство. Дьявольская сила, которая управляла его руками, отразилась и в его взгляде, горящем мрачным огнем ненависти и отчаяния. Сейчас в нем было что-то от того жестокого мальчишки, который всегда предлагает свои услуги, когда надо зарезать козла или убить птицу из рогатки...

Бачу и Раджгуру бросились к Панчи и попытались вырвать Молу Рама из его рук.

— Если он станет снова оскорблять меня, я прикончу его, если даже меня повесят, — сказал Панчи. — Он заложил Бирбалу мою землю. Он одолжил мне волов и заставляет меня, как раба, пахать его землю. И он еще требует какой-то благодарности!

Мола Рам хотел ответить, но слова застревали у него в горле. Вены на его лице и индюшачьей шее вздулись. Еще одно резкое движение — и он испустил бы последний вздох.

Видя, что дело принимает дурной оборот, почтенный субедар поспешно встал со своего топчана и, подойдя к Панчи, сказал:

— Перестань, сын мой. У нас так не делают! Так делают в нечестивых фильмах, которые показывают в Бомбее. Как бы ни был плох твой дядя, ты не должен поднимать на него руку.

— Но он-то поднимает на меня руку!

— Он имеет на это право как старший.

— Как старший... — эхом отозвался Бачу.

Раджгуру также выразил свое согласие, утвердительно кивнув.

С негодованием в душе выслушал Панчи этот хор поющих в унисон голосов и отпустил Молу Рама. Потом он поднялся и, вытирая пот со лба, зашагал по направлению к деревне.

Ему еще долго были слышны негодующие крики Молы Рама; субедар пытался утихомирить его, говоря, что в следующий раз и не подумает вступаться, если Панчи снова набросится на него. Но вскоре Панчи был уже так далеко, что ничего не слышал. Солнце пекло нещадно, и Панчи уже не знал, кого он больше ненавидит — эту жару, своего дядю Молу Рама или всех деревенских стариков, вместе взятых, за то насилие, к которому его сегодня вынудили прибегнуть...

Когда он вошел во внутренний двор дома, бо́льшую половину которого занимал Мола Рам с семьей, а другую — сам Панчи со своей молодой женой, он решил чистосердечно рассказать о ссоре с дядей тетке Кесаро, которая прежде благоволила к нему. Но согласится ли она выслушать его теперь? Ведь после того, как он взял в дом жену, Кесаро стала относиться к нему гораздо хуже. Во дворе Панчи встретила необыкновенная, почти мертвая тишина — даже петуха не было слышно. Жестокая жара, казалось, заставила все живое попрятаться.

Панчи сразу прошел на половину дяди. Несмотря на жужжание прялки, Кесаро, по-видимому, услышала его шаги раньше, чем он вошел, и не подняла головы, притворяясь, что очень занята работой.

— Где Никка? — как бы ненароком спросил Панчи.

— Где-нибудь играет, — чуть слышно буркнула Кесаро.

Какое-то мгновение Панчи молчал. Но хотя он и пытался сдержать себя, он не мог не спросить у нее о причине столь странного отношения к нему.

— В чем дело, тетушка? Почему ты так упорно молчишь?

Кесаро по-прежнему старательно хранила молчание, зная, что он всегда сердится и выходит из себя, когда она делает вид, что не замечает его. Потом, точно вырвавшись из пут молчания, которые она сама на себя наложила, тетка заговорила с редким для нее красноречием, потому что обычно она была гораздо спокойнее, чем ее нетерпеливый, раздражительный и язвительный муж.

— Присматривай-ка получше за своей молодой женой, если можешь! Первое время она была куда как кротка и тиха, а теперь уже стала дерзить мне... С того дня, как эта колдунья из Большого Пиплана переступила порог нашего дома, на нас

посыпались несчастья: наши посевы высохли, волы заболели, и нет ни капли дождя. Но то, что сегодня натворила эта девчонка...

— Где она, тетушка? И что она натворила?

— Грязнуха, бесстыдница! Я даже не хочу о ней говорить!

— Но что случилось? Уж не вышла ли она на улицу без покрывала?..

— Ну, это меня не особенно трогает. Теперь все молодые девушки мало беспокоятся о соблюдении старых обычаев. Но мне не нравится, что в твое отсутствие наш дом посещают Раджгуру и другие твои друзья...

— Кто-нибудь из них был здесь сегодня?

— Еще бы! Приходил Раджгуру! И, как всегда, твоя жена работала при нем с непокрытой головой. Не знаю, что за человек мать Гаури, эта зеленоглазая! О ней говорят всякое... Но, понятно, я не потерплю, чтобы в мой дом приносили грязные привычки мусорщиков и сапожников...

— Я убью Гаури, если она слишком вольно вела себя с Раджгуру!

Радостный огонек загорелся в глазах Кесаро. Она надеялась, восстановив Панчи против жены, снова полностью завладеть его расположением. Однако, не желая заходить слишком далеко в своих наветах на Гаури, которые не имели под собой никаких оснований, она стала усиленно ругать дурные привычки, из-за которых Гаури могла стать парией.

— Мой мальчик, дело совсем не в том, что Гаури держит себя развязно. Пока я жива, можешь быть спокоен на этот счет. Только скажи ей, чтобы не забывала укрывать голову покрывалом. И, главное, она не должна быть такой скрытной и отравлять всем нам жизнь... По ее вине мне пришлось заново перечистить всю посуду и совершить в доме очистительный обряд. Я позвала для этого пандита Рама Деви, а тебе ведь известно, что брамины ничего не делают задаром. Пришлось угостить Рама

Деви, и одним хлебом и овощами дело не ограничилось. Он попросил кхира *. Поэтому все молоко — а Суши дает его так мало — я потратила на кхир, да и рис у нас на исходе.

Упоминание об очистительном обряде помогло Панчи догадаться о том «проступке», который совершила его Гаури. А Кесаро, излив свое негодование, наконец-то сказала то, что хотела сказать:

— И все из-за того, что для нее наступил двадцать восьмой день месяца, а она умолчала об этом!

При этих словах морщины на лбу Панчи немного разгладились, и он попытался смягчить тетку.

— Но ведь в своей деревне Гаури слывет кроткой и послушной, как телочка.

— Телочка? Ты бы видел, как она разворчалась, когда я запретила ей подходить к кухне!

— Но ведь дело-то только к лучшему, тетушка! По крайней мере у нас не будет лишнего рта в эти трудные времена...

— Сын! Как ты можешь шутить такими вещами?.. И твоя покойная мать, и бабушка, и все наши родные всегда свято почитали религиозные законы, а они говорят, что женщина в это время неприкасаема, она должна есть отдельно от остальных и не входить на кухню, чтобы не осквернить пищу и посуду! И к тому же по нашему обычаю лучше, если б она была беременна!

— Может быть, мне следовало бы вообще увезти ее отсюда? — задумчиво произнес Панчи. — Вот разделим имущество и...

— Ах, как ты можешь думать о разделе, сын мой! Ведь мы должны еще женить Никку. А ты старший в семье.

— Да я и не настаиваю на разделе, тетушка, этого хочет твой муж, — сказал Панчи. — После сегодняшней ссоры.

---

* Кхир — рисовая каша на молоке.

— Ты не должен обижаться на меня за то, что я сказала о твоей жене! В конце концов для меня она невестка, и если учесть, что у нее нет настоящей свекрови, то я...

— Да нет же, я говорю не о твоей ссоре с Гаури, а... видишь ли, сегодня у родника мы с дядей подрались. Я не мог сдержаться, когда он стал задирать и оскорблять меня!

— Что вы не поделили? Надеюсь, ты не покалечил его?

— Нет, но я «покалечил» его авторитет.

— Зачем, зачем ты поднял на него руку, сын мой?.. — запричитала Кесаро, и слезы хлынули из ее глаз. — Какое-то проклятие висит над нашим домом. Я уверена, что виной всему эта злосчастная девчонка!

В эту минуту в комнату вбежал Никка. Он очень удивился, увидев свою мать в слезах, придал своему лицу серьезное выражение и подошел к Панчи. Но тот подтолкнул его к матери.

— Что с тобой? — спросил мальчик.

— Ужасные беды обрушились на нас, сын! — заголосила Кесаро. — Твоя невестка нечестивица и грязнуха! А Панчи и твой отец подрались сегодня у колодца. Что мне делать? Что делать?..

Никка, который считался с религиозными запретами еще меньше, чем Панчи, и тоже постоянно терпел обиды от своего вспыльчивого отца, боготворил своего двоюродного брата.

— Мама, дай мне чего-нибудь поесть, — только и сказал он.

— Тебе ни до чего на свете нет дела! — возмутилась Кесаро. — Ты только играешь и ешь, ешь и играешь. И так целые дни!

— Ты не должен так вести себя, Никка! — сказал Панчи, подмигнув ему. — Ты не должен так много есть. Запасов риса в вашем амбаре нет. И ты должен стать таким же тощим и злым, как твой отец...

С этими словами Панчи отправился на свою половину.

Войдя в спальню, помещавшуюся в правой стороне их жилища, он увидел Гаури. Она лежала, скорчившись на коротком плетеном топчане. При виде ее маленькой, беспомощной фигурки Панчи почувствовал себя виноватым, потому что он всегда держал сторону Кесаро, что часто вынуждало Гаури убегать в эту темную комнату. Гордость мешала Панчи попросить у Гаури прощения, и, терзаясь сознанием вины, он лишь еще более сердился. Он постоял немного около жены, колеблясь между нежностью к женщине, которая должна была нести наказание за нарушение глупого обычая, и боязнью потерпеть неудачу на пути примирения. Затем он все же заговорил с ней, решив прибегнуть к обычному способу обращения с женщинами — сначала попробовать подействовать уговорами, а потом — палкой.

— Встань, моя девочка, — сказал он, вытягивая губы как для поцелуя.

Гаури, которая слышала, как вошел муж, нарочито громко всхлипнула, хотя к этому времени уже перестала плакать. Желая вернуть себе расположение мужа, она полагала, что лучше всего добьется этого слезами. К сожалению, она еще недостаточно знала характер Панчи, у которого слезы чаще всего вызывали не жалость, а гнев.

Он стоял перед ней, подбоченясь, и цедил сквозь стиснутые зубы:

— Замолчи сейчас же. Подумать только: ревет как на похоронах собственной матери!

Упоминание о матери всколыхнуло в Гаури воспоминания о родном доме, о ласке и доброте, которые она там видела, и ее притворные всхлипывания перешли в настоящие рыдания, прерываемые возгласами:

— О мама! О моя мама! Кому ты меня отдала? Неужели у меня обязательно должна быть свекровь?

Повинуясь какому-то внутреннему голосу, Панчи сел на топчан рядом с женою и погладил ее по голове. Ему вспомнилось, что его собственная мать когда-то так же утешала его, говоря: «Поплачь хорошенько, сынок, и боль пройдет». Он шепотом повторил этот совет Гаури:

— Поплачь хорошенько, моя девочка, поплачь, и боль пройдет.

После этих слов Гаури расплакалась еще громче и запричитала:

— Ах, мамочка, где ты? Зачем ты отдала меня в этот дом?..

Панчи продолжал терпеливо сидеть около жены. Наконец она перестала плакать и села на топчан, сморкаясь и откашливаясь.

— Не надо плакать, — сухо сказал Панчи. — Научись терпению...

— Терпению?.. — с негодованием повторила Гаури. — И как долго я должна терпеть придирки Кесаро и твои побои, которыми ты хочешь ей угодить?

— Что же ты предлагаешь?

Панчи весь покраснел, признавая справедливость ее слов.

Гаури молчала. Она не видела возможности распутать клубок противоречий между свекровью и ею. Тут могла помочь только смерть Кесаро или ее собственная.

— Они не очень-то добры и ко мне, — сказал Панчи, желая утешить ее. — Сегодня я здорово подрался с дядей.

— Разреши мне вернуться в дом матери, — опустив голову, произнесла Гаури традиционную просьбу, с которой обращается к мужу несчастная молодая жена.

— Мы придумаем что-нибудь другое, — сказал Панчи. — Мы можем...

— Отделиться от твоих родных! Ведь я умею готовить и вести хозяйство! Разве я не делаю здесь всю домашнюю работу?

Панчи был поражен трезвостью и разумностью речей своей «кроткой телочки». Но он еще более удивился, когда перед ним выросла его тетка.

— Тьфу! Чтоб ты сдохла, крикливая и нахальная ведьма! Посмотрите на нее, люди. Вот неблагодарная! — Кесаро так и сыпала проклятьями. Очевидно, она подслушала разговор Панчи с женой через дверь, ведущую в переднюю. — Эта ведьма посмела заговорить о том, чтобы отделиться! Эта потаскушка из Большого Пиплана уселась здесь в темноте, чтобы разжалобить и обойти мужа! Знаем мы эти фокусы! Грязнуха! Уж, наверно, ты принадлежишь к касте мусорщиков и поэтому без зазрения совести оскверняешь мой дом!..

— Тетушка! — протестующе начал Панчи.

— Мама, не говори так, — сказал Никка, который стоял позади матери.

— Что тут происходит? — спросил Мола Рам, который вошел во двор и сразу же услышал голос своей жены, раздававшийся на половине Панчи. — Наверное, этот выродок срывает зло на своей жене?.. Вот свинья! Ведь он посмел поднять на меня руку, и все из-за того, что я хотел спасти моих волов от неминуемой смерти!..

— Нет, Панчи тут ни при чем, — сказала Кесаро, оборачиваясь к мужу, который вошел в темную комнату. — Это все она, ведьма, распутница, бесстыдная потаскуха...

Но точно так же, как Кесаро питала слабость к Панчи, Мола Рам благоволил к Гаури.

— Нет, она благонравная девочка и во всем слушается тебя, — возразил он, насмешливо глядя на жену. — Виноват во всем Панчи!

— Ты еще не знаешь эту «кроткую телку»! — закричала Кесаро. — Она подбивает Панчи на раздел, чтобы жить отдельно от нас!

— Будь уверена, это идет от него! — сказал Мола Рам. — Я знал, что он сделает это после того, что случилось у колодца. Он не постыдился избить своего родного дядю на глазах у субедара

Ачру Рама! Пусть отделяется! Он уже получил свою землю, хоть она и заложена Бирбалу. Пусть теперь сам рассчитывается с ростовщиком! А что касается дома, то он может убираться отсюда на все четыре стороны. Я не отдам ему его половину, пока он не вернет мне деньги, потраченные на его свадьбу. Я их выложил из собственного кармана!..

Панчи, который молчал во время всей этой тирады, не мог больше сдерживаться.

— Какие это деньги ты потратил на мою свадьбу?

— Заткнись, паршивый пес! — крикнул Мола Рам, прячась за спину своей жены. — Ты не умеешь считать и не хочешь знать, сколько ушло денег на твою свадьбу. Но у меня все записано... Мне пришлось выложить еще пятьсот рупий к тем, что Бирбал дал мне под залог твоей земли и под ожерелье твоей матери...

— Пойдем, Гаури, пойдем подальше от этого змея...

— Иди, иди, мошенник! Жулик! Иди и будь проклят! Чтоб я тебя больше не видел! И чтоб ноги твоей не было в моем доме!

— Он такой же твой, как и мой! — закричал Панчи, подбегая к дяде. — И люди помогут мне получить свою долю.

— Я солдат на пенсии, и закон будет на моей стороне! — сказал Мола Рам, трясясь от злости и страха перед разъяренным Панчи.

— Отец! — взмолилась Кесаро, обращаясь к мужу. — Не выгоняй парня из дому!..

— Он и не может выгнать меня. Я сам ухожу отсюда, — уже в дверях гордо сказал Панчи.

— Ну и уходи! — прогремел Мола Рам, почти обезумев от страха перед Панчи и вместе с тем упорно не желая отступать перед племянником. Пятясь от угрожающей фигуры Панчи, он оказался возле полки, где стояла начищенная до блеска

латунная посуда — приданое Гаури, — и начал выбрасывать ее во двор.

— Что ты делаешь? — закричала Кесаро. — Это дурная примета!

Но Мола Рам, взвинтив себя до невменяемости и содрогаясь от отчаянной смелости своего поступка, продолжал выбрасывать утварь до тех пор, пока рука его не онемела. Кончив буйствовать, он сказал:

— Иди! Отделяйся! Забирай свои вещи и убирайся!

— Я возьму свои вещи потом, а сейчас уйду, чтоб не слышать больше вашей ругани! — ответил Панчи и, подойдя к топчану, на котором сидела Гаури, знаком велел ей подняться. — Мы отправляемся в дом Раджгуру!.. Одевайся и пойдем.

— Что ты, сын мой! — закричала Кесаро. — Неужели ты хочешь одолжить свою жену сыну субедара! Слепец! Как же ты не видишь, что он уже раньше часто бывал здесь и...

— Неужели это правда? — сказал Панчи, повернувшись к Гаури. — И ты посмела... — Но он не произнес ужасных слов. Он только ударил жену по голове раз, другой, третий, и она, рыдая, упала на постель.

Теперь, конечно, не могло быть и речи о том, чтобы идти к Раджгуру.

Панчи медленно брел по направлению к манговому саду, находившемуся далеко за деревней, чтобы наедине с собой разобраться в том, что, собственно, произошло. Но он никак не мог собраться с мыслями. Он долго бродил без цели, никого не встретив по пути, и вернулся домой, когда совсем стемнело. Свежий воздух пошел ему на пользу: едва войдя во внутренний двор дома, он сразу почувствовал, как здесь душно, не говоря уже о том напряжении, которое все еще висело в воздухе

после происшедшей днем ссоры. Всюду царила мертвая тишина.

Он поднялся по деревянным ступеням на верхнюю террасу, намереваясь поскорее лечь спать и все позабыть. Его кровать была разобрана, но топчан, на котором спала Гаури, был пуст. Он понял, что она все еще сидит в темной комнате. Мгновение он раздумывал, пойти ли ему вниз и уговорить Гаури подняться или сразу же лечь спать. Ревность, вспыхнувшая в нем от намеков Кесаро, утихла, и сейчас он ощущал прилив нежности к жене. Но мужская гордость не позволяла ему показать Гаури свои истинные чувства, хотя он все-таки направился к лестнице.

Спустившись вниз, он увидел Кесаро. На ладони руки она держала блюдо с ужином.

— Иди, сын мой, — зашептала она. — Иди поешь... Нельзя так долго сердиться! Ты же знаешь, что твой дядя часто бывает в дурном настроении...

— Отстань, — ответил он, — я не голоден...

— Я прошу тебя, сын! — настаивала она.

Панчи оттолкнул ее в сторону и устремился к темной комнате. Как он и предполагал, Гаури была там. Она лежала на постели почти в той же позе, как и днем, когда он вернулся с поля. Белая одежда повторяла очертания ее хрупкой девичьей фигуры.

— Ты с ума сошла, — с напускной грубостью произнес Панчи. — Тут совсем нечем дышать... Ты ужинала?

— Никка приносил мне поесть, только мне совсем не хочется...

— Тетка тоже только что просила меня поужинать.

— Зачем она хочет развести нас? Неужто ей мало одного мужа и нужен другой...

— Не говори так... — оборвал он ее.

— Но ведь так оно и есть! — с неожиданной смелостью сказала Гаури.

Он молчал, подавленный и смущенный ее словами, чувствуя, что она не такая уж простушка, какой ее считают, и прекрасно все понимает.

— Кесаро не очень-то счастлива с дядей, — промолвил Панчи после долгой паузы. — Когда он служил в армии, а Никка еще не родился, она души во мне не чаяла и привыкла считать меня своим сыном... Может быть, она ревнует меня к тебе и не может смириться с тем, что в дом пришла другая женщина...

— Так как же я смогу поладить с ней? — жалобно проговорила Гаури.

— Постараюсь найти где-нибудь другое жилье, — сказал Панчи.

В комнате было жарко и душно, с него градом лил пот. Он взял Гаури на руки и понес ее. Она была совсем легкой и спокойно лежала у него на руках. Но как только он вышел с нею в другую комнату, освещенную слабым светильником, она взмолилась:

— Не неси меня дальше. Если нас сейчас увидит Кесаро, она никогда не простит мне этого. Поднимись наверх один, а я приду, когда вымоюсь.

— Знаю я ваши уловки, — ответил он, снисходя до улыбки. — Мы пойдем вместе... Я тоже хочу помыться.

Эти слова привели Гаури в полное замешательство. Слабо протестуя, она вырвалась из его объятий и побежала обратно в темный чулан за чистой одеждой.

Тем временем Панчи разделся и, поставив лампу в угол комнаты, где стояли два медных кувшина с водой, начал мыться.

Из стыдливости Гаури спряталась за перегородкой, чтобы вымыться после мужа. Но Панчи решил, что сейчас самый подходящий момент, когда он сможет победить ее сдержанность и чрезмерную застенчивость. Подойдя к ней, он стянул с нее одежду. Тело Гаури соблазнительно забелело в тем-

ноте. Панчи поднял жену и перенес к тому месту, где стояли кувшины с водой, не обращая внимания на ее мольбы и предостережения о том, что будет, если их увидит Кесаро.

В порыве вожделения он лил на ее тело воду, потом вытирал его досуха, лаская ее груди со смелостью и непринужденностью, которая удивила и ошеломила Гаури настолько, что она покорно принимала его ласки. Но все это время ее веки были опущены, стыд и смущение терзали молодую женщину. Панчи взял жену за подбородок, приблизил свое лицо к ее лицу и заглянул ей в глаза.

Когда взоры их встретились, она впервые почувствовала, что какая-то теплая волна прилила к ее сердцу.

— Не бей меня больше, Панчи!.. — с дрожью в голосе произнесла Гаури.

— Муж должен наказывать жену, когда она провинится, — снисходительно объяснил он.

И Гаури, которая почти не видела от своего своенравного мужа ни ласки, ни заботы, посчитала за дар судьбы ту снисходительность и терпение, с которыми он сейчас разговаривал с ней.

Когда они поднялись наверх, Панчи увидел, что Кесаро оставила на его постели блюдо с едой.

— Поешь немного вместе со мной, — сказал он.

— Нет, я не хочу есть, — ответила она.

Тогда Панчи отнес еду на террасу, так и не притронувшись к ней. И хотя супруги не поужинали вместе, как полагается мужу и жене, они впервые за все время их супружества спали на одной постели всю ночь, бросая этим вызов Кесаро и всем сплетницам соседкам.

На следующее утро Панчи вышел из дому раньше обычного, чтобы совершить омовение у источника и побыстрее подыскать себе другое жилье.

Подымаясь от водоема по лестнице, которую построил ростовщик и подрядчик отец лаллы Бирба-

ла, Панчи увидел Дамодара, сына Бирбала. Он спускался вниз к источнику и преградил Панчи дорогу, широко раскинув руки, словно собираясь обнять его.

— Это ты, Панчи! Вот так проворство! Ты всегда встаешь так поздно, и вдруг пришел сюда ни свет ни заря. Твои волосы смазаны маслом, а лицо так и сияет! Что с тобой случилось? Ах, да, конечно, к тебе в дом пришла жена!..

— Ладно, — сказал Панчи без тени улыбки. — Дай пройти, у меня дела.

— Послушайте, что он говорит! У него дела!

— Я ведь не сын ростовщика, который может сидеть на мягких подушках весь день и жить на проценты! Я должен засевать и обрабатывать землю. Если земля сухая, я должен молить небо о дожде. А потом я долгие месяцы жду урожая и беру взаймы у твоего отца, который сосет из нас кровь...

Панчи сказал это с горечью, но Дамодар, привыкший слышать подобные слова с раннего детства и принимать их за добродушное подшучивание, не придал им особенного значения и не сдвинулся с места.

— Дай пройти, — повторил Панчи.

— О! Какой злой дух вселился в тебя сегодня? Говорят, они приходят сюда купаться...

— Держу пари, что раньше всех сюда является дух твоего деда! — язвительно заметил Панчи. — Уж эти ростовщики из всего сумеют извлечь выгоду.

Дамодару, привыкшему к почитанию предков, не понравилось это замечание, и он сказал:

— Давай будем говорить только о твоей грубости и моем великодушии и оставим в покое старших.

— Ну как же, твои родители священны. А ну, прочь с дороги!

Дамодар опустил руки, сообразив, что Панчи не в себе и шутить с ним опасно.

— Ладно, — вдруг сказал Панчи. — Я останусь, если ты готов говорить начистоту.

— Что значит начистоту? Я всегда говорю начистоту! — поспешил оправдаться сын ростовщика, понимая, что Панчи намекает на те деловые разговоры, которые он вел в лавке с клиентами в отсутствие отца.

— Разговор начистоту — это такой разговор, которого торгаш не умеет вести и не может понять, — раздраженно ответил Панчи.

— Пусть ты не поладил со своим дядей, но зачем же ссориться с другими людьми?

Панчи не удивился, что новость о его драке с Молой Рамом уже обошла всю деревню, и понимал, что «общественное мнение», включая сыновей зажиточных родителей — Дамодара и Раджгуру, будет против него. Он со стыдом отвел глаза от сына ростовщика, но потом поднял голову и спросил:

— Наверное, это Раджгуру сказал тебе?..

— О, все знают, как ты силен. Только один человек, пожалуй, сильнее тебя — это Гама Пахалван *. Вон посмотри на Раджгуру! Он идет так осторожно потому, что видел тебя вчера во время сражения и все еще не может опомниться от страха... Ну улыбнись же, бука ты этакий!

— Я еще займусь им, — сказал Панчи, невольно оборачиваясь, чтобы взглянуть на подходившего Раджгуру. — А пока что скажи мне прямо — сможешь ты одолжить мне сегодня сотню рупий?

— Я не занимаюсь делами с раннего утра, — уклончиво ответил Дамодар. — Я хочу, чтобы ты улыбнулся.

— Крестьянин не может позволить себе такую роскошь, — сказал Панчи. — Это слишком большое напряжение для его мускулов. Но почему ты не хочешь ответить мне начистоту?

---

* Пахалван — силач, богатырь *(мифич.)*.

— Ты же знаешь, что по таким делам я должен советоваться с отцом, — возразил Дамодар. — И к тому же ты уже должен платить проценты по закладной. Не в моих силах...

— Ну, конечно, и как это я сам не догадался! Ты слабый, трусливый человек! Проклятый ваш род...

— Согласен, — сказал беззаботно подошедший к ним в это время Раджгуру. — В любом споре между крестьянином и торгашом я на стороне тружеников земли.

— Заткнись! — прикрикнул на него Панчи. — Я набью тебе морду, если ты не оставишь этот развязный тон. И можешь не воображать, что твой отец был субедаром. Он выслужился тем, что лизал сапоги белым сахибам!

— Уж не наткнулись ли мы на осиное гнездо, Раджгуру? — сострил Дамодар.

— Я не собираюсь жалить тех, кто не трогает меня, — многозначительно ответил Панчи.

Оба молодых парня смущенно замолчали.

— Я приходил в твой дом потому, что хотел видеть тебя, — с виноватым видом произнес Раджгуру.

— Так, выходит дело, Кесаро была права, и ты действительно околачивался в моем доме!

— Я же сказал тебе, дурак, что приходил потому, что хотел видеть тебя.

— Дурак — твой отец!

— Тише, тише! — вмешался Дамодар. — Мог же он прийти поиграть в камешки с Гаури. В конце концов она наша свояченица!

— Он отказывает в гостеприимстве своим друзьям! — с обидой в голосе сказал Раджгуру.

— Я тебе не Джагату, сын парикмахера, можешь не кричать на меня! — горячился Панчи. — У тебя нет жены, с которой я мог бы играть в камешки. И когда это Дамодар приглашал нас играть в камешки со своей женой? А ведь она нам тоже свояченица. Не думайте, что моя жена для вас

игрушка только потому, что я крестьянин, а вы сыновья богатых родителей.

— Панчи, брат, помилуй! — запротестовал Раджгуру.

— Не брат я вам! Ты сын субедара! А он отпрыск лаллы Бирбала! Я не огорчусь, если вообще не увижу вас больше!

С этими словами Панчи стал быстро подниматься вверх по ступеням.

Товарищи смотрели ему вслед, вытаращив глаза и открыв рты от удивления.

Панчи душила ярость. Он понимал, что был не прав и наговорил лишнего. Но ведь он и не хотел встречаться с ними. Вот почему он так рано пришел к источнику для омовения. Он знал, что может не совладать с собой. И теперь случилось то, чего он боялся.

— Не стоит с ними связываться, — пробормотал Панчи. — Пойду к тем, к кому я принадлежу. Дядюшка Рафик, гончар, и его семья такие же бедняки, как я сам. Они помогут мне.

К счастью, дядюшка Рафик был дома. Более того, он встретил Панчи как друга и предложил ему половину своей каши из пшеничной мякины, сваренной на воде и чуть подслащенной. Правда, будучи мусульманином, Рафик не был уверен, согласится ли Панчи, этот «дважды рожденный» * индус, принять угощение. Кроме того, он знал, что его жена Хур Бану и Панчи не очень-то жалуют друг друга. Угощая Панчи на ее глазах, Рафик явно шел на конфликт с супругой, и его поступок имел в глазах Панчи куда больше цены, чем по-

---

* «Дважды рожденным» в Индии называют представителей трех высших каст (брахманы, кшатрии и вайшьи), так как в детстве, при достижении ими определенного возраста, над ними совершается обряд, символизирующий их второе, духовное рождение.

пытка тетки Кесаро накормить его накануне ужином за спиной дяди. После вынужденного поста Панчи был очень голоден, и каша пришлась ему по вкусу. Он жадно поглощал ее, с удовольствием причмокивая губами. На Хур Бану произвела впечатление та жадность, с какой ел этот голодный крестьянин, и ее мрачное, грубоватое лицо несколько смягчилось. Однако, кончив подметать угол сарая, где стоял примитивный гончарный круг, и забирая посуду, она все же не удержалась от язвительного замечания:

— Голод поистине творит чудеса! Бедный дом мусульманина оказался достойным посещения нашего брата индуса.

Когда она ушла, дядюшка Рафик, как бы оправдываясь, сказал:

— Видишь ли, брат, Хур Бану не может забыть, как плохо обращались с нами индусы во время раздела страны. Нас чуть не убили... Если бы чаудхри Ачру Рам не укрыл нас тогда в своем доме, нас не было бы сегодня в живых. Все наши братья-мусульмане покинули эти места и перебрались в Лахор. А некоторые — не знаю, правда ли это, — но я слышал, что некоторые были убиты... Твой дядя Мола Рам не был добр к мусульманам... Хур Бану не знает о твоих отношениях с хавалдаром и считает, что ты и твой дядя — это одно и то же. И еще она думает, что ты оказываешь на меня дурное влияние: однажды она видела, как мы вместе с тобой пили вино; это было еще тогда, когда мой брат Мухаммед Бакш был здесь. А теперь, когда у меня нет работы и мой гончарный круг почти все время бездействует, она все время нервничает.

— Помнится, я принес вина в день Бакр-Ид *, а вы зажарили целого козла, — сказал Панчи. —

---

* Бакр-Ид — мусульманский праздник, во время которого в жертву богу приносят какое-либо домашнее животное, обычно козла (отсюда и название: «бакр» — «козел» и «ид» — «праздник»).

У меня тогда была лихорадка, и я ничего не пил, а она подумала, что я выпил больше, чем вы оба! Она очень вспыльчива, совсем как мой дядя Мола Рам. И такая же ярая мусульманка, как он индус.

— Да, она молится пять раз в день и строго соблюдает все обряды. К тому же она ворчунья... Но все же Хур Бану вовсе не такой плохой человек, как Мола Рам. Это она только на словах зла, а сердце у нее доброе.

— Да, о Моле Раме этого не скажешь. Ведь, по сути дела, из-за него я и прибежал к тебе в такую рань.

— Я слышал, вы повздорили вчера у источника. Ну что ж, Мола Рам слабый человек, а гнев скорее ударяет в голову слабым, чем сильным.

— И моя жена много натерпелась в его доме... Там для нас нет больше места...

В этот момент вошла Хур Бану, раздувая тлеющий уголек в трубке мужа, и дядюшка Рафик сделал попытку настроить ее в пользу Панчи, сообщив новость о его бегстве из дому.

— Ты слышала, добрая душа, что Мола Рам и Кесаро поссорились с Панчи и его женой...

— Конечно, слышала, — отвечала Хур Бану, не меняя сурового выражения своего бесстрастного лица. — Огонь и сухая палка вместе не уживаются!

— Вот именно, — сказал дядюшка Рафик, воодушевленный ее замечанием. — Половина земли у парня заложена, всходы вянут от засухи... Плохие виды на урожай у всей деревни. Если земля не вспахана в мае, у скота не будет травы в августе, а девушки будут сидеть в домах своих родителей — эти три беды всегда приходят вместе.

— Наш круг тоже давно не вертится! — напомнила мужу Хур Бану, опасаясь, как бы по простоте душевной он не взвалил на семью новую обузу.

— Да, брат, — сказал дядюшка Рафик, обращаясь к Панчи, — последний раз я по-настоящему крутил свой гончарный круг, когда делал посуду

к твоей свадьбе. С тех пор глина — я беру ее на участке лаллы Бирбала — подорожала, а моего осла украли ткачи, которые ушли в Пакистан. Вот мне и не на чем возить глину для посуды... А впрочем, похоже на то, что посуда никому и не понадобится — весенние всходы увядают, сыпать в мои кувшины будет нечего. Впереди трудные времена... Слушай, Панчи, по соседству с моим домом пустует сарай, там жил мой брат с женой. Наверное, он уже больше не вернется — нашел работу на фабрике латунной посуды в Хошиарпуре.

— Я так и знала, что мы возьмем их себе на шею, — сказала Хур Бану, возмущенная добротой мужа, — знала уже тогда, когда он только появился на пороге. Теперь вино потечет рекой, а желудки будут пусты... А когда в дом придет беда, друзья убегут.

Сказав эту ядовитую фразу, она вышла из сарая.

На мгновение оба приятеля замолкли. Дядюшка Рафик раз-другой затянулся, выпустил дым и протянул трубку Панчи. Тот отказался и продолжал сидеть на месте с убитым видом.

— Когда женщина сердита, она не слушает советов, — начал дядюшка Рафик. — А моей жене есть на что пожаловаться. Ведь я уже два месяца сижу без работы, и мякинная каша — наша единственная пища, да еще шпинат, который она иногда собирает. Денег нет, и я даже не могу продать гончарный круг, оставшийся от брата, потому что в этих местах никто не занимается гончарным ремеслом. Все гончары ушли в Пакистан или работают на фабриках в Хошиарпуре. Ведь если крестьяне остаются без урожая, им не нужны и кувшины, чтобы хранить зерно... — Его глаза затуманились, когда он это говорил.

— Я заплачу тебе за сарай, — сказал Панчи.

Рафик улыбнулся и промолчал.

— Я вовсе не такая уж злая, как ты думаешь, — сказала Хур Бану, выглядывая из-за двери, за которой она подслушивала их разговор. —

Но что я могу поделать, если у меня нет денег даже на одну меру риса?

— Я охотно буду платить по пять рупий в месяц за ваш сарай, — сказал Панчи, торопясь использовать благоприятный момент.

— Деньги, деньги! — рассердился дядюшка Рафик. — В наше время все только и толкуют о деньгах да о ценах. Не хочу больше слышать это слово. Оно отравляет воздух в моем доме. Мой отец и дед имели обыкновение просто обменивать кувшины на зерно у крестьян. Все наши беды с того и начались, что я был вынужден продавать кувшины торговцам за деньги.

— На деньги можно купить еду! — закричала Хур Бану, полагая, что речь ее мужа против денег на самом деле направлена против нее.

— Да, конечно, за деньги можно купить все!.. — с горечью сказал Рафик. — Я знаю цену золоту. Ростовщики ходят гладкие и сытые, они едят за свои деньги чечевичную похлебку, и к ним невозможно подойти, так они воняют... Из помещиков деньги делают красавцев, пусть даже у них нос картошкой и пуговицы вместо глаз. Помещичьи сынки и их любовницы транжирят деньги напропалую. Настоящую цену деньгам знаем только мы! Но будь они прокляты, эти деньги!.. Дайте мне хлеб и разрешите мне мирно жить в моем доме — и мне ничего больше не надо.

— Я могу платить за жилье зерном, если это тебе больше нравится. Лишь бы пошел дождь, ведь один ливень стоит сотни пропашек. Тогда мой единственный акр земли принесет мне достаточный урожай, чтобы заплатить проценты по закладной, и мы как-нибудь дотянем до следующего урожая.

— Да будет на то воля аллаха! — воскликнул дядюшка Рафик. — Хотя сам-то я не верю, что все будет так легко. В этом мире властвует шайтан! За все, за все бедный человек должен платить. А тут на него сваливаются все несчастья: и засуха,

и нехватка денег, и болезни. На лицах людей печаль, усталость и даже смерть. Жизнь так трудна, что, кажется, хуже и не может быть... Да спасет нас аллах!

— Ты ведь неверующий, не слишком ли ты полагаешься на аллаха? — иронически спросила Хур Бану.

— У моей жены есть пара золотых серег, моя мать оставила их мне для моей будущей невесты, — сказал Панчи, уже уверенный, что не останется без крова. — Их можно отдать в залог и купить семян, чечевицы и риса. Так мы сможем продержаться до следующего урожая.

— Вы и жену можете продать, лишь бы спасти свою шкуру, — заметила Хур Бану.

— Вот увидишь, тетушка, мы еще доживем до лучших времен наперекор голоду и назло всем дьяволам вроде Молы Рама!

— Хорошо, брат, переезжай, но не смей бить свою жену. Я женщина и знаю, как хрупко тело молодой девушки!.. — сказала Хур Бану.

— Ты-то уж, конечно, выдержала бы любую взбучку, — подмигнув ей, сказал Рафик и продолжал, обращаясь к Панчи: — Так вот, брат, я одолжу волов у маслобойщика Шейкху, и мы закончим вспашку до начала дождей. Перебирайся ко мне с женой и не думай о своем дядюшке.

Друзья крепко пожали друг другу руки.

В середине того же дня Панчи и Гаури, несмотря на палящий зной, перебрались в пустой сарай, предоставленный им Рафиком. Все их пожитки состояли из одного ящика с одеждой, широкой брачной постели, маленького топчана Гаури и посуды, которая была ее приданым. В сарай был отдельный вход, и Панчи надеялся, что это поможет избежать недоразумений с Хур Бану. Однако жена Рафика оказалась гораздо добрее, чем можно было думать, судя по ее суровой внешности. Она дала Панчи пшеничной муки и шпината, сказав при этом:

— Эта пшеница была куплена на деньги за кувшины, сделанные ко дню вашей свадьбы, так что она в такой же мере ваша, как и наша.

Вся деревня тут же узнала о сенсационном событии — разделении Молы Рама и Панчи, и, похоже, оно произвело не меньший переполох, чем разделение Пенджаба.

Когда Панчи и его жена покидали дом, Кесаро голосила словно по покойнику. Ей до последнего момента не верилось, что они действительно уйдут. Но Панчи не поддался на ее мольбы и вывел Гаури через внутренний двор на улицу, где стояла целая толпа любопытных соседей. И, конечно, в этой патриархальной индийской деревне большинство жителей стало на сторону Молы Рама и осуждало Панчи. Его считали чуть ли не преступником, потому что он не только «оскорблял старших», но и часто не считался с обычаями, «ел и пил вместе с магометанами и другими негодяями из низших каст». Гончара Рафика видели копающим канаву на земле Панчи, и это дало пищу для разговоров о том, что племянник Молы Рама вошел в компанию с гончаром и «совсем откололся от своей касты». Он опозорил всю деревню, потому что сделал это в угоду своей молодой жене, дочери «распутницы из Большого Пиплана». «Что же будет дальше, если грубияны вроде Панчи подают такой ужасный пример деревенской молодежи?..» «Нужно собрать всех членов общины, — настаивал Мола Рам, — и отлучить эту свинью от индуизма. Ведь он поселился в доме мусульманина и будет есть оскверненную пищу». Однако субедара чаудхри Ачру Рама, главу индуистской общины, невозможно было заставить немедленно пойти на эту крайнюю меру, хотя почти вся деревня была настроена против Панчи.

Лишь в дружбе Рафика Панчи нашел поддержку, какой ему никогда не могла дать ничья благосклонность. Проработав все утро в поле, Рафик вернулся домой и тут же взялся за благоустройство

жилища Панчи. Он обмазал коровьим навозом пол сарая и даже навлек на себя негодование своей супруги, отказавшись обедать до тех пор, пока не помог Панчи расставить их нехитрую мебель и не позаботился обо всех тех мелочах, которые создают хоть какое-то подобие уюта в условиях деревенской жизни. Он старался быть бодрым и веселым, оказывая этим большую моральную поддержку Панчи и Гаури. Дядюшка Рафик знал множество мудрых старинных изречений, метко характеризовавших человека или какую-либо ситуацию. Так, когда Панчи упомянул об ужасном нраве Молы Рама, приведшем к разрыву между ними, Рафик сказал:

— Сколько б ты ни распрямлял собачий хвост, он все равно свернется в кольцо.

Сравнение показалось Панчи очень метким, он даже улыбнулся. Позднее, когда уставший от мрачных дум Панчи совсем пал духом, дядюшка Рафик утешил его такими словами:

— Не теряй надежды, брат! Сегодня ты пошел ко дну, завтра вынырнул: такова жизнь!

А когда Панчи вздумал благодарить своего друга, старик заявил:

— Не преувеличивай моих благодеяний, брат, ибо давать — это значит и брать. Недаром мудрец сказал: «Твоя красота — в пище, которую ты даешь, твое благородство — в одежде, которой ты награждаешь». Кстати, дочь моя, — обратился он к Гаури, ласково погладив ее по голове, — я хочу, чтоб ты знала: моя жена Хур Бану на вид подобна яду, но на вкус — чистый сахар.

Быть может, именно под впечатлением глубокой искренней дружбы, связывавшей гончара и его супругу, а также оттого, что она избавилась от постоянных нападок Кесаро, Гаури полностью открыла лицо перед мужем и не боялась заговаривать с ним первой.

— Мусульмане умеют лучше дружить между

собой, чем мы, индусы, — с детской непосредственностью как-то сказала Гаури, подходя с чашкой горячего чая к постели, на которой лежал Панчи. — Я всегда так считала, и в моей деревне тоже так было. Люди нашей касты во время празднеств бросают им пищу, как собакам, а мусульмане всегда приносят нам угощение в чистой посуде. Вот если б только они не ели говядины *.

— Ха, моя телочка!—поддразнил жену Панчи.— Берегись, как бы тебя не пустили на мясо! Я слышал, телятина нравится им еще больше говядины! Твоя мать...

— Ты все оборачиваешь против меня, — сказала Гаури, недовольно надув губы.

— Поди сюда, — сказал Панчи, маня ее рукой. — Я хочу сказать тебе что-то важное.

Она отрицательно покачала головой и продолжала стоять поодаль в застенчивой позе, с чашкой в руке, обернутой краем дхоти **. По ее разгоряченному лицу стекал пот.

— Ну подойди же, моя хорошая, — сказал он, перестав улыбаться и делаясь серьезным.

— Если я говорю, виноватой оказывается моя мать, если я молчу, моего отца называют ослом...

— Хорошо, дитя мое, подойди и сядь рядом со мной, — ласково повторил Панчи.

Ободрившись, она передала ему чашку и присела у его ног, подняв к нему лицо.

Панчи был поражен тем внутренним светом, который озарял ее лицо. Ее большие невинные глаза были полны нежности, и она застенчиво отводила их, встречаясь с ним взглядом. Был ли румянец

---

* Корова у индусов считается священным животным, поэтому индуизм строжайше запрещает убивать коров или употреблять в пищу говяжье мясо.

** Дхоти — индийская национальная одежда, представляет собой длинный, иногда в несколько метров, кусок материи, который обвертывается вокруг бедер (у женщин один конец его перекидывается через плечо).

на ее щеках естественным или это были отсветы от золотых серег? Панчи смотрел на ее уши, и Гаури, заметив это, своим безошибочным чутьем разгадала значение его взгляда. Ее уши вспыхнули от смущения и гордости.

Панчи понял, что она догадалась, о чем он хочет просить, и смущенно опустил голову.

— Я согласна заложить их, — сказала она и принялась вынимать серьги из ушей. — Так мы сможем заплатить за зерно, чечевицу и рис и дотянуть до следующего урожая!

Он глубоко вздохнул, чувствуя себя глупым и подлым, так как лишал ее единственного подарка, который он ей преподнес.

Она поспешно переложила сережки в правую руку и передала их ему. Затем она поклонилась и символически коснулась его ноги.

Панчи сидел на постели, нахмурив брови и отведя глаза в сторону. Затем он поднялся, стараясь не глядеть на Гаури, умыл лицо в углу сарая и отправился к ростовщику лалле Бирбалу.

— Входи, сын, входи, — сказал лалла Бирбал, пивший чай на террасе своего трехэтажного кирпичного дома.

Панчи присел напротив лаллы Бирбала, с притворным смирением сложив на коленях руки.

— Эй, Рам-джи, принеси чаю для Панчи! — крикнул лалла Бирбал слуге добродушным тоном, который очень подходил к его полной, рыхлой фигуре.

— Спасибо, лалла-джи, — я только что пил чай, — сказал Панчи, опускаясь на каменный пол террасы, которая была полита водой для прохлады.

— Да о чем ты говоришь? Чай — божественный напиток, его можно пить сколько угодно. Эй, Рам-джи, куда ты пропал?

Такое небывалое гостеприимство сразило Панчи.

— И почему ты сел на пол, сын мой? Что с то-

бой случилось? Возьми циновку или стул... Ты так похож на моего сына. Ведь ты еще дружишь с Дамодаром? Надеюсь, вы не поссорились?..

— Не надо этих церемоний, лалла-джи, мне удобно и так, — сказал Панчи, несколько тронутый такой заботой о нем.

— Да сядь же на стул, — сказал лалла Бирбал, подтолкнув ногой к Панчи маленький плетеный табурет.

Чтобы избежать дальнейших словопрений и скорее перейти к делу, Панчи сел.

— Эй, Рам-джи, уж не умер ли ты там?

Возмущенный лалла Бирбал хотел было направиться к двери, но как раз в это время появился Рам-джи, молодой горец.

— Где ты был? Из тебя никогда не получится хороший слуга. Дай Панчи стакан чаю и приготовь мне кальян. Да поживее.

— Лалла-джи, пожалуйста, не беспокойтесь! — снова запротестовал Панчи. — Я бы сам попросил чаю, если бы хотел. Ведь я не раз ел у вас вместе с Дамодаром...

— Ничего, сынок, слуги так обленились, что надо дать им возможность поработать. Я хочу сделать из этого дикаря толкового слугу к тому времени, как переселюсь в свой новый дом в Хошиарпуре... Нашему народу чуждо честолюбие, и эти слуги никогда не станут цивилизованными людьми. Единственное, чему они могут научиться, это обманывать своих хозяев по мелочам... Но ты в нашем доме как сын.

— Вы так добры, лалла-джи.

— Нет, я вовсе не добр, — сказал Бирбал, усаживаясь поудобнее на стуле и придавая своему лицу более серьезное выражение. — По правде сказать, я хотел поговорить с тобой куда более строго, сын мой. В конце концов у тебя нет отца, и если мы не дадим тебе совета, кто сделает это? Я слышал о тебе всякое и, конечно, многому не придаю значения. Молодость есть молодость. Но я слышал

и о том, что ты переменил религию и ушел жить к Рафику, правда ли это?

— Вы же знаете характер моего дяди, лалладжи, — ответил Панчи. — Религию я не менял и не делал ничего другого в этом же роде. Я лишь...

— Ты слишком горяч, сын мой, и ты не должен был уходить из дома своего дяди. Подумай о том, какая дурная слава пойдет о тебе! И так уже...

— У нас в деревне всегда готовы из мухи сделать слона, лалла-джи.

— Допустим, это так, но ведь факт остается фактом: ты дружишь с мусульманином, которого сгубила собственная леность. Этим людям вообще ничего не нужно, кроме куска говядины. Было бы каждый день мясо — до остального им дела нет...

— Дядюшка Рафик относится ко мне лучше, чем мой собственный дядя...

— Я не очень высокого мнения о Моле Раме. Он слишком кичится своим званием хавалдара, согласен... Но вдруг ему удастся выставить тебя из общины? Что ты станешь делать? И ты с молодой женой попросил приюта у мусульман, хотя тебе известно, как они обманным путем похитили наших женщин во время раздела страны...

— Я совсем не думал о религии, лалла-джи, когда...

— В таком случае тебе следует думать чуточку больше над тем, что ты делаешь!

Доводы лаллы Бирбала были настолько хитроумны, что Панчи был почти готов признать, что он не прав. Он сидел, низко опустив голову. А лалла Бирбал воспользовался моментом, чтобы вбить ему в голову несколько других истин.

— На деревне говорят, что ты подаешь дурной пример другим деревенским юношам. Ты рос без отца, ты играл в карты, пил и бродяжничал. Я знаю, что мой сын перенял все эти дурные при-

вычки от тебя... После свадьбы тебе следовало бы налегать на работу, поскорее расплатиться с долгами и слушаться старших, а ты...

— Я не мог больше жить вместе с дядей, лалладжи, — пробормотал Панчи. — Он хотел завладеть всем имуществом... Должна же быть справедливость на земле!

— Ты преувеличиваешь, Панчи. Он не настолько плох! — сказал Бирбал. — Теперь наша страна свободна, и в ней царит справедливость...

— Да, конечно, лалла-джи, в Индии царит справедливость! — сказал Панчи саркастически. — Сам народ виноват в том, что не может воспользоваться этой великой справедливостью. Стоит только захотеть... Ведь никто не заставляет крестьянина залезать в долги! Ему дана величайшая свобода выбора: брать в долг или не брать!

— Вот чай. Пей и перестань сердиться на своего дядюшку. В конце концов Мола Рам для тебя старший, и он твой опекун.

Панчи взял стакан теплого чая и выпил его залпом. На него сильно подействовали обвинения Бирбала. А Бирбал возобновил атаку. Поерзав на стуле, он сказал:

— Теперь слушай дальше... Если Мола Рам действительно имел намерение лишить тебя имущества, это, конечно, плохо. Но, покинув его, ты потерял и то немногое, что имел. Кто поверит тебе теперь?.. Твой дядя служил в армии и поэтому получает пенсию от правительства. Это была хоть какая-то гарантия уплаты процентов, когда я взял в заклад твою землю и ссудил тебе пятьсот рупий. Я не вижу на этой земле урожая, из которого ты мог бы выплатить мне хотя бы часть процентов, не говоря уже об основном капитале. Что же касается земли... Видишь ли, по закону я не имею права приобретать годную для обработки землю. Достаточно мне хлопот с манговым садом, который я купил. Так вот, имею ли я гарантию того, что ты когда-нибудь вернешь мне эти деньги?

— Вообще-то говоря, я и пришел...

— Попросить взаймы, конечно! А то я не знаю!

— Не совсем взаймы, лалла-джи. Я хотел заложить у вас пару хороших золотых серег.

— Так, так, сын, ты думаешь, деньги растут на деревьях. Но даже и в таком случае у меня было бы их не густо, потому что деревьев в моем манговом саду не так уж много. Я вложил немало средств в кирпичный завод... А дела нынче идут неважно. Впрочем, я охотно посмотрел бы твои серьги... Можешь оставить их мне в счет уплаты процентов по закладной...

— Я не принес их с собой, они в ушах у жены, — вынужден был соврать Панчи. — Я только пришел спросить, возьмете ли вы их в залог и сколько за них дадите?

Лалла Бирбал был слишком хитер, чтобы поверить этой выдумке, но и не мог заставить Панчи выложить драгоценность из кармана. Он лишь скорчил кислую мину, словно спохватившись, что зашел слишком далеко, и сказал:

— Я не бог и не могу взвесить их, когда они болтаются у нее в ушах. Принеси их, и если они чего-то стоят, я возьму их в погашение долга и, может быть, немного дам тебе наличными.

Панчи, с яростью и изумлением наблюдавший за хитрыми попытками ростовщика поставить его в безвыходное положение, с радостью ухватился за открывшуюся перед ним возможность улизнуть.

— Если я смогу уговорить жену расстаться с ее единственной драгоценностью, я принесу эти серьги вам...

— Если твое возвращение так же сомнительно, как исход твоих переговоров с женой, пожалуйста, не забудь прислать в течение ближайших десяти дней полагающиеся мне проценты...

Стараясь не смотреть в глаза лалле Бирбалу, Панчи почтительно, с необычайно смиренным видом распрощался с хозяином и вышел.

Не имея возможности заложить серьги лалле Бирбалу, Панчи был вынужден пойти на следующий день к ростовщику Большого Пиплана Джавале Прасаду и предложить ему их. Для поддержания духа он взял с собой Рафика, который сидел без заказов по причине застоя в торговле гончарными изделиями и с радостью согласился прогуляться.

К счастью, лавка ростовщика Джавалы Прасада и дом Лакшми стояли в разных концах деревни, и Панчи не угрожала встреча с тещей. Сетх * Джавала Прасад дал за серьги сто рупий — больше, чем предполагал получить за них Панчи. Завязав деньги в узелок, он предложил дядюшке Рафику зайти в винную лавку и посидеть там немного. Когда Панчи вышел от ростовщика, было еще светло, и при возвращении домой его могли увидеть в компании хозяина-мусульманина, а он не хотел вызывать лишних толков. Разумеется, в результате длительного пребывания в винной лавке часть денег была истрачена. Они купили бутылку крепкого местного вина и жареных клецок. Когда совсем стемнело и показалась луна, они отправились в обратный путь, то и дело останавливаясь, чтобы сделать глоток-другой из бутылки, купленной про запас. К тому времени, когда они достигли окраины Малого Пиплана, их изрядно качало из стороны в сторону, и они держались на ногах только потому, что шли вместе, поддерживая друг друга. А когда они стали подходить к дому, то уже успели пять или шесть раз упасть на землю. Вымазанные в грязи, растрепанные, они походили на двух выходцев с того света. Так как большинство жителей деревни в это время либо ужинало, либо уже спало, их возвращение прошло незамеченным. И все было бы хорошо, если бы в нескольких шагах от своего дома дядюшка Рафик не угодил в сточную канаву и не потянул за собой Панчи. Каждый по отдельно-

---

* Сетх — богач, ростовщик, финансист.

сти и оба вместе они делали невероятные усилия, чтобы подняться. Взглянув на облепленное грязью лицо Рафика, Панчи залился смехом:

— Дядюшка Рафик! Если б ты знал, как смешно ты выглядишь... Джинн, да и только!..

— Да? — И дядюшка Рафик провел пальцами по лицу, сделав его полосатым.

— А теперь... теперь ты похож на тигра!

— Прекрасно!.. И-ик!.. Ведь скоро я встречусь с тигрицей... Уж она мне задаст... У каждого свой ад дома... Аллах мне свидетель!

Друзья громко рассмеялись, причем смех Рафика то и дело прерывался икотой.

Заслышав этот шум, Хур Бану, которая сидела вместе с Гаури во внутреннем дворе, поджидая мужчин, стремительно выбежала на улицу, крича громовым голосом:

— А, это ты, дорогой муженек?.. Я так и знала, что вы явитесь домой в таком виде! Разве я не говорила тебе, когда ты сдавал сарай Панчи, что он будет дурно влиять на тебя? Посмотри на себя: на кого ты похож? Ах, сестры! В доме нечего есть, а они, нате вам, напились!

Призыв к «сестрам» не остался без ответа. Соседки Хур Бану одна за другой выскакивали из домов взглянуть на происходящее. Некоторые из мужчин, сидевших на топчанах на плоских крышах домов и покуривавших трубки, тоже спустились вниз... Собравшиеся сочувственно причмокивали губами и всячески выражали свое сожаление. Слышался их негодующий шепот. Хор возмущенных голосов возглавляла Хур Бану.

— Каким же надо быть дураком, чтобы поддаться этому молодому негодяю! И ведь я говорила ему, люди, я предупреждала! О, чтоб оборвалась нить твоей жизни! О, чтоб ты умер!

Хур Бану попыталась поднять мужа, но он оказался для нее слишком тяжелым. Она бросила его и стала бить себя по лбу, приговаривая:

— О, мое украденное счастье! О, моя черная судьба — быть женой такого человека!..

— Давай я помогу тебе! — сказала Гаури, выходя вперед.

— Уйди в дом, бесстыдница! — набросился на нее Панчи. — Она меня оскорбляет, а ты держишь ее сторону! Сейчас же уйди в дом!..

— Не она, а ты бесстыдник! — отпарировала Хур Бану. — Бедная девочка ожидает его, приготовила ужин и даже не притронулась к нему, а ты в это время пил и, надо полагать, ел!

— Довольно, довольно, не ругай его! — сказал дядюшка Рафик. — Это я во всем виноват! Ну-ка, помоги мне встать!.. Пошли... Когда живешь в деревне и изнуряешь себя работой... И-ик... Весь день, каждый день... И если хочется иногда выпить, хоть немного забыться, почему бы этого не сделать?..

Хур Бану снова принялась поднимать мужа. Пошатываясь, Панчи встал на ноги и с мрачной решимостью во взгляде обратился к зевакам:

— А ну, проваливайте по домам! Тут вам не представление!

Он помог подняться Рафику, как видно, несколько протрезвев от укоров Хур Бану, и собственными силами повел приятеля, который все время заваливался на него. Напоследок он еще раз обернулся к глазеющим на них соседкам и сказал:

— Ну идите, идите домой! Что вы нашли тут интересного! Мы немного выпили — ну, и что из этого?.. Разве ваши мужья никогда не выпивают?

Хур Бану, поняв, какую ошибку она совершила, сделав неприятный инцидент достоянием всех соседей и дав им обильную пищу для пересудов, присоединилась к Панчи, и они вместе доставили дядюшку Рафика домой.

Гаури в это время уже разбирала постель во внутреннем дворе.

Дядюшку Рафика усадили на постель, Хур Бану сняла с него фуфайку, а Гаури старательно вымыла ему лицо.

Видя, как жена помогает Хур Бану, Панчи решил, что она заодно с нею и считает во всем виноватым только его. Вне себя от раздражения, он крикнул:

— Иди сюда, предательница, и нечего тебе дуться на меня!

Гаури в замешательстве подошла к нему. Он грубо оттолкнул ее.

Следующие несколько дней Панчи держался замкнуто и почти не разговаривал. Не покладая рук, он работал на своем поле, прокапывая канавы для задержания воды и с надеждой поглядывая на небо, не собирается ли дождь.

Но солнце продолжало палить с поистине демонической яростью, безжалостно сжигая посевы. Жара нарастала с каждым днем и вот, кажется, достигла предела, однако грома, которым кончается засуха, не было слышно. По слухам, в окрестных деревнях старики умирали от лихорадки, солнечных ударов и дизентерии. Говорили также, что в горных деревнях у кормящих матерей пропало молоко, и младенцы гибнут у них на глазах... Там дошли до того, что начали есть собак...

Панчи купил достаточно зерна для посева и только один мешок оставил для еды. С нетерпением ожидая начала дождей, он принялся за совершение обрядов, которые когда-то совершала его мать, чтобы умилостивить бога дождей Индру. Он всегда помогал ей в этом, рано поутру принося на берег реки кокосовые орехи и молоко, предназначавшиеся богу. Такое время считалось наиболее благоприятным для жертвоприношения, и, кроме того, он знал, что в эти ранние утренние часы ни-

кто из его прежних друзей не застанет его за таким занятием и не посмеется над ним. Но все его молитвы были напрасны. Жара день ото дня усиливалась.

Что ждет их в будущем? Переживут ли они надвигающуюся голодную пору? Кто поможет им?.. Эти вопросы мучали его, и на них не было ответа.

Все эти дни он почти не общался с дядюшкой Рафиком и Хур Бану, если не считать того раза, когда принес им полмешка зерна в знак примирения с хозяйкой. Это тронуло сердце Хур Бану, и она угостила его самыми лучшими кушаниями и напитками своего приготовления. Панчи лишний раз убедился, что в конце концов эти люди — его единственные друзья и не питают к нему вражды, хотя Хур Бану и не позволяла теперь мужу слишком часто видеться с Панчи, оказывать ему моральную поддержку и помогать по хозяйству.

В этом вынужденном одиночестве Панчи все чаще и чаще думал о Гаури. Она была близко и в то же время далеко. Со дня их ссоры она держалась сдержанно и непроницаемо, выказывая перед ним робость и даже страх и невольно вздрагивая при его приближении.

Это ее инстинктивное отвращение к нему после той жестокой выходки тревожило и расстраивало его. Он был опрометчив, легко впадал в гнев, но легко и отходил. И он просто не представлял себе, как можно долго таить злобу на человека. Простодушный и откровенный, он прямо высказывал свои обиды, и его раздражали люди, которые, обидевшись, предпочитают молча страдать и выражают свои чувства всем своим видом, а не словами. Помимо всего, отработав в поле, Панчи теперь имел много свободного времени. Он все чаще исподтишка наблюдал за Гаури, любовался ее упругой грудью, тонкой талией, круглыми бедрами, красивыми ногами и румянцем юности на ее лице. Ему очень хотелось подойти и обнять ее, но чувство стыда за свою грубость удерживало его.

Гаури понимала его состояние и, занимаясь домашними делами, старалась держаться от него подальше, хотя ей больше всего хотелось, чтобы он заговорил с нею. Она постоянно чувствовала на себе его горящий пристальный взгляд. Иногда у нее было такое ощущение, что он вот-вот сам подойдет к ней как ни в чем не бывало и избавит ее от этой робости. Но гордость мешала ему сделать это. И она ждала, надеясь, что в конце концов он все же ласково назовет ее «милой», и она ответит ему взглядом, полным преданности и готовности сделать все, что он хочет.

Но вместо ласкового голоса она услышала лишь суровое порицание в духе индуистского обычая, согласно которому муж должен всегда поучать свою жену:

— Глупая женщина! Ты даже после свадьбы все еще льешь слезы по своей матери!

Нет, она не будет взывать к своей матери каждый раз, когда поссорится с ним.

Ее переполняла нежность к нему. Но по старым индуистским обычаям, сложившимся в течение столетий, женщина не должна делать первого шага, и поэтому она лишь едва заметной трепетной улыбкой выдавала себя, когда хлопотала по хозяйству.

— Ах, щедрая госпожа! — сказал он однажды, когда она перебирала рис. — Она дает мужу поесть, но не говорит с ним ни слова.

Ее охватила жалость к нему. Едва сдерживая себя, стояла она у порога, с преувеличенной тщательностью отделяя каждое зернышко от мусора. Но сердцем она была с ним.

— А ну, дай пройти! — грубо отталкивая ее локтем, сказал он.

Она вскинула глаза, ловя его взгляд, надеясь, что, прочтя мольбу в ее глазах, он обнимет ее. Но он прошел вперед, и их глаза не встретились. Удобный момент миновал. «О, если б он хоть немного задержался у двери или дал мне возможность

показать, как я хочу, чтобы он прикоснулся ко мне...» Вспыхнувшая в ней нежность погасла. Ее терзали стыд и злость на себя за то, что она не может облегчить ему путь к примирению.

Со своей стороны, Панчи решил, что дневное время мало подходит для примирения, и будет лучше, если он погуляет и вернется к вечеру, принеся жене подарок — манговые плоды из сада, принадлежащего лалле Бирбалу. Он видел там уже шесть больших спелых плодов...

Обстоятельства, казалось, благоприятствовали Панчи. Был конец дня, и у мангового сада за источником уже никого не было. Все же он решил произвести разведку и усыпить бдительность садовника Миана. Поэтому он сначала спустился к водоему. Угасающий свет дня едва сочился между стенами водоема. Панчи вдруг стало жутко: что, если дух отца лаллы Бирбала внезапно прыгнет на него со ступенек или со дна водоема появится змея. Окунувшись раз-другой, он быстро закончил омовение и поднялся по лестнице.

Обида на Гаури за то, что она сторонится его последнее время, прошла. Напротив, он чувствовал угрызения совести за свой плохой характер — причину всех его бед — и проклинал свою гордость. На какое-то мгновение, когда разум в нем возобладал над инстинктом, он даже признался себе, что, собственно, с тех пор как Гаури пришла в его дом, он только и делал, что тиранил ее, сначала по наущению Кесаро, а потом просто по привычке.

Когда Панчи стал подходить к манговым деревьям, сердце его лихорадочно застучало. Он остановился у канавы. Мысль о том, что его могут поймать на воровстве, приводила его в замешательство. Может быть, все-таки не делать этого?.. Но эти большие великолепные плоды были единственным подарком, который он мог сделать Гаури... Что, собственно, страшного в том, что он возьмет несколько манго, принадлежащих лалле Бирбалу? Ведь он отлично знает, что сад достался

ростовщику за счет неуплаченных процентов по закладам. Фактически лалла Бирбал совершил грабеж. Смешно! На свете есть и мелкие и крупные воры, но крупным все сходит с рук.

Чтобы придать своим маневрам видимость обыкновенной прогулки, он некоторое время спокойно шел вдоль рва, искоса поглядывая на деревья и отмечая те из них, на которых были особенно крупные плоды. Два дерева — теперь они остались позади — он давно уже приметил, проходя мимо них по дороге к реке. Но он продолжал бесцельно идти дальше и лишь без конца твердил про себя: «Чего мне бояться?», пытаясь укрепить свою решимость.

Однако это заклинание не помогало. Сердце колотилось все учащеннее, и тогда он решился.

Круто повернувшись на пятках, он быстро вернулся к тому месту, где заметил лазейку в живой изгороди из кактусов, и через несколько секунд был уже в саду. Не сводя глаз с предмета своих вожделений, он на цыпочках подошел к одному из деревьев и начал срывать плоды. Вскоре он сообразил, что не может просто нести их в руках. Он побледнел и тяжело дышал. Наконец он догадался поднять края дхоти и, как в мешок, положил туда сорванные манго. Его руки освободились, и он снова принялся рвать плоды. Они были настолько спелы, что падали на землю от малейшего прикосновения. Но Панчи слишком волновался, чтобы подбирать их, и срывал с веток все новые. Он действовал очень неумело и сильно качал ветви. В конце концов он вспугнул с соседнего дерева стаю попугаев, и они с громкими криками перелетели в другой конец сада.

Поднятый ими переполох привлек внимание садовника Миана, и он издал протяжный крик, каким всегда отпугивал воров.

Панчи следовало замереть и переждать тревогу. Но от страха он лишь еще больше заторопился и, сражаясь с веткой, на которой висел огромный чудесный плод, сломал ее.

— Стой, мерзавец! Вот когда ты мне попался! Ах ты, сукин сын!..

Изрыгая проклятия, садовник уже мчался к месту преступления. Но Панчи тоже бросился бежать и был намного впереди Миана.

На его беду, лазейка среди кактусов оказалась дальше, чем он думал, и пока он бежал, несколько плодов вывалились у него из подола. Он остановился, чтобы подобрать хотя бы два-три плода, и садовник настиг его. Ухватившись сзади за его дхоти, Миан закричал:

— Жулик! Свинья! Грабитель! Так это ты снимаешь у нас лучшую часть урожая!

— Нет, дядя Миан, я еще ни разу не был тут раньше!..

— Ты обманщик и вор! Как будто я тебя не знаю! Мошенник! Пьяница! Распутник... Бесстыдный сын недостойного отца! Я тебе покажу!

— Отпусти меня, — взмолился Панчи. — Что значит для лаллы Бирбала пара плодов!

— Можно было сразу спросить, ворюга! А ты лезешь нахрапом!

— Перестань меня оскорблять, не то я ударю тебя! — закричал Панчи, замахнувшись на него.

— Скажи-и-те: вор в роли шерифа! — отозвался Миан.

— Пусть я вор, зато твой хозяин Бирбал — настоящий грабитель!..

— Вот я отведу тебя к лалле Бирбалу, и ты все ему выскажешь!

— Ладно, пошли!.. Думаешь, я испугаюсь его? Пошли! Так прямо и скажу ему: я вор, а ты грабитель! А ты его цепной пес!

— Ладно, там разберемся, кто из нас кто, — сказал Миан и, увидев своего помощника, крикнул: — Эй, Балдео, принеси веревку, мы его свяжем!

— Я же сказал, что пойду с вами, — рассердился Панчи. — Попробуйте только связать меня, я убью вас обоих!

— Хорошо, пошли!

Моля духа Шивы, обитающего на вершине Дхаоладхара *, ниспослать ему спокойствие, Панчи поднялся и двинулся вперед. Он чувствовал себя несчастным и одиноким и проклинал в душе ту роковую звезду, которая надоумила его искать примирения с Гаури с помощью краденых манговых плодов...

Когда Панчи ввели на террасу дома лаллы Бирбала, тот сидел в своем любимом плетеном кресле, покуривая трубку, а его слуга Сурадж растирал ему ноги. Очевидно, Бирбал только что вернулся из поездки верхом, потому что он был в бриджах, а его пони Моти стоял неподалеку, жуя сухое сено.

— Здравствуй, друг, здравствуй... — начал Бирбал обычным своим панибратским тоном.

Панчи стоял молча, низко опустив голову, Миан и Балдео тоже молчали — от страха и почтения перед хозяином.

— Панчи, сын мой, почему ты не пришел в пятницу уплатить проценты? Ведь ты же обещал это сделать... Но я рад уже и тому, что ты явился по собственной воле сегодня. Ты не такой уж плохой парень. Твой дядюшка напрасно чернит тебя.

Толстое лицо Бирбала так и сияло фальшивым простодушием, ибо он без труда догадался об истинной причине появления Панчи.

— Он пришел не по собственной воле, господин, — сказал Миан. — Мы привели его силой.

— Как? Неужели он воровал манговые плоды? — с наигранным изумлением вскричал лалла Бирбал.

Садовник утвердительно кивнул и, предупреждая возможные упреки со стороны хозяина за плохую охрану сада, сказал:

---

* Дхаоладхар — хребет к юго-востоку от реки Чинат, в горной системе Малых Гималаев.

— Лалла-джи, он тот самый негодяй, который каждый год губит нам урожай! Что мне делать с такими ворами? А вы еще собирались урезать мне плату...

— Наверное, это конец света! — начал Бирбал. — Чтобы молодой человек из хорошей семьи...

— Лалла-джи! — весь вспыхнув, пытался возразить Панчи.

— Не перебивай меня, дурак! — взорвался Бирбал. — Ты понимаешь, что этот сад мое единственное земельное владение? Несправедливый закон не разрешает неземледельцу владеть землей. В этом саду взлелеяно каждое дерево. Это манго «Альфонсо», саженцы были привезены из рассадника под Булсаром, из штата Бомбей. Один только провоз их по железной дороге стоил намного дороже всей твоей земли! Все эти годы я следил за ростом каждого деревца и с нетерпением ждал плодов! Мой садовник ухаживал за ними под моим личным наблюдением... Словом, мой манговый сад стоит дороже, чем ты и твой отец со всеми потрохами... И как ты только посмел воровать манго в моем саду?.. Я бы сам дал тебе один или два плода.

— Вот и я ему это же говорил, — вставил садовник. — Он мог бы попросить у меня, и я бы отдал ему плоды, поклеванные и сбитые попугаями...

— Выходит, попугаи могут клевать и сбивать плоды, а если человек возьмет один-два плода, его могут стереть в порошок, — возразил Панчи.

— Но ты же не птица и не зверь, — пояснил садовник.

— И уж меньше всего — угодливый шакал вроде тебя! — горячо сказал Панчи. — Виляешь хвостом перед лаллой Бирбалом, а сам...

Он вовремя спохватился и не стал говорить то, что было всем хорошо известно, а именно, что садовник неплохо зарабатывал, каждый год продавая часть урожая за спиной хозяина.

— Я знаю, все обманывают меня, — правильно угадав смысл недосказанного, произнес лалла Бирбал.

— Этот Панчи не только вор, но и лжец! — закричал садовник.

— Знаю я вас всех! — заявил Бирбал.

— А этот Балдео, который осмелился поднять на меня руку, пусть он попробует сказать, что его мать не продает на рынке маринады из незрелых плодов манго, — сказал Панчи.

— Что такое? — лалла Бирбал резко повернулся к Балдео.

— Он врет, господин! — завопил Балдео. — Я брал лишь те плоды, которые сбил ветер.

— Если это правда, то я разделаюсь с Балдео, господин! — поспешил перестраховаться садовник.

— Ни один вор добровольно не признается в воровстве! — сказал Панчи. — А они самые подлые воры, они не сознаются, что крадут плоды манго, которые принадлежат им так же, как и вам, потому, что они работают в вашем саду. Жалкие трусы! Я хотел достать несколько манговых плодов для жены — и я пошел и сорвал их... В конце концов много ли мы, крестьяне, едим во время засухи!..

— Смотри, эти разговоры доведут тебя до беды! — сказал садовник.

— Ну, не о чем тут говорить! — сказал лалла Бирбал, пораженный тем, как смело защищает себя Панчи, и боясь, как бы он не разошелся и не наговорил лишнего.

— Нет, тут есть о чем говорить! — ответил Панчи, переходя в наступление. — Давно пора выяснить, кто вор и грабитель, а кто безответный труженик, работающий в поте лица...

— Да ты уж не коммунистом ли стал? По твоим речам похоже! — лалла Бирбал даже приподнялся со стула, словно хотел помешать юноше высказать свои бунтарские мысли в присутствии подобострастных слуг и заразить их своими идеями. — Ты испорченный юноша, и ты испортил мо-

его сына. Он ведет такие же разговоры, как и ты... Если уж тебе так нужны были эти манго, почему ты не обратился к Дамодару? Он бы сказал садовнику, и тот дал бы их тебе, дурачок!

— Что здесь происходит? — спросил одетый в нарядную белую тунику чаудхри Ачру Рам, величественно и спокойно поднимаясь на террасу.

— Паршивый мальчишка! Сущая напасть для всей деревни! — злобно процедил сквозь зубы хавалдар Мола Рам, как тень следовавший за чаудхри Ачру Рамом.

— Идите занимайтесь своим делом! — приказал садовникам Бирбал, опасаясь, что Мола Рам узнает от них о происшествии с Панчи и закатит племяннику новую сцену.

Садовник и его помощник, низко кланяясь, ушли.

— Здравствуй, субедар-джи, здравствуй, хавалдар Мола Рам! — приветствовал гостей Бирбал и, обратившись к слуге, который все еще растирал ему ноги, сказал: — Принеси нам свежего чаю и попроси приготовить шербет... Присаживайтесь, субедар-сахиб, хавалдар-сахиб!..

— Панчи, сын, ты что-то неважно выглядишь, — сказал Ачру Рам. — Как поживаешь? Что поделываешь?

— Откалывает свои обычные штучки, — двусмысленно заметил Бирбал.

Панчи, отвернув от них лицо, смотрел в направлении деревни. Ему очень хотелось уйти. Собравшись с духом, он повернулся к Бирбалу и, сложив ладони, склонился в прощальном поклоне.

— Постой, постой, сынок, у меня есть небольшое дело, которое я хотел бы уладить с тобой и твоим уважаемым дядей, — остановил его ростовщик.

Панчи с опасением подумал о том, что может произойти, если его разозлят, в глубине души

восхищаясь неожиданным великодушием лаллы Бирбала, который словом не обмолвился о воровстве.

— Как нашкодивший пес он хочет улизнуть, спрятав хвост промеж задних лап, — охарактеризовал ситуацию Мола Рам. — Вор! Он опозорил всю нашу семью!

— Мальчик, что я слышу?.. Это правда?.. — мягко и снисходительно спросил субедар Ачру Рам, садясь на плетеный стул и указывая на другой Моле Раму, который не замедлил воспользоваться приглашением.

— Кто живет в арендованной лачуге и еле дотягивает до следующего урожая, всегда окажется виновным, — сказал Панчи, когда они расселись по местам.

— Можешь сколько угодно распрямлять собачий хвост — он все равно завьется кольцом! — вскочил с места Мола Рам. — Ты как был, так и остался наглецом и негодяем. Как ты смеешь так разговаривать со старшими, ты — транжир, пьяница, а теперь еще и вор!..

Как видно, весть о его налете на манговый сад уже разнеслась по деревне. Более того, именно это было причиной, почему два почтенных старейшины явились к Бирбалу раньше обычного. Постепенно к дому подходили другие жители деревни и группами располагались неподалеку от террасы.

— Сказать по правде, — обратился к присутствующим лалла Бирбал, сделав широкий жест рукой, — я, в сущности, ничего не имею против, что кто-то украл несколько манговых плодов из моего сада, хотя я собственной кровью взрастил эти деревья... Но я хочу получить деньги, хотя бы проценты с одолженной суммы, если не всю сумму. Поэтому я пользуюсь случаем, когда вы оба находитесь здесь, и намерен выяснить, кто из вас будет мне платить. Документ составлен на вас обоих, поскольку речь идет об общей вашей собственности...

— Я не имею ничего общего с этим вором! —

живо возразил Мола Рам. — Кроме того, вам известно, что он отделился от меня.

— Оставь мальчика в покое и не обзывай его скверными словами! — громко сказал дядюшка Рафик, выступая вперед из толпы мужчин.

— А ты кто такой — лезешь не в свое дело? — закричал Мола Рам.

— Тише, тише, не надо горячиться в такую жару, — сказал чаудхри Ачру Рам.

— Выпейте шербет, господа, и остыньте! — в тон ему проговорил гончар, увидев, что слуга Бирбала принес три полных бокала прохладительного напитка.

Дядюшка Рафик славился своим юмором, так что и теперь все улыбнулись его замечанию. Один только Мола Рам, недовольный тем, что его впутали в это дело с закладной, отставил бокал с шербетом и злобно бросил племяннику:

— Я отправлю тебя в тюрьму, мерзавец, если ты не уплатишь проценты немедленно. Ведь ты же заложил серьги, которые дала тебе мать и которые ты подарил жене!

— Я истратил эти деньги на покупку семенного зерна, — соврал Панчи, ибо часть денег еще лежала у него в кармане.

— Вернее сказать, пропил их вместе со своим другом мусульманином, — с презрением сказал Мола Рам.

— Сын, я уверен, что ты истратил не все деньги, — сказал лалла Бирбал. — А если это так, боюсь, тебе никогда не стать богатым... Позволь мне немного просветить тебя. В нашей стране полно чиновников, которые так и норовят сорвать с кого-нибудь куш. Полиция продажна. Законники тоже обирают клиентов. Поэтому ты должен беречь свои деньги, если хочешь выжить...

— Береги каждую пайсу *... — издевательски

---

* Пайса — мелкая денежная единица в Индии.

провозгласил дядюшка Рафик, нацелившись в Панчи пальцем.

Субедар Ачру Рам громко засмеялся, отдавая должное шутке гончара. А тот, придав своему лицу серьезное выражение, продолжал:

— Чаудхри-сахиб! Вы — помещик, который даже в голодное время кормит работников со своей кухни, и вы слишком возвышенны, чтобы понять характер лаллы Бирбала, торговца, ростовщика и подрядчика одновременно. Копить деньги и беречь каждую пайсу — его религия! Посмотрите на этот дом, на его лавки и фабрики! Все это выстроено на те пайсы, которые он сберегал в то время, как вы зарабатывали в армии лишь медали, а мы сидели без работы. И подумать только, что и он был когда-то сиротой и за душой у него была только хлебная лавка в деревне...

— Чего ты суешься к нам со своими разговорами? — оборвал его Мола Рам. — Уходи прочь и дай нам поговорить между собой. Нас нисколько не смешат твои дурацкие шутки. Гончар без роду-племени, вот ты кто есть!

— Я не дурачусь, а веду разговор начистоту. И я не гончар без роду-племени, я гончар из Малого Пиплана и горжусь своим наследственным ремеслом. Я не стал служить наемным солдатом у англичан, как ты, а занимался своим делом...

— Ну довольно! Если говорить начистоту, я хочу получить все деньги, которые завернуты у Панчи в носовом платке, — сказал Бирбал. — Он обещал зайти ко мне и уплатить проценты, но так и не пришел. Теперь его привели силой. Я прощаю ему вторжение в мой сад, но прощать долг не собираюсь.

Панчи был приперт к стене. Он стоял, понурив голову, и молчал. От волнения и жары кровь гулко стучала у него в висках...

— Ничего не поделаешь, брат, — с горечью в голосе сказал дядюшка Рафик, повернувшись к нему. — Ничего не поделаешь — во всяком слу-

чае, с лаллой Бирбалом. Он всю жизнь живет несправедливостью...

— Если я даю взаймы, я вправе требовать то, что мне причитается! — громовым голосом закричал Бирбал. — Убирайся с моих глаз, дерзкий глупец! Мусульманское отродье! Он еще смеет говорить о справедливости!

— Во всяком случае, получение процентов запрещено моей религией — исламом, уважаемый сетх.

— Только не приплетай сюда религию!.. — строго сказал чаудхри Ачру Рам.

— Не то мы поступим с тобой так, как уже давно должны были поступить, — добавил Мола Рам.

— Забудь о религии, — заволновался Бирбал, боясь, как бы разговор о процентах не перешел в бесполезный спор, — и лучше попроси своего друга рассчитаться со мной.

— Ничего не поделаешь, брат, — сказал дядюшка Рафик, обращаясь к Панчи. — Плати!

У Панчи уже не было сил сопротивляться. Он вынул из кармана узелок с деньгами и бросил его под ноги Бирбалу. Когда его подхватили под руки и повели, он начал громко и судорожно всхлипывать.

— Ничего, ничего, — утешал его гончар. — У бедняков никогда не убавляется еды, если они вместе. Мы поделим с вами все, что у нас есть. Я должен получить еще немного денег от моего брата из Хошиарпура. Как-нибудь проживем...

Однако Панчи оставался глух ко всем утешениям. Дружеская поддержка дядюшки Рафика несколько облегчала его душевные страдания, но больше ему и не надо было. Выкажи гончар чуть побольше сочувствия, и, казалось ему, он был бы окончательно сломлен.

Теперь настала очередь Панчи отправиться в «темную комнату», где он мог наедине с собой переживать свое несчастье. Гаури же, наоборот, должна была обхаживать его и добиваться прими-

рения. Однако упрямство, затаенная обида и сдержанность Гаури в сравнение не шли с озлобленностью и глухим молчанием, которое избрал своим оружием Панчи. И так как к ним никто не приходил, его дурное настроение целиком вымещалось на Гаури.

А с Гаури произошло нечто совершенно необычное. Она была так напугана и расстроена уединением Панчи в «темной комнате», что самой себе казалась противной оттого, что позволяла себе раньше капризы и этим подавала дурной пример Панчи. Как бы в ответ на молчание мужа она стала удивительно говорливой и даже пробовала робко шутить, когда растирала ему руки и ноги, пытаясь его расшевелить.

Она начала с того, что однажды утром, явившись к нему со стаканом горячего чая с молоком, как обычно, тихонько коснулась пальцев его ног, желая его разбудить. Так как он продолжал неподвижно лежать, она нажала на пальцы чуть сильнее и сказала:

— Вставай, Панчи-джи, вставай!

Теплота ее интонации и то, что она назвала его по имени, чего не позволяет себе ни одна индусская женщина в обращении с мужем, очень удивили Панчи, и он, забыв о своем плохом настроении, уже хотел было поднять голову, но вовремя сообразил, что по его залитому слезами лицу Гаури сразу увидит, что он плакал, а ему, представителю сильного пола, стыдно обнаруживать перед женой такую слабость.

Гаури тихонько пощекотала его ступню. Ему хотелось улыбнуться, но он сдержался и подчеркнул свое недовольство миром тем, что выбил стакан с чаем из ее рук. Горячий чай залил ее одежду и ноги, потек на пол.

Отвернувшись от жены, Панчи думал о том, что ему в его отчаянии только и остается страдание и аскетическое отрешение от жизни. Если не будет дождей и засуха не кончится, не надо будет и ра-

ботать. И он в этом не виноват. Не только его, но и всю деревню, всю округу охватит скука вялой, унылой жизни. Будут лишь вздохи и стоны... И каждодневный изнурительный труд... И в качестве развлечения злобные пересуды о том, как он, Панчи, воровал манго у лаллы Бирбала. Панчи остро чувствовал несправедливость жизни: он был молод и полон сил, он жаждал дела, он хотел есть, любить и отдыхать в тени манговых деревьев, но во всем этом ему было отказано, и не по вине его или кого-нибудь еще, а потому, что такова была судьба — карма, которая посылает им засуху за засухой. Только все это враки, что говорят брахманы о карме. Чужеземцы, белые сахибы, сосут кровь из страны, сказал Ганди... Правительство могло бы перегородить реки плотинами или выкопать новые колодцы и дать крестьянам воду. Но взяточничество губило все великие планы обводнения и электрификации, и к тому времени, когда отпущенные на них деньги съедали подрядчики, появлялись новые паразиты — вот тебе и карма! Мудрость землевладельцев состоит в том, что они не сразу убивают крестьян. Вместе с ростовщиками они даже дают деньги под залог драгоценностей и сосут кровь из крестьян медленно и незаметно... Бедняков наказывают за кражу нескольких манговых плодов, а богатые ростовщики строят себе шикарные многоэтажные дома, один выше другого.

— Но ведь должна же быть справедливость на земле! — пробормотал он.

Гаури оставила домашнюю работу, подошла к нему и, подражая его интонациям, когда он, в свою очередь, старался вывести ее из хандры, сказала:

— Детка, вставай сейчас же и не валяй дурака!

Как ни странно, это почти возымело действие.

Лицо Панчи просветлело, он поднял голову и засмеялся. Но смех его был сродни плачу, и его лицо скривилось в плаксивой гримасе.

— Не приставай ко мне! — заговорил он, всхли-

пывая. — Мне так плохо, что хоть в пору умереть! Они унижали и мучили меня... И все из-за тебя!.. Ведь только для тебя я и пошел воровать эти манговые плоды... И вот теперь... Оставь меня одного!.. — И Панчи опять бросился ничком на топчан, приняв прежнюю позу безнадежности и отчаяния.

Гаури уже привыкла к его крику и оскорблениям, зная, что за этой внешней грубостью скрывается, в сущности, добрый характер. Но признание Панчи, что он пытался украсть для нее манго, поразило ее и наполнило чувством вины. Теперь ей стало понятно, почему он дуется на нее... Как сложен и запутан этот мир, как трудно жить на свете! Вдруг она спохватилась: утро проходит, а она еще не начала готовить, и кто знает, может, к Панчи придет аппетит, он попросит поесть и рассердится, если завтрак не будет готов. Она начала разводить огонь.

Высыпав в воду рис, она забылась, глядя в огонь и перебирая в памяти трудные дни своего замужества, в котором ссоры чередовались с приливами нежности. Ей вспомнилась народная песня, которую пела ей мать, когда речь заходила о том, как будет обращаться с ней муж после свадьбы.

Днем-то он драться,
А ночью лизаться...

У Гаури стало привычкой сидеть в ногах Панчи, прижимаясь к ним. Если он не привлекал ее к себе, значит он был в плохом настроении. Обычно одно прикосновение ее руки пробуждало в нем желание поиграть с нею. Он щекотал ее шею или под мышками, и она убегала, смеясь. Тогда он принимался ее преследовать и, догнав, обнимал и целовал. А она краснела, сначала от стыда, а затем от желания. Потом наступал момент, когда они сливались в единое целое и лежали вместе в сладком забытьи. Отдохнув немного, Гаури приносила ему простокваши или прохладный миндальный напиток и чувствовала, что он привязан к ней, как ребенок

к матери. Гаури понимала, что только глубокое одиночество заставляло его когда-то искать поддержку у своей тетки Кесаро, и инстинктивно стремилась занять ее место. Но она была молода и неопытна и не знала всех тех уловок, которыми женщины постарше удерживают возле себя молодых парней, и ей всегда казалось, что она может потерять его... «Быть может, — говорила она себе, — я слишком много внимания уделяла своему зеркалу и своей прическе? Но неужели он не понимает, что все это делается только для него?..» Она часто плакала, когда он целые дни проводил наедине с собой, и не могла забыть свою тоску даже за работой. И над ней всегда тяготело зловещее предчувствие, что Кесаро придет и уведет его в свой дом... У нее захватывало дух при одной мысли об этом. Суеверный ужас перед теткой нападал на нее вновь и вновь, и ей то и дело казалось, что она видит Кесаро, стоящую у дверей.

Но однажды, словно своими опасениями она действительно навлекла свою судьбу, Кесаро показалась у их порога.

— Панчи, сын мой... — позвала она.

Гаури была потрясена до глубины души, лицо ее побелело. Чтобы не уронить глиняный горшок с чечевичной похлебкой, который она держала в руках, она снова поставила его на очаг и стала помешивать в нем половником, делая вид, что всецело поглощена этим занятием.

— Панчи, сын, — сказала Кесаро, подходя к постели племянника и сложив губы в умильную гримасу. — Сын мой, что я сделала, чтобы заслужить твою нелюбовь?.. Ты знаешь, что твой дядя тяжелый человек. Он бьет меня теперь куда больше, потому что тебя нет и некому меня защитить...

Панчи лежал плашмя на узеньком топчане и не шевелился.

— Сын, твоя тетка, твоя приемная мать пришла к тебе, проснись, — приговаривала Кесаро, нежно кладя руку ему на голову. — Прости свою несчаст-

ную любящую тетку, Панчи, прости ее и поговори с ней... Не будь таким гордым и упрямым, как твой дядя!..

Что Панчи в душе был ребенком, о чем лишь недавно догадалась Гаури, видимо, было хорошо известно Кесаро. Он повернулся, привстал на локоть и спросил дрожащим голосом:

— Почему же ты оставила меня? Почему не приходила все это время, если он бьет тебя?..

— Сын, я поступала так, как требует наша религия! Как я могла прийти в дом мусульманина, к женщине, с приходом которой распалась наша семья? Она бы и не допустила, чтобы я пришла хоть взглянуть на тебя одним глазком... Когда в Ракхари был праздник, я хотела прийти и завязать шелковую нить на твоей руке...

Наступила пауза. Упоминание о празднике, на котором женщины завязывают шелковые нити вокруг запястья мужчин, объявляя их своими защитниками, тронуло Панчи, и его внутреннее сопротивление таяло, хотя он и продолжал хранить молчание.

Гаури предвидела это, но была бессильна против прочных уз, которые, как пуповина, связывали Кесаро и Панчи. Она лишь укрыла концом сари голову и, выйдя из кухни, прошла по комнате, как бы желая подчеркнуть свое присутствие.

Кесаро сделала вид, что не заметила ее, и снова обратилась к Панчи:

— Я спорила с твоим дядей чуть не каждый день и уговаривала его помириться с тобой.

Панчи благодарно взглянул на нее и понурился.

Кесаро положила его голову к себе на колени и стала нежно поглаживать. Панчи плакал, а она говорила, стараясь завоевать его расположение:

— Я ли не лелеяла тебя, когда у тебя была лихорадка, когда ты болел? Так почему же за последние три месяца ты ни разу не зашел ко мне?

— Потому что твой муж выгнал меня из дома! Потому что ты позволяла ему издеваться надо

мной! Потому что... потому что... Ты знаешь, как он вел себя в деле с закладом земли — грозился подать в суд и подбивал на это Бирбала!.. Он видел, как у меня отнимают последние деньги, которые я оставил на самые необходимые расходы. Что мне теперь есть?.. Он-то сидит себе на пенсии, свинья поганая...

— Его нельзя за все осуждать. Ведь он был на войне... И потом, так сказано в его гороскопе... Благополучие нашего дома будет разбито с приходом злосчастной девчонки. И все случилось так, как предсказал гороскоп.

Гаури внимательно прислушивалась к тому, о чем говорили тетка и ее муж. Подбежав к топчану, на котором лежал Панчи, вся дрожа от негодования, она закричала:

— Вон из моего дома, ведьма! Вон! Ты вволю поиздевалась надо мной, когда я невестой пришла в ваш дом. Ты и твой муж выгнали нас, и нечего тебе соваться в нашу жизнь. Если у тебя нет мужа, иди к кому угодно, только не прикасайся к моему Панчи!.. Убирайся вон, злая старуха. Ты хочешь иметь двух мужей! Чтобы один бил тебя, а другой любил. Я не отдам тебе моего мужа.

Кесаро никогда не подозревала, что Гаури способна на это. Не представлял ее себе в такой роли и Панчи. А она стояла между ними, разгневанная и прекрасная, как огонь.

— Да как ты смеешь говорить мне все это! Ты, которая путалась с кем попало! Потаскушка!..

В ответ Гаури лишь схватила Кесаро за пучок волос на голове, оттащила от постели Панчи и, невзирая на ее протесты и сопротивление, вытолкнула за дверь.

Панчи лежал, опершись на локоть, и в изумлении смотрел на это чудо, не решаясь вмешаться по вялости и слабости своей натуры. Гневная сила, неожиданно проявившаяся в хрупкой и нежной фигурке Гаури и делавшая ее подобной богине-разрушительнице Кали, поразила его. Когда Гаури

вернулась, Панчи продолжал удивленно смотреть на нее, не говоря ни слова. Затем он сказал:

— Дай мне напиться и попей сама.

Она подошла с водой и, приподняв его голову, дала ему напиться. Она вся дрожала от страха и возбуждения. Сделав несколько глотков, он привлек ее к себе...

Прошло время, и Панчи, исцеленный от хандры любовью Гаури, поборол свой стыд и стал опять выходить на люди. Вся деревня барахталась в водовороте бедствия, вызванного засухой. Затихли сплетни и пересуды, уступив место тяжким вздохам перед лицом палящего солнца, от которого твердой коркой спеклась земля. Панчи все еще пылал ненавистью к своему дяде, и это чувство кипело в нем, перемежаясь приступами отчаяния. Но любовь Гаури, ее готовность исполнить каждое его желание, утишала боль его истерзанной души. Он уже не так переживал недавнее унижение, не так тревожился о том, что нет дождей, что не будет урожая и, следовательно, придется продать землю, так как он не сможет уплатить проценты лалле Бирбалу. Он вдруг воспылал необузданной страстью к жене и проводил с нею дни и ночи, словно ища в ее близости забвения от всех своих невзгод и напастей. Она дарила его нежностью и снова нежностью, была во всем покорна ему, но он не находил успокоения, и она относила это за счет своей застенчивости и почти девической робости в любви.

Но одна фраза, оброненная им, открыла ей — и ему самому также — истинные причины его беспокойства. Легко поранив ногу топором, он заметил:

— Похоже, судьба мне изменяет.

В последующие несколько дней эти случайно сказанные слова стали у него навязчивой идеей. Он вспомнил, что сказала Кесаро о гороскопе,

и ему не давали покоя ее слова о том, какое влияние на его жизнь должна оказать Гаури. Некоторое время Панчи даже раздумывал, не сходить ли ему к пандиту Харихару и не заказать ли себе еще раз гороскоп. Но в тот момент, когда он почти решил это сделать, он струсил. В сущности, он никогда не поддавался подобным суевериям и постоянно смеялся над своей матерью и Кесаро, когда они совершали религиозные обряды. Если он и терпел их, то только потому, что после каждого ритуала мать обычно давала сладости. Он как-то само собой пришел к тому мнению, что для него, который ничего не имеет в этом мире, не существует и бога, а следовательно, нечего и просить его заступничества. Он презирал себя за одну лишь мысль о том, что Гаури может принести несчастье, помня о той преданности, которую она проявляла, несмотря на все трудности и лишения жизни с ним... Но как было забыть те ужасные слова, которые сказала о ней Кесаро? Особенно намек на то, что Гаури путалась с кем попало...

Он не находил себе места и шатался по деревне, стараясь хоть немного рассеяться, но его душевная смута повсюду была с ним. После своего злосчастного набега на сад лаллы Бирбала он ни с кем не разговаривал, кроме Рафика. Но так как засуха не пощадила и гончара, оставив его без работы, Рафик тоже был не очень-то расположен к длительным беседам. И все же однажды, не в силах побороть обуревавшие его сомнения, Панчи излил свою душу перед стариком и рассказал ему все, что Кесаро говорила ему о Гаури.

Гончар внимательно выслушал его и затем, придав торжественное выражение своему лицу, произнес:

— Сын мой, разозленная женщина, рассерженная змея и загнанный тигр — никому из них нельзя доверять. Как можно всерьез принимать все то, что Кесаро говорит о Гаури? Но все-таки не стоит рисковать. Я подарю тебе амулет, который дал мне

когда-то один мулла. Надеюсь, он поможет тебе... — Дядюшка Рафик полез в шкаф и, порывшись в нем, достал серебряную коробочку с привязанным к ней белым шнурком. — Этот амулет оградит тебя от всякого несчастья, и все твои соперники сникнут перед твоим взором...

Сказав это, дядюшка Рафик закрыл глаза и начал бормотать заклинания из корана. Потом он подул на амулет и передал его Панчи. И хотя тот не рассмеялся вслух над своим другом, в глубине души он не поверил ни в амулет, ни в заклинание.

Дядюшка Рафик почувствовал это и перешел к более реальным советам:

— Никогда не теряй надежды, сын! Мы еще не собираемся помирать! Засуха не только твое горе. Тысячи бедняков страдают от нее. Урожая не будет ни у кого. Люди продают дочерей. Вот и выходит, что ущерб, нанесенный земле, ничто по сравнению с ущербом, нанесенным людям, — потерей бодрости и мужества! Выше голову, сын мой... Мы еще увидим хорошие времена... Наша земля велика и прекрасна. Если будет на то воля аллаха, она еще оденется зеленью...

Эти слова вдохнули в Панчи жизнь. Последующие два дня он не покладая рук работал над углублением канавы на своем поле, так как небо неожиданно заволоклось облаками и сильный ветер пробежал по земле, подняв вихри пыли, как перед дождем. Однако облака, едва показавшись, пронеслись мимо. Земля снова задыхалась, как в пекле, и солнце иссушало тела и души людей, предварительно подвергнув их долгим тайным испытаниям. А Панчи опять ходил сам не свой и то и дело спрашивал себя: «Неужели она действительно заигрывала с Раджгуру, когда меня не было дома?..»

И вот он стал проникаться отвращением к ее телу. Отвращение родилось постепенно — из желания положить конец этой муке. Он стал избегать ее и даже отталкивал ее, когда она приходила к нему, и это вошло у него в привычку. Даже его

душа, боровшаяся с суеверием и оправдывавшая ее, заразилась ненавистью, которая то вспыхивала, то затихала, чтобы в конце концов вылиться вновь в приступе ярости по поводу малейшей оплошности с ее стороны.

Но Гаури боготворила своего мужа и господина и хотела завоевать его своей покорностью. Подобно тому, как она пробилась сквозь стены, которыми он окружил себя в первые дни после свадьбы, и завоевала его нежность и страстную любовь, так и теперь она, как настоящая индусская женщина, готова была терпеливо ждать и пройти через все испытания, чтобы открыть причину враждебности, недоверия и ненависти, которую он проявлял по отношению к ней. Ибо в глубине души она верила, что в Панчи, однажды выказавшем к ней такую нежность, откроется неиссякаемый источник любви — стоит лишь очистить от ила подозрений его сердце. Гаури вспоминала песни святой Мирабаи *, слышанные ею еще в детстве, и думала: «Как Мира смогла тронуть сердце бога своей преданностью, так и я смогу завоевать доверие Панчи». Черпая силу в этой внутренней решимости, она занималась своими обычными делами, сохраняя достоинство и гоня от себя всякую сентиментальность.

Перед лицом такой преданности Панчи не оставалось ничего другого как сдаться. И Панчи позволил ей исцелить себя, он снова целовал и ласкал ее в приливе нежности, словно копившейся в нем долгие дни его хандры. На этот раз он был укрощен любовью и решил впредь гнать от себя всякую мысль о том, что над этой чистой душой может тяготеть рок. Он понял, что должен терпеливо ждать, пока небо не одарит их счастьем, подобно тому, как она дарит его блаженством любви.

Панчи был всецело погружен в это чудесное состояние, пока однажды утром Гаури, робея, не со-

---

* Мирабаи — знаменитая поэтесса средневековой Индии.

общила ему о естественных последствиях их любви.

— Теперь-то уж непременно должны пойти дожди, — сказала она. — Я жду ребенка, и у нас появится еще один рот, который надо будет накормить.

Это признание сильно подействовало на него. На какое-то мгновение он вспыхнул от тщеславия: он будет отцом! — и тут же помрачнел. Его охватил страх перед отцовством, перед будущим ребенком. Он сделал попытку взять себя в руки и задал Гаури глупый вопрос:

— Как это случилось?.. Когда?..

— Говорят, у каждого ребенка своя судьба, — ответила она. — Может, нам повезет и наша судьба изменится к лучшему...

Но простая и наивная вера, которую она носила в своем сердце, не могла передаться очерствелой душе Панчи. Он днями ходил сам не свой, в нем бушевал целый водоворот сомнений, сводивших его с ума. И однажды, поддавшись очередному приступу малодушия, он оттолкнул от себя Гаури и крикнул:

— Уходи к своей матери, чертовка! Я откажусь верить моей тетушке Кесаро только в том случае, если пойдут дожди. Если дождя не будет, я умру. И тогда заботься сама о своем отродье!

Гаури, потрясенная и оскорбленная, взглянула на него, но ничего не сказала, надеясь, что его вспышка пройдет, как уже бывало не раз. Но он подступил к ней с поднятыми кулаками, крича:

— Чей это ребенок? Мой или кого-нибудь еще?

— Чей же он еще может быть? — как раненая лань, вскрикнула Гаури, и принялась умолять его: — Не будь жестоким, Панчи, верь мне! Прошу тебя, как на молитве...

Он дрогнул при виде ее горя и беспомощности, но, закрыв лицо рукой, продолжал кричать:

— Уходи, уходи с глаз моих! Иди к своей матери, потаскушка! Она, наверное, зарабатывает достаточно, чтобы прокормить тебя и твое отродье... Твой дядя Амру не даст помереть вам с голоду...

Она упала к его ногам, молитвенно сложив руки над головой.

— Не прогоняй меня, Панчи, не прогоняй!..

Он яростно оттолкнул ее от себя. Она упала. Не в силах слышать ее плач, он быстро вышел из дому.

После его ухода Гаури подняла голову и вытерла слезы. Полная решимости оградить своего ребенка от насилия с его стороны, она встала и начала собирать вещи...

— Ай! — вскрикнула Лакшми, доившая корову в углу двора, и едва не уронила маленький медный кувшин: рядом с нею стояла ее дочь Гаури.

После минутного замешательства старая женщина быстро отставила кувшин в сторону, поднялась и обняла дочь.

Сердце Гаури трепетало, когда она переступала порог дома матери, ибо она не знала, как ее примут. Теперь она облегченно вздохнула: по крайней мере мать сделала вид, что обрадовалась ей. Гаури видела отблески огня в кухне, расположенной на веранде дома, и чувствовала, что возвратилась в свой настоящий дом, где она родилась и где все ей близко и знакомо. Быть может, здесь, у источника своей жизни, она обретет спокойствие и мир.

Корова — ее звали Чандари — громко замычала и закивала головой, приветствуя свою так долго пропадавшую хозяйку, которая уха-

живала за ней до того, как покинула этот дом. Она чуть не опрокинула кувшин, пытаясь подойти к Гаури.

— Мама, корова прольет молоко!.. — вскрикнула Гаури, высвобождаясь из слезливых объятий матери.

Лакшми поспешно кинулась к кувшину и успела вовремя выхватить его из-под ног беспокойной Чандари.

Гаури подошла к корове, нежно погладила ее по морде и потрепала холку. Наконец животное успокоилось, всем своим видом выражая ей любовь и признательность.

— Эй, Амру! Иди-ка сюда, посмотри, кто к нам пожаловал! Наша Гаури... — Лакшми хотела встретить любую плохую новость вместе со своим двоюродным братом. В голосе ее слышалась тревога — со свойственной ей проницательностью она уже догадалась о причине возвращения Гаури.

Гаури, почувствовав волнение матери, быстро придумала объяснение своего неожиданного прихода и сказала с напускной веселостью:

— Последнее время мне было как-то одиноко, и вот я решила вас проведать...

Она никогда не прибегала ко лжи, и теперь лицо ее так и вспыхнуло. Лакшми заметила ее смущение и сказала:

— Знаешь, Гаури, дела у нас идут плохо... Давно не было дождей, и корма для коровы нельзя достать ни за какие деньги. У дяди Амру погиб весь урожай пшеницы... Кстати, где же это он?.. Эй, Амру, к нам пришла дочь, а ты и не показываешься!..

— В Малом Пиплане дела идут не лучше, — сказала Гаури, положив на веранду узел с вещами и прислоняясь к деревянному столбу, поддерживавшему крышу. — По правде говоря, оттого-то я и...

Но не успела она договорить, как вошел Амру с притворно приветливой улыбкой на усатом лице.

Гаури закрыла лицо концом сари, сложила руки и поклонилась дядюшке, коснувшись головой его ног.

Амру поднял ее, благословляя, и, садясь на низкий плетеный стул, сказал:

— Ты могла бы предупредить нас заранее! И твой муж мог бы проводить тебя!

Гаури не отвечала. Воцарилось молчание, и только слышно было, как Лакшми сбивает на кухне масло.

— Надеюсь, ничего серьезного у вас не случилось? — спросил Амру, пристально глядя на племянницу.

Девушка опять ничего не ответила, с явным усилием стараясь сохранить невозмутимый вид. Ее лоб покрылся испариной от страха, что вот-вот откроется правда и произойдет скандал.

— Возьми веер, детка, — многозначительно сказала Лакшми, собирая в чашку кусочки масла, плавающие поверх сыворотки, и перевела разговор на другую тему: — Я думаю, засуха когда-нибудь да кончится!..

— Да, да! — обрадовалась поддержке матери Гаури. — В Малом Пиплане тоже все время стоит ужасная жара. Посевы гибнут... А их земля заложена подрядчику лалле Бирбалу, и нужно платить большие проценты... И вот теперь...

— Что теперь? — спросил Амру, чувствуя, что каждый момент с губ Гаури может сорваться неприятное признание.

— И вот теперь их тетка... — начала Гаури, но не осмелилась продолжать.

— Детка, давно известно, что свекровь и невестка всегда враждуют между собой, — сказала Лакшми. — Тебе бы следовало быть покорной и не упрямиться!.. А ты всегда была строптивой!

— Дядя моего мужа не очень хорошо с ним обошелся, — сказала Гаури, делая еще одну попытку рассказать о своих неприятностях.

— Для вас все дяди нехороши, — прервал ее

Амру. — У вас, молодых, нет никакого уважения к старшим... Я слышал, что Панчи отделился от Молы Рама. И еще я знаю, что он приходил сюда и продал серьги, которые подарил тебе, а деньги пропил!..

— Нет, он купил на них зерна и заплатил проценты Бирбалу, — сказала Гаури, желая, несмотря ни на что, защитить своего мужа.

— И ты еще выгораживаешь этого пьяницу! — закричал Амру. — Как будто я не знаю его!

— На вот, выпей и успокойся, — сказала Лакшми, ставя стакан обрата перед Амру. — Зачем ты его ругаешь? В конце концов он наш зять!.. Было бы хорошо, если б он пришел вместе с тобой. Мы бы могли занять у него немного денег. В конце концов те серьги, которые он продал...

— Заложил, мама, а не продал!

— Ну, заложил!.. Все равно, он мог бы кое-что уделить нам из этой суммы. Ведь серьги принадлежали тебе. Это была единственная ценная вещь во всем твоем приданом, и мы имеем на нее право...

Последовала пауза, затем Амру заявил со свойственной ему грубостью:

— Панчи просто выгнал ее. Должно быть, эта злосчастная девчонка принесла ему не меньше неприятностей, чем нам...

— Не говори так! — умоляюще произнесла Лакшми.

— Он действительно послал меня к вам потому, что времена сейчас тяжелые и у нас почти нечего есть, — пыталась оправдаться Гаури. — Только не потому, что я приношу ему несчастье!.. И еще...

— Что еще?.. — зло и нетерпеливо спросил Амру.

Гаури молчала.

— Что с тобой случилось, детка? Если ты боишься и своего дяди, расскажи мне одной. — И Лакшми подвинулась поближе к дочери, приготовившись слушать, что она скажет.

— Мама, — начала Гаури едва слышно. — Я жду ребенка... Потому он и отослал меня домой...

— Только этого нам не хватало! Еще один лишний рот! — сказал Амру.

— Ничего, доченька, ничего, — утешала ее Лакшми. Хотя она и была расстроена этой новостью, лицо ее просветлело от мысли, что она скоро станет бабушкой.

Этих признаний Гаури было достаточно, чтобы проницательная Лакшми ясно представила себе, что произошло между ее дочерью и зятем. Разговаривая с нею наедине после полудня, она упоминала о таких вещах, которые, казалось, должны были остаться интимнейшим достоянием Гаури и Панчи. Она не осуждала и не укоряла дочь, а жалела и утешала ее.

— Панчи, должно быть, действительно перевоспитал тебя, дочка! — говорила Лакшми, сидя за прялкой, в то время как Гаури еще лежала на циновке после полуденного сна. — Особенно если он бил тебя!..

— Мама, он выходит из себя потому, что ему сейчас очень плохо... — объяснила Гаури, удивляясь, как это мать догадалась, что Панчи бил ее.

— Надеюсь, что он хотя бы не повредил ребенка, — сказала Лакшми. — Посмотреть на следы, которые этот зверь оставил на твоей спине и правой руке, — так только диву даешься, как это он не убил тебя совсем.

Гаури поняла, что мать заметила синяки на ее теле, когда она мылась с дороги на внутреннем дворе, и промолчала, чувствуя, что мать хочет услышать от нее подтверждение своих слов о жестокости Панчи. Всем своим видом молодая женщина словно умоляла избавить ее от унизительного разговора о всех тех обидах и оскорблениях, которые она вытерпела от мужа.

— Почему ты не пришла к нам раньше, когда он бил тебя по наущению Кесаро? — не унималась Лакшми. — Мы бедны, но уж как-нибудь сумели бы устроить тебя, как-то уладить дело. В конце концов он не единственный мужчина...

Гаури так посмотрела на мать, что та осеклась и не договорила до конца.

— Мама, ведь я же замужем! — сказала она наконец. Выражение муки на ее лице сменилось гневом.

На веранде воцарилось напряженное молчание. Через некоторое время старуха перестала прясть и сказала:

— Пойди умойся и попей молока.

Несмотря ни на что, Гаури не переставала думать о Панчи, и последнее замечание матери повергло ее в ужас. Всем своим существом Гаури заранее противилась ее нечестивым замыслам. О юности Лакшми рассказывали страшные вещи. Гаури слышала о том, что она была неверна отцу и, как утверждали некоторые, отравила его. А ее страсть к деньгам Гаури знала по собственному опыту. Так что от нее всего можно было ожидать, особенно в пору засухи, которая убила в людях всякую надежду на спасение. На какой-то момент слезы женской слабости затуманили ее глаза, но она не хотела иметь какого-либо другого мужа, кроме Панчи, и ее воля была непреклонна.

— Пойди умойся, доченька, твой дядя может привести гостей, — повторила Лакшми.

Очертания судьбы, которую готовила ей мать, проступили вполне реально. Гаури вскочила с места и сказала:

— Мама, я пойду повидаться с подругами.

С этими словами она как была, босая, выбежала во двор, на раскаленную землю, и уже не слышала, как мать крикнула ей вслед:

— Куда ты, дочка? Постой!

Гаури знала, что скорее всего может встретить своих подруг у источника, и, пройдя прямиком через руины домов мусульманских ткачей, разрушенных во время религиозной междоусобицы и раздела страны, она вскоре очутилась на краю поля по соседству с родником. Печальное зрелище, которое являли собой развалины когда-то населенных мусульманских жилищ, усугубили ее грустное настроение. Она вспомнила, что ее дядя Амру был одним из убийц Аги, сына ткача Мустафы, и по ее спине пробежал холодок. Вглядевшись в фигуры собравшихся у источника женщин, она увидела среди них Паро, ждавшую своей очереди с кувшином в руке.

— Паро! — закричала Гаури.

Девушка встала и, прикрыв ладонью глаза, посмотрела в ее сторону. Узнав свою замужнюю подругу, она страшно удивилась, что видит ее здесь, и бросилась к ней со словами:

— Ай... Ты ли это? Как ты тут очутилась? Когда моя сестренка Рупа сказала, будто видела тебя на улице утром, я ей не поверила!

— А где Камли? Раджо? — спросила раскрасневшаяся от волнения Гаури.

— Они еще придут за водой, только попозже. Из-за этой засухи воды стало так мало, что приходится ждать чуть ли не до вечера, пока она не поднимется.

— А я-то думала, что увижу вас всех!

На лице Гаури было написано такое огорчение, что Паро поспешила сказать:

— Подожди немного в развалинах, я пойду позову Камли и Раджо. Моя очередь за водой еще не скоро подойдет...

— Хорошо, только я не хочу ждать в развалинах — уж очень там тоскливо. И к источнику я не пойду — все они будут только сплетничать. Пожалуй, лучше всего встретиться у старого пипала *,

---

* Пипал — священное фиговое дерево.

где мы всегда играли и качались на качелях...

— Ладно, только спрячься за ствол, как завидишь нас. Мы сделаем девочкам сюрприз, скажем, что это не ты, а твой дух...

Гаури быстро побежала к условленному месту — раскаленная земля огнем жгла ей ноги. К счастью, до старого пипала было недалеко, и она вскоре укрылась в его тени. Вокруг никого не было, и на Гаури снова нашло тягостное раздумье. Ей вспоминались все те таинственные обряды, которые она совершала здесь вместе со своей матерью вокруг большого камня с нарисованным на нем изображением богини. Но она не будет теперь приветствовать богиню, молитвенно складывая руки, как делала всегда по настоянию матери. Ведь если богиня здесь, а не в доме ее матери, где она, Гаури, так в ней нуждается, значит она злая богиня. А может, ее нет и в этом святилище? Говорят, богиня часто уходит на снежные вершины Дхаоладхара, чтобы побыть вместе со своим супругом Шивой. Освещенные лучами вечернего солнца, эти вершины походили на цветущий розовый сад. Но богини там не было видно. Только великий бог Шива, казалось, стоял там, красноглазый, довольный зажженным им огнем. Бог был настроен жестоко, и это сулило продолжение засухи. Гаури с содроганием отвернулась от мрачного видения. «Хоть бы скорее пришли девочки, я бы не чувствовала себя так одиноко, — подумала она. — Если б только не надо было возвращаться в дом матери! Я бы так охотно осталась в деревне». Судя по поведению матери, от нее всего можно ожидать. Она в душе кляла мужа, не облекая свой протест словами. «Почему он меня выгнал?..» — спрашивала она себя. При одном воспоминании о той страсти, с которой Панчи ласкал ее, Гаури и теперь становилось жарко. Как мог он прогнать ее после всего этого? Она могла понять побои, брань, дурное настроение — но отказаться от нее? И тем более теперь, когда она ждет ребен-

ка и ей так нужны любовь и ласка. К ней пришла запоздалая мысль, что надо было наброситься на него и бить его кулаками изо всех сил, заставить его услышать крик того невинного младенца, которого она носит под сердцем... Но теперь уже слишком поздно. Она позволила ему оттолкнуть себя... Может быть, он еще раскается и придет за ней?.. Нет, она никогда не видела такой злобы и ненависти в его глазах, как в ту минуту, когда он отвернулся, избив ее. Она отринута навсегда, и ей нужно научиться во всем полагаться только на себя и вырастить младенца своими собственными силами... На ее глаза навернулись слезы, и она готова была заплакать, если бы в это мгновение не показались подруги.

Еще издали увидев Гаури, девушки бросились к ней со всех ног. Паро несколько поотстала, чтобы не мешать их встрече. Гаури развела руки и первой заключила в объятия одиннадцатилетнюю Рупу, младшую сестру Паро. Лицо девочки зарделось ярким румянцем, когда она крепко прижалась к Гаури. Эта простая ласка так растрогала Гаури, что нервы ее не выдержали, и она заплакала. Глядя на нее, заплакала и Рупа. Паро пришлось силой оторвать ее от Гаури. Камли, хрупкая, нарядно одетая дочь ювелира Канши Рама, тоже обняла Гаури и уронила несколько слезинок. Дома в ней воспитывали холодность и надменность, но она дружила с Гаури, несмотря на запрет общаться с простыми крестьянскими девушками.

— А Раджо нет дома, сестра, — сказала Паро. — Не знаю, куда она запропастилась!..

— Гаури, сестра, Раджо дома, но мать запретила ей выходить, потому что она скоро выйдет замуж, — затараторила Рупа. — Ее мать соврала, что Раджо нет дома, только Паро не позволила мне подняться за ней наверх... Говорят, она помолвлена с кем-то из Хошиарпура.

— Молчи! — оборвала свою сестру Паро. — Что ты можешь знать в твои лета?

— Но ведь мать Раджо сама рассказывала об этом старой тетке Фаго, когда они вместе пряли, — заметила Камли.

— А я что говорила? — сказала Рупа.

— Замолчишь ты? — сердито замахнулась на нее Паро.

Гаури заслонила собой девочку, отсутствующим взглядом глядя куда-то вдаль.

— К кому ты ушла? — улыбаясь, спросила через некоторое время Паро. — Глупая, не надо было позволять выдать себя замуж за такого человека.

— Твой отец так же виноват в этом, как и другие, — ответила Гаури, — ведь он был мне вроде отца, и я должна была повиноваться. И он был прав, Паро. Мой муж хороший.

— Вот уж действительно телка! Он трус. Ничего себе «хороший» — бить тебя что ни день и потом прогнать домой!

— Не говори так, Паро! — возразила Гаури. — Может быть, богиня Кали рассердилась и наказывает меня за что-то.

— Нет на свете никакой Кали! — ответила Паро. — Надо полагаться только на свои силы. Так говорит мой отец.

— Твой отец не верит в богов с тех пор, как побывал на войне, — сказала Камли. — И он все время рычит: женщины ничего не умеют делать толком! Ничего не умеют делать для себя! Для них одна только надежда — замужество!

Гаури обвела взглядом подруг и глубоко вздохнула, подняв взор к небу, словно искала у него поддержки. На ее глаза набежали слезы, и, прежде чем девушки смогли подбодрить ее, она разразилась горькими рыданиями на руках у Паро.

В тот вечер Гаури не подходила к матери, и Лакшми поняла, что дочь избегает ее.

Напряженная тишина была прервана появлением Амру, который был глух к тому, что происходи-

ло между двумя женщинами, и поднял крик. Женщины сидели неподвижно и молчали. Это еще больше бесило его.

— Моя собственная доброта оборачивается против меня! После всего, что я сделал для тебя, я же, выходит, нехорош! А ведь я заботился только о твоем благе! Что бы ты делала без Чандари?.. Если Джавала Прасад потребует назад деньги, которые ты взяла у него под залог коровы, что ты будешь делать? Ведь ты не можешь платить даже проценты!.. А эта девчонка? Вот она вернулась, и я спрашиваю, сможешь ли ты прокормить ее?

— Я уйду, дядя, не ссорьтесь из-за меня, — сказала Гаури.

— Нет, нет, оставайтесь обе здесь, — язвительно сказал Амру. — Вы две женщины — мать и дочь!.. Это я здесь теперь посторонний, раз ты вернулась. Я уйду отсюда и не буду мешать вашему блаженству! Только помни, Лакшми, если Джавала Прасад заберет Чандари, не приходи просить у меня хлеба для себя и твоей дорогой доченьки! Я не хочу больше иметь с вами дела! — И он в сильном возбуждении пошел к двери.

— О горе! — простонала Лакшми, но не двинулась с места.

— Вы обе кончите плохо, помяните мое слово! — сказал Амру, задержавшись в дверях. Но никто из них не пошевелился, и он, тяжело ступая, вышел на улицу.

Гаури посмотрела на мать, потом перевела взгляд на дверь, но мать словно не замечала ее. Отказ матери пойти с Амру к Джавале Прасаду переполнил ее нежностью к старой женщине. Но прежде чем дочь успела что-либо сказать ей, Лакшми поднялась, как во сне, и сказала:

— Дочь моя, я скоро вернусь. Кушай то, что я оставила на кухне — в корзинке оладьи, в кувшине маринованные манго... Вскипяти молоко в горшке, там есть сухой навоз для топки.

С трудом волоча ноги, она вышла со двора...

Подобно каплям влаги, выступающей на горящем дереве, на лбу и шее Гаури выступил пот. Она сгорала от внутреннего жара и, как иссушенная солнцем земля, была тиха и безмолвна.

Перед ее мысленным взором медленно проплывали картины ее детства. Вот мать оставила ее одну дома, и она лежит, пугаясь ослепительного блеска солнца и странных фигур, которые образуют плывущие по небу облака. Как бы тоскливо и одиноко ей тогда ни было, она верила, что ее покровительница богиня Гаури всегда с нею рядом. Никогда она не чувствовала себя такой несчастной, как сегодня, когда богиня покинула ее. Ей нечего ждать, и всякое терпеливое ожидание с ее стороны — она была уверена в этом — привело бы только к несчастью. Она вдруг поняла, что должна уйти отсюда, уйти немедленно. Но куда? «Куда угодно», — ответил ей внутренний голос. Раз она не может вернуться к мужу так скоро после того, как он выгнал ее, быть может, следует отправиться к одной из своих подружек, к Паро?

Она порывисто встала и, не медля ни минуты, вышла за ворота. Но пробежав по улице несколько шагов, она встретила мать, которая возвращалась домой.

Гаури вздрогнула и попыталась обойти ее стороной.

— Подожди, — окликнула ее Лакшми. — Иди домой, все будет хорошо. Я не пойду к Джавале Прасаду! Я не смогла догнать Амру и решила вернуться. Пусть идет один, и чтоб ему пусто было!

При этих ее словах наивная вера в то, что все будет хорошо, вернулась в смятенную душу девушки. И только где-то на самом ее дне еще тлел гнев. Но, подняв глаза на Лакшми и увидев ее несчастное лицо, Гаури окончательно смягчилась и пошла впереди матери по направлению к дому.

Гаури отказалась от ужина, который приготовила ей мать, да и сама Лакшми не дотронулась до еды. Они долго сидели молча.

Наконец мать заговорила:

— Дочь моя, ты просто не знаешь, как я мучилась после смерти твоего отца. Да и с ним мне жилось не сладко. Он ленился работать и целыми днями лишь сидел да курил кальян. А мне приходилось бегать по чужим домам и делать самую черную работу, чтобы хоть как-то свести концы с концами. Он заложил свой единственный бигх * земли, и мы потеряли его, потому что не смогли уплатить проценты. И все коровы, которых я держала, были куплены на деньги, заработанные моими руками... Амру помогал мне, и твой отец ревновал меня к нему. Деревенские сплетники не переставали болтать о том, что Амру содержит меня, а потом разнесли слух, будто я отравила мужа по его наущению. Но это все черная клевета. Неверно и то, будто отец думал, что ты — мой ребенок от Амру. Клянусь тебе, это неправда! Но твой отец был подозрительным по натуре и никогда не признавал тебя за свою дочь. Может быть, если б ты была мальчиком, он бы полюбил тебя — так уж повелось, что у нас в почете только сыновья, а дочери считаются проклятьем!

— Но, мама, — прервала ее Гаури, — почему ты не рассказала мне обо всем этом раньше?.. — Ее лицо было мертвенно бледным, так потрясли ее признания матери.

— Я потому не говорила тебе об этом, что после смерти отца жила не так, как полагается жить вдове. Теперь ты уже взрослая, и ты поймешь, что мне было трудно прожить без мужчины. Я не каменная. И я бы не смогла вырастить тебя совсем без денег. Молока, которое я продавала, не хватило бы на то, чтобы обеспечить нас всем необходимым.

---

* Бигх — индийская земельная мера, равна примерно 0,25 гектара.

Амру — злой человек, но он был добр ко мне. Без него я бы погибла... Сейчас, когда засуха, Чандари почти не дает молока, и он боится, как бы ты и твой ребенок не стали для нас слишком большой обузой.

— Да, конечно, что отчим, что мачеха — все одно, — горько проронила Гаури.

— Все это так, детка, но тут уж ничего не поделаешь. Амру не хочет, чтобы я состарилась раньше времени от забот, а я не хочу обидеть тебя, мою дочь. Я стараюсь считаться с вами обоими и не знаю, кому отдать предпочтение. Вот почему я не пошла вместе с ним к Джавале Прасаду и вернулась к тебе...

— Тогда отпусти меня, и все устроится само собой. К Панчи я возвратиться не могу, буду жить у Паро и работать прислугой у людей.

— А толки и пересуды, которые пойдут по деревне? — возразила Лакшми. — Нет, о твоем уходе не может быть и речи. Ложись-ка сейчас спать, а утром видно будет. Я еще поговорю с Амру.

Когда Гаури забылась в полусне на своей постели во внутреннем дворе, ей привиделось, что какая-то смутная фигура наклоняется над ней и говорит хриплым, настойчивым шепотом: «Иди ко мне!» Так всегда звал ее к себе Панчи, когда она замыкалась в робком молчании.

И теперь, когда его не было рядом, она проклинала себя за эту проклятую застенчивость, которая словно парализовала ее, даже если он протягивал к ней руки. Почему она безраздельно не отдавалась ему? Ведь если б она была нежнее, он, может, и не прогнал бы ее... Снова и снова ей слышалось: «Детка, ну иди же ко мне...»

От этих приятных грез по ее телу разлилась пьянящая теплота, приглушившая на время ее печаль.

Она пробовала молиться своей богине: «О ты,

такая близкая и такая далекая! Приди и явись мне!..» Но молитва растаяла в ночном мраке, а сон отяжелял ей веки. Она вся горела, как в тот памятный день, когда шла за Панчи вокруг жертвенного костра, разведенного посреди этого же самого двора. Она повернулась на бок, надеясь, что так ей легче будет уснуть. Ей вспомнилось народное поверье, что если мысленно считать скот, проходящий в ворота деревни, это навеет сон. Гаури представила себе узкие деревенские ворота, облака пыли, пруд у дороги и толпящихся в проходе животных, среди которых была и их Чандари. Вот ее оттеснили дюжие волы, которые торопились к воде. Гаури услышала громкий и резкий звук пастушьего рожка. Вот Чандари опять вырвалась вперед, за ней шли другие коровы... Одна, другая, третья... Они надвигались на нее, и ей стало страшно, что стадо затопчет ее. Потом перед ней проплыло несколько грифов, клевавших мертвого теленка. Ее глаза заволокло тьмой, и сон, похожий на смерть, поборол ее.

Среди ночи Гаури проснулась оттого, что кто-то сильно тряс ее. Открыв глаза, она увидела перед собой лицо Амру, потом различила в темноте белую спину Чандари, жевавшей жвачку. Терпкий запах навоза ударил Гаури в нос. Она протерла глаза и, качаясь, как пьяная, приподнялась на постели.

— Проснись, дочь моя, проснись! — пробормотала Лакшми, сидевшая на циновке, и глубоко вздохнула: — О боже!

— Довольно тебе взывать к богу, женщина! — упрекнул ее Амру. — Чем помогли тебе боги, когда ты таскала им в храм сладкие лепешки? Они только смеялись над твоей глупостью!

— Не кричи на меня, чурбан, — прервала его Лакшми. — Что ты знаешь о сердце матери? Иди сюда, Гаури, и слушай...

Гаури поняла, что они говорили о ней, пока она спала. Стараясь сохранить спокойствие, она встала с постели и послушно подошла к ним.

Некоторое время все трое молчали, и Гаури могла слышать чей-то кашель в доме по соседству и монотонное жужжание насекомых в воздухе.

Первым заговорил Амру:

— За несколько месяцев замужества ты превратилась в настоящую женщину, Гаури! Но твой муж оказался негодяем.

— Я думала, бог услышит мои призывы и его сердце смягчится — пробормотала Лакшми.

— Замолчи, женщина! Еще раз прошу — не говори так много о боге, дай мне побеседовать с Гаури, — перебил старуху Амру.

Однако дело, которое собирался обделать Амру, было настолько щекотливым, что он тоже не знал, как к нему приступить.

— О горе! — простонала Лакшми.

— Ладно, тогда говори с ней сама! — взорвался Амру.

Лакшми утихомирилась, и Амру, приняв тон умудренного опытом человека, продолжал:

— Девочка, слушай меня внимательно. Тебе удалось вырваться невредимой из лап этого мерзавца. Ведь он мог и убить тебя! Ты родилась под несчастливой звездой. А твоя мать — глупая женщина...

— Какое же преступление я совершила, что родила эту девочку? Но она моя дочь, моя плоть и кровь, и я не могу думать о ней так, как ты, — заволновалась Лакшми.

— И все же ты глупая женщина, ибо у тебя в доме не найдется и корки, чтоб накормить хотя бы ворону. Твоя жизнь целиком зависит от моего урожая, и могу тебе сказать, что если даже пойдут дожди, то и тогда зерна едва хватит, чтобы заплатить проценты ростовщику... А так как денег тебе достать неоткуда, Чандари, под которую был взят заем, уведут.

Корова, стоявшая в глубине двора, фыркнула, будто чувствуя, что разговор идет о ней.

А Амру продолжал:

— Гаури, дитя, Панчи прогнал тебя. И прежде чем вся деревня узнает об этом и мы будем опозорены, я думаю, тебе лучше всего уехать в Хошиарпур...

— Это верно! Люди действительно начнут говорить, — решилась поддержать его Лакшми. — Пойдут разговоры, что ты родилась под несчастливой звездой!

Казалось, Гаури совершенно лишилась способности говорить, протестовать... Она лишь пыталась уловить смысл сказанного и понять, к чему они клонят.

— Поженить тебя с Панчи было все равно, что соединить кроткую телочку с диким буйволом, — решил польстить племяннице Амру. — Откуда было знать, что он окажется таким негодяем?

Однако Гаури осталась глуха к его лести.

— Ну чего ты ревешь? — опять сорвался Амру. — Мы не собираемся тебя убивать. Мы лишь хотим устроить твое счастье. И новый жених, которого мы тебе нашли... Посмотри-ка на фотографию этого почтенного человека — любая девушка была бы счастлива узнать, что такой богатый человек предложил ей руку.

— Ты только взгляни на фотографию! — подхватила Лакшми.

Гаури передернуло от отвращения, она отрицательно покачала головой и продолжала хранить молчание.

— Долго ты будешь упрямиться, безумная женщина? Смотри! — не своим голосом закричал Амру, высоко поднимая керосиновую лампу, чтобы осветить фотографию.

Гаури не взглянула на карточку, а в упор посмотрела на самого Амру. В ее взгляде он без труда мог прочесть упорное сопротивление и нежелание повиноваться.

В глазах Амру вспыхнула ненависть к девчонке, посмевшей бросить ему открытый вызов. Что-то зловещее проглянуло в чертах его лица, искаженных безграничной злобой и жаждой мщения. Гаури в страхе опустила глаза и по привычке, укоренившейся в ней с детства, стала молиться: «О мать, невидимо обитающая в этом доме и давшая мне свое имя, войди в меня и пошли мне силы перенести все это. Дай мне крылья, чтобы я могла улететь отсюда...»

Потупив глаза, Гаури мельком увидела фотографию, упавшую к ногам Амру. На ней был изображен старый, обрюзгший мужчина с надменным лицом и пышными усами. Гаури отпрянула назад и, как раненая птица, забилась на полу.

— Амру! Эй, Амру! — негромко позвал кто-то во дворе. Амру зашипел, как змея, и бросился к двери, Лакшми испуганно-вопрошающе посмотрела на двоюродного брата.

— Это Джавала Прасад, — на ходу сказал он.

Лакшми вздохнула, подошла к дочери и по-матерински ласково поцеловала ее. Но в глубине души она уже согласилась с гнусным замыслом Амру продать Гаури старшему брату Джавалы Прасада — ростовщику из Хошиарпура Джайраму Дасу. Кроме наличных, им было обещано погашение долга по закладным на оба их дома и корову.

Вошедший вместе с Амру гость выглядел очень благообразно, со священным знаком на лбу, хотя его острый подбородок и худое тело свидетельствовали о том, что богатство не шло ему впрок. Он был очень вежлив и внимателен к Гаури, что можно было бы принять за искреннее сочувствие, если бы не тон, каким были сказаны его первые слова:

— Что с тобой, дочка? Такие слезы! Вот уж действительно...

— Простите ее, сетх-джи, — умоляюще сложив

руки, сказала Лакшми. — Она росла в такой ласке и холе, что ей страшно уходить из материнского дома... Ей не очень-то хорошо жилось с этим Панчи.

— Я всегда был уверен, что он настоящий негодяй! — сказал Джавала Прасад. — Ну, а теперь... Вы надеюсь, объяснили ей, что теперь все будет хорошо?..

Амру утвердительно кивнул и с одеревеневшим от напряжения лицом повернулся к Гаури.

— Гаури, девочка, вставай — лошадь ждет, чтобы отвезти тебя в Хошиарпур.

Но Гаури и не думала подчиняться. Ее рыдания звучали все громче и громче, перемежаясь бессвязными фразами и робкими возгласами протеста.

— Что скажут соседи, дочь моя! — уговаривала ее Лакшми. — Пойдем, нельзя так упрямиться. Ведь не убивают же тебя!

— А что же это по-вашему, как не убийство?! — пронзительно закричала Гаури. — Как вы предстанете перед своим богом! Не делай этого, мама! Умоляю тебя! — И она в страстной мольбе протянула руки к Лакшми.

Старая женщина обняла ее и упала в ноги Амру.

— Пожалей ее, пожалей ее, брат! Если она не хочет идти, пусть остается. Умоляю тебя, сделай это ради моих седин. Припадаю к твоим стопам!

— Замолчи! — закричал Амру, трясясь всем телом, и с силой оттолкнул ее от себя.

— Если она так этого не хочет... — начал Джавала Прасад.

— Нет, нет, она одумается, — убеждал его Амру. — Женщины вообще странные существа — сначала они говорят «нет», а потом «да». Избалованы они нынче...

Гаури перестала плакать и вытерла слезы краем сари. Амру, приняв ее поведение за молчаливое согласие, взял ее за руку и хотел поднять. Но она тотчас вырвала руку и закричала:

— Уходи прочь и сгинь, изверг! Не прикасайся ко мне!..

Этого Амру уже не мог стерпеть.

— Ах, так, безумная! Тебе все равно придется пойти!

— Что же делать? Что же делать? — причитала Лакшми, обнимая дочь.

Амру оттолкнул Лакшми и схватил Гаури за руки.

Однако упорство молодой женщины не уступало упрямству Амру. Она вырвалась от него и без сознания упала на узкую постель.

Это окончательно привело Амру в ярость. Он подскочил к Гаури, схватил ее за волосы и стащил с кровати.

— Мама, зачем ты позволяешь тянуть меня в ад! — зарыдала Гаури. — Богиня накажет тебя!.. О святая мать, богиня моего сердца, приди и порази их!..

Страшась гнева богини, Лакшми закрыла глаза и спрятала лицо в колени. Но Амру был неумолим. Словно хищная птица, он продолжал наскакивать на Гаури, с какой-то ужасающей непреклонностью хватая ее то за руки, то за талию. В конце концов он изловчился взять ее на руки и вынес к лошади, ждавшей на улице...

Пробудившись после короткого тревожного сна, Гаури увидела, что она лежит на первом этаже какого-то городского дома. Ее слегка лихорадило. Какой-то мужчина, склонившись над ней, пощупал ее лоб и сказал что-то успокоительное. У него были пышные седые усы, мешки под глазами и знак касты на лбу. Священная нить опоясывала его сильный обнаженный торс. Гаури почему-то подумала, что именно он и купил ее. Его набожная речь раздражала ее, но не больше — страх перед гневом Амру парализовал ее чувства. Чуда не произошло — Панчи не вернулся, и она решила довериться судьбе, надеясь, что сможет стать скромной и целомудренной служанкой.

Солнечные лучи, падавшие на ее кровать сквозь высокие, как двери, окна, словно вливались усталостью в ее отупевшее, равнодушное тело.

Горло горело от жажды.

— Воды... Каплю воды... — простонала она.

Она чувствовала какое-то ожесточение ко всему в этом доме и решила, что не уступит никому. Все ее покинули. Все. Даже богиня.

Пока она боролась с лихорадкой, Амру прокрался в комнату и тихонько пристроился у ее кровати. Болезнь Гаури порядком напугала его. Деньги, обещанные за девушку, спасали его и Лакшми от засухи, и уж теперь-то он вовсе не хотел, чтобы какая-нибудь непредвиденная случайность заставила ростовщика отказаться от девчонки. Это могло произойти в том случае, если Гаури будет продолжать упираться. В конце концов ростовщику все это просто надоест, и он умоет руки.

— Ну как, моя телочка... — вкрадчиво начал Амру.

Она вдруг замерла, затихла, и только глаза ее горели ярким светом. Присутствие ненавистного Амру, наглость, с какой он осмелился приблизиться к ней, сковали ей язык. Тяжело дыша, она лишь слегка открыла рот и облизнула губы.

Амру понял, что она хочет пить.

— Сейчас я дам тебе воды, — сказал он, подошел к глиняному кувшину, налил холодной воды в медную чашку и протянул ее Гаури.

Она приподнялась, взяла чашку у него из рук и с жадностью стала пить.

— Много не надо, — предостерег он, решив, что от холодной воды ее будет лихорадить еще больше. Но она выпила все до капли, сунула ему в руки чашку и легла снова — ей стало легче.

Амру искоса взглянул на нее и понял по ее подчеркнутому безразличию, как она его ненавидит. И еще он понял, что уже никакой добротой не сможет загладить свою вину перед ней. Понурив голову, он долго сидел в молчании.

— Послушай, Гаури, — вдруг сказал он. — Здесь сейчас никого нет, кроме нас с тобой, но ты не бойся. Как я ни плох, больше я тебя не обижу. Зло сделано — и ты здесь. Теперь тебе остается

лишь примириться с тем, что ты принадлежишь сетху Джайраму Дасу. Мы бедны, а беднякам выбирать не приходится. Что до меня, то я не могу свернуть с пути зла — иначе я не спасу свою землю и корову твоей матери. Ведь все эти ростовщики — сущие кровопийцы. Мы же только их покорные слуги.

— Хорошо, пусть так, — перебила его Гаури. — Но как могла мать продать родную дочь? Лучше бы она задушила меня при рождении, чем убивать теперь... — Голос ее звучал по-детски наивно, но в нем чувствовалось возмущение, идущее из глубины души.

— Вряд ли я сумею тебе объяснить, что я думаю о себе самом, — сказал Амру. — Я знаю, что я негодяй. Но прежде чем уйти, я должен сказать тебе, что самое большое мое преступление не в том, что я продал тебя ростовщику. Я сделал худшее — я пожертвовал своей любовью. С тех пор как ты стала взрослой девушкой, я люблю тебя. Я хотел, чтобы ты была моей, а вместо этого отдаю тебя на растерзание другим... Я дважды проклят...

Только теперь поняла Гаури значение тех взглядов, которые Амру бросал на нее перед замужеством, его ревность к Панчи, поняла, почему он так подло продал ее старику.

Ей хотелось встать и с гневом и презрением взглянуть ему в глаза. Но он не глядел на нее, и она вдруг почувствовала к нему жалость, хотя гнев по-прежнему душил ее.

— Ты всегда жил только для себя, — проговорила она. — Ты разбил жизнь моей матери. И кто знает, может, ты и вправду отравил моего отца...

Ее била дрожь, она была готова наговорить бог знает что. Но при воспоминании об отце у нее выступили на глазах слезы, и она вдруг почувствовала себя частицей родной семьи, скромной, послушной девочкой, готовой к тому самопожертвованию, о котором ей так часто толковали старые люди и жрецы. Все же этот ненавистный Амру был

ей дядя. Где-то в глубине ее существа, там, где покоились вбитые в нее молитвы и религиозные наставления, многие из которых — она это знала — были явной ложью, ее простая правда уступила место безотчетной жалости...

Гордая своей моральной победой, она все же отвернулась от Амру и впервые за эти два дня почувствовала себя спокойнее.

Ее продолжительное молчание начало в конце концов тяготить Амру.

— Ну что ж, — сказал он, — я, пожалуй, пойду...

Гаури продолжала молчать. В это время в дверях показался Джайрам Дас. Она так уставилась на мешки под его глазами, словно в них заключался единственный признак его старческой слабости, слабости человека, которому теперь предстояло безраздельно владеть ею.

— Спал у нее жар? — спросил сетх, подходя к Амру.

— Спал, сетх-джи, — сказал Амру и добавил: — А теперь я оставляю ее на ваше попечение. Я знаю, вам нужна женщина, чтобы смотреть за вами. А Гаури — преданное создание, она способна многое простить. К тому же у нее мягкий характер.

— Видишь ли, брат, — сказал сетх, — с тех пор как умерла моя жена, у меня не было ни минуты покоя. Здоровье мое все ухудшается, пропал сон, а от этого страдают дела! Думаю, что с приходом этой девочки все пойдет на лад. — Он повернулся к Гаури: — Ничего, скоро придет доктор, и ты поправишься. Я провожу твоего дядю...

— Я ухожу, Гаури, — сказал Амру, направляясь к двери. — Скорей поправляйся. Поручаю тебя великодушию сетха Джайрама Даса.

Гаури закрыла глаза. Так голубю, заметившему крадущуюся к нему кошку, кажется, что он останется в безопасности, если не будет видеть своего врага...

Проводив Амру, Джайрам Дас вернулся к Гаури. Она лежала, не открывая глаз, чтобы не видеть его, но чувствовала, что он стоит рядом. Тогда она отвернулась и постаралась прогнать мысль о нем.

Не зная, что делать, Джайрам Дас искоса поглядывал на нее, в то же время стараясь, чтобы она не заметила этого.

Да, он, безусловно, сделал большую ошибку, не посоветовавшись с пандитом Рамом Нарайяном. Надо было выяснить гороскоп этой девушки, совпадают ли их звезды. Но его нетерпеливое сердце не хотело ждать. Слишком уж хороши у нее бедра. Высокие, круглые, так и хочется погладить их. Давно он не видел таких бедер. Ради таких бедер он готов был простить ее холодность. Если б только она допустила его к себе, уж он сумел бы доказать ей, что он вовсе не так стар и немощен, как она думает...

Какие только греховные мысли не лезут в голову! Он даже про себя не должен вспоминать о своей старости, не то и она начнет думать о том же. Ведь говорил же пандит, что мысли могут передаваться от человека к человеку. Нет, не раздумывать надо, а что-то предпринимать. Например, привести врача. Прежде всего надо поставить ее на ноги.

— Я пойду, девочка, — сказал он. — Пойду и приведу доктора Махендру.

Гаури продолжала молча лежать, отвернувшись к стене. Она даже затаила дыхание, притворяясь, будто ничего не слышала и слушать не хочет. Не нужны ей его заботы!

— О господи, — прошептал в отчаянии ростовщик.

На лестнице раздались чьи-то шаги, и Гаури натянула на себя тонкое белое одеяло.

В комнату вместе с ростовщиком вошел незна-

комый мужчина в рубашке и брюках цвета хаки. На голове у него был тропический шлем, в руках кожаный портфель.

Гаури догадалась, что это и есть врач, и машинально поправила растрепанные волосы.

— Не беспокойся, детка, — сказал незнакомец, подходя к ней. — Я доктор.

— Полковник медицинской службы Махендра-сахиб, — поспешил сообщить ростовщик, чтобы она сразу почувствовала, с кем имеет дело.

Эти слова произвели на Гаури желаемое впечатление. Она покраснела от волнения, хотя старалась держать себя в руках.

Доктор Махендра привычным движением взял ее руку, чтобы проверить пульс, затем так же машинально пощупал лоб и сказал очень просто:

— Я думаю, вы сами выдумали себе болезнь, не так ли?

Гаури вспыхнула от смущения — как это он сразу все понял?

— А теперь, сетх-джи, — сказал Махендра, — вам лучше выйти, пока я ее осмотрю.

Джайрам Дас сложил руки в знак согласия и немедленно повиновался.

Доктор велел Гаури расстегнуть рубаху и приложил свою трубку к ее груди. Потом он измерил у нее давление и попросил лечь на живот. Внимательно прослушав ее, он сказал:

— Ничего страшного нет, можешь не беспокоиться. Просто небольшой жар. Но тебе не следует волноваться.

Гаури колебалась: сказать или не сказать? Вдруг он поможет ей освободиться? Нет, пожалуй, не стоит... Ведь он такой сдержанный и серьезный... Ну, а если все-таки рискнуть?

Неожиданно к ней пришла решимость — решимость отчаяния.

— Мои родные продали меня, — сказала она и тут же умолкла, словно испугавшись собственных слов.

Доктор мрачно кивнул, но не сказал ни слова. Только покраснел почему-то. Собрав инструменты, он взял шлем и так же молча направился к выходу.

— Я пришлю тебе лекарство, — сказал он, задержавшись в дверях. — Но ты поправишься лишь в том случае, если сама этого захочешь...

В этот момент появился Джайрам Дас.

— Да, да, доктор, — заговорил он, — уговорите ее побыстрей поправиться. Ведь за мной некому присмотреть. Вы же знаете, моя жена умерла несколько месяцев назад. Я-то думал, эта девушка придет и будет готовить мне. А вместо этого мне приходится самому ухаживать за ней...

— Пошлите кого-нибудь за лекарством ко мне в больницу, — прервал его врач и с хмурым лицом вышел из комнаты. Ростовщик сунул ему в руку пятнадцать рупий, которые тот небрежно сунул в карман рубашки.

Около полудня, когда обжигающие лучи солнца довели Гаури до полного изнеможения, Джайрам Дас, потея и отдуваясь, вошел в комнату с многочисленными свертками в руках.

Гаури демонстративно отвернулась к стене, с ужасом думая, что он решил, наконец, потребовать с нее то, за что заплатил своими деньгами. Ее била дрожь. Несмотря на внешнее безразличие, ее переполняли самые противоречивые чувства. Жгучий стыд, горестные воспоминания о предательстве Панчи, злость к матери и Амру и, наконец, отвращение к этому человеку с мешками под глазами — все это смешалось воедино.

— Что же мне с тобой делать, девочка? — жалобно проговорил ростовщик. — Ты даже не хочешь слушать меня. Прими хотя бы лекарство, которое прислал тебе доктор.

Не поднимая головы, Гаури села на кровати

и протянула руку за лекарством. Он налил микстуру из бутылки в стакан и дал ей.

— Я так долго ждал возле больницы, — сказал Джайрам Дас. — Там ужасно много больных.

Лицо Гаури исказилось гримасой — лекарство оказалось горьким, и она случайно увидела потное лицо ростовщика. Но глаза ее, как и подобает служанке, сохраняли послушное выражение.

Ростовщик решил воспользоваться моментом, чтобы предложить ей подарки.

— Девочка, — сказал он, — мне очень хочется, чтобы ты поскорее выздоровела... Тогда ты сможешь надеть это бенаресское сари, которое я для тебя купил... А вот и драгоценности, наши фамильные драгоценности! Старое золото, теперь уж такого не достанешь! С тех пор как умерла моя бедная жена, все эти безделушки лежали внизу, в сейфе...

Голос его оборвался, глаза затуманились слезами. Он с достоинством отвернулся, и Гаури послышалось в его словах неподдельное горе.

С изумлением смотрела она на этого старика. Оказывается, он не такой уж злодей! Пусть он купил ее как рабыню, но все же он пытается ее уговорить. А может, он просто хитрит? Она исподволь присматривалась к нему. Почему-то усы у него гораздо более седые, чем на фотографии, которую показывала ей мать. Во всяком случае, когда он плачет по своей умершей жене, он вызывает сочувствие.

Джайраму Дасу показалось, что ему удалось тронуть сердце Гаури, и он решил продолжать в том же духе.

— Да, девочка моя, — продолжал он, — с тех пор как умерла Ясодха, я совсем один. Никто мне не готовит, никто меня не обшивает. Я хочу, чтобы у меня в доме была богиня, которая принесет мне удачу... Бог не обидел меня богатством, но в торговле застой, денег ни у кого нет. Засуха несет разорение не только деревне, но и нам в Хошиарпуре. Целый день я сижу в лавке, но никто ко

мне не заглядывает. И всегда наедине со своими мыслями — вспоминаю о жене. Я сплю один на террасе, и нет в моем доме женщины, которая растерла бы мне на ночь ноги. Ты и не знаешь, каково приходится человеку, когда он становится стар!

Гаури решила прервать поток его красноречия.

— Я буду вам хорошей служанкой, — сказала она.

— Ты станешь для меня больше, чем служанкой, ты станешь богиней! Я принес тебе ценное кашмирское покрывало... Быть может, по нашим священным индуистским законам я слишком стар, чтобы жениться на тебе. Но если ты наденешь чаддар и станешь моей женой...

— Нет, нет! — Гаури прикрыла лицо руками.

Жалкая покорность этого человека вызывала у нее раздражение. Чего стоят эти его мешки под глазами и словечко «ценное»! И еще предлагает стать его женой!

Ее всю передернуло от отвращения.

— Хорошо, хорошо, девочка, — забеспокоился он, — я буду молчать.

Не понимая, что так вывело ее из себя, он умолк. И все же ему очень хотелось сломить ее безрассудное упрямство — в конце концов она не должна обижаться, что он купил ее. Он подошел и хотел погладить ее по голове. Она оттолкнула его руку с такой силой, что он отшатнулся и невольно выругался:

— Ведьма!..

На следующий день доктор Махендра пришел вновь. Ростовщик, сложив руки в знак уважения к нему, следовал за ним.

Доктор знаком попросил его выйти и оставить его наедине с больной. На нем снова были брюки и рубашка цвета хаки, и Гаури он показался таким же сдержанным и далеким, как и вчера.

Даже движения у него были те же самые:

взглянув на часы, вынул трубку, приставил к ее груди, выслушал. Потом отвернулся, словно чего-то стыдясь, и сказал:

— Так не годится, девочка! Ты сама виновата в том, что сегодня тебе еще хуже, чем вчера.

Гаури взглянула на него робко и умоляюще.

— Я умру, если останусь здесь, — прошептала она.

Он мрачно кивнул и позвал:

— Сетх Джайрам Дас!

Ростовщик тотчас же появился. Руки его, как всегда, были сложены в жесте послушания.

— Эту женщину надо отправить в больницу или в мою лечебницу. Здесь ей нельзя оставаться, она нуждается в хорошем уходе.

Ростовщик покорно опустил голову, потом искоса взглянул на Гаури. «Они сговорились между собой, — подумал он. — Впрочем, они, наверно, разговаривали и вчера». Однако он не осмелился спросить о чем-либо.

Презрительно взглянув на торговца, Махендра взял шлем.

— Что бы ни приказал сахиб доктор, все будет исполнено, — поспешил заявить ростовщик. — Вылечите эту девушку, и, я надеюсь, она будет мне хорошей женой...

Последние слова старый пройдоха добавил для того, чтобы отвести от себя все подозрения, которые могли внушить врачу жалобы Гаури.

— Я пришлю за ней санитарную машину, — сказал доктор Махендра и направился к выходу.

Как и вчера, сетх вложил ему в руку пятнадцать рупий и засеменил вслед за ним по лестнице. Когда они сошли вниз, ростовщик набрался храбрости.

— Сахиб доктор, — сказал он, — как только она поправится, я сразу женюсь на ней. И тогда благодаря вашим заботам старость моя пройдет в покое. Будет кому готовить мне, и обшивать меня, и растирать мои усталые ноги...

На лице Махендры мелькнула какая-то странно торжествующая улыбка. Вероятно, так он улыбался в те дни, когда ему особенно удавалась какая-нибудь операция. Ничего не ответив ростовщику, он вышел из дома.

Медленно и тяжело поднимаясь обратно, Джайрам Дас думал о том, как ему поступить с этой упрямой девчонкой. Сначала он решил прямо заявить ей, что он немало заплатил за нее, имеет на нее все права и если она не перестанет выкидывать свои женские штучки, ей несдобровать. Но, подойдя к дверям ее комнаты, он решил, что не стоит выводить ее из себя и лучше уж постараться ее разжалобить.

— Девочка, — начал он, входя в комнату, — ты ведь слышала, что сказал сахиб доктор. Теперь моя честь в твоих руках. Я второй человек в этом городе после сетха Кхатарии и очень дорожу моим добрым именем. Я не пожалею денег на твое лечение. У тебя будет время подумать, как хорошо ты могла бы жить у меня. Слава богу, дом у меня богатый.

Но Гаури вовсе не улыбалось возвращаться в этот богатый дом. Достаточно долго пришлось ей страдать, и богиня, наконец, должна разрешить ей вернуться в дом своих отцов.

Через два дня после того, как ее привезли в лечебницу, Гаури почувствовала себя настолько лучше, что уже могла помогать в многочисленных хлопотах молодой сестре милосердия мисс Кларе Янг, вокруг которой вращалась жизнь этой маленькой, всего на двадцать коек, лечебницы. К этому времени Гаури была уже на третьем месяце беременности и ее время от времени поташнивало, хотя в общем-то она не очень страдала.

Доктор Махендра осматривал ее каждое утро

и делал это всегда молча, если не считать тех кратких распоряжений, которые он давал мисс Янг или самой Гаури.

Однако младший врач, Ратанчанд Батра, который выполнял в лечебнице обязанности хирурга, проявлял к ней явно повышенный интерес и пытался завязать с ней отношения, не совсем соответствующие тем, какие обычно существуют между врачом и пациентом. Проверяя пульс, он всегда брал ее за руку несколько более нежно, чем полагается в подобных случаях, и часто подшучивал над Джайрамом Дасом, из чего было видно, что он каким-то образом осведомлен о том, что с нею произошло.

Но так как доктор Ратанчанд Батра был красивым молодым человеком лет тридцати пяти и чем-то напоминал ей мужа, Гаури не протестовала против его несколько непристойных шуток, хотя и принимала их с некоторой осторожностью и достоинством женщины, убежденной в своей порядочности.

— Ну, как сегодня чувствует себя наша больная? — весело говорил он, заходя по утрам в палату, располагавшуюся на первом этаже бунгало, построенного в индийском стиле (второй этаж занимал он сам со своей женой).

Не зная, как держать себя со столь высокопоставленным человеком, Гаури улыбалась веселому доктору, полагая, что ему известно гораздо больше того факта, что ростовщик купил ее.

Раза два-три, когда она была у него на осмотре, ей показалось, что он как-то выжидательно глядит на нее, улыбаясь, и ей была приятна мысль о том, что он симпатизирует ей. Но однажды он игриво подмигнул ей, и она, стыдясь, отвела глаза, слегка испуганная тем, что он пользуется преимуществом своего положения доктора. «Старики иной раз жадны, но и среди молодых попадаются подлецы», — многозначительно сказала сестра Янг,

заметив, что доктор Батра заигрывает с Гаури. Это насторожило ее.

Однако когда утром на четвертый день ее пребывания в госпитале Джайрам Дас явился за ней, Гаури преисполнилась уважения к молодому врачу и простила ему все его вольности — так преданно он защищал ее от ростовщика.

Не успел Джайрам Дас рта раскрыть, как доктор Батра сказал:

— Я слышал, сетх-джи, что ты купил эту девушку у ее опекунов. Придется сообщить об этом в полицию.

— Позвольте, сахиб доктор... — запротестовал ростовщик.

Но его перебил доктор Махендра.

— Чем вы можете это доказать? — резко спросил он доктора Батру, хотя отлично знал, как обстоит дело.

— А вот чем. Сетх-джи пришел забрать девушку. Если он назовет ее женой, она скажет, что никогда не выходила за него замуж. Если же он скажет, что она его служанка, то никто не посмеет насильно заставить ее служить у него.

— Но, сахиб доктор, — не сдавался ростовщик, — девушка пришла сюда из моего дома, и я плачу вам за ее лечение!

— Вряд ли закон удовлетворится вашими аргументами, — сказал Махендра доктору Батре. — Тут нужны более конкретные доказательства.

— Сахиб доктор, — настаивал Джайрам Дас. — Батра-сахиб не знает того, о чем говорит. Я надел чаддар на эту женщину, значит она стала моей женой.

— Все это вы должны будете доказать в полиции, — сказал Батра. — Раз девушка отказывается вернуться в ваш дом, я должен сообщить об этом в полицию.

— У меня тоже немало друзей в полиции, сахиб-доктор, — не утерпел ростовщик.

— Вот мы и сходим к вашим друзьям, — иронически улыбнулся Батра.

— Я вижу, вы оба настроены против меня, — сказал Джайрам Дас. — Вы оба — ученые люди, не то что я...

— Я вовсе не настроен против вас, — перебил его Махендра. — Но если девушка куплена вами, я считаю, что она должна вернуться к своему мужу.

— Как всякий ростовщик, он думает, что за деньги можно купить все! — засмеялся доктор Батра.

Махендра нахмурился — его коллега явно зашел слишком далеко.

— Вам, людям ученым, только бы посмеяться надо мной, — сказал ростовщик. — А я ведь никогда не важничал перед вами...

— Пока нет, — вставил доктор Батра.

— Дайте же ему высказаться, — заметил Махендра доктору Батре.

— Да, сахиб доктор, вы знаете, что я — ваш покорный слуга, — продолжал Джайрам Дас. — В доме у меня немало добра, и я хочу, чтобы в моем доме была хозяйка. Не буду от вас таить — я купил эту девушку. Вы — люди ученые, не жалуете этот обычай, но в наших краях все так поступают. Я хочу взять ее домой и сделать своей богиней. Я буду поклоняться ей...

— Ну, конечно, — усмехнулся доктор Батра, — сначала она разотрет вам ноги, потом вы попытаетесь ею овладеть!

Тут уж ростовщик не выдержал.

— А разве вы, сахиб доктор, сами не пялите на нее глаза? — без обиняков спросил он.

— Вон отсюда! — закричал доктор Батра, вне себя от наглости ростовщика.

— Успокойтесь, успокойтесь, сетх-джи, — попытался восстановить мир Махендра. — Доктор Батра не хотел вас обидеть. Сейчас нам надо решить, можете ли вы взять девушку домой. Я ду-

маю, что лучше всего спросить об этом ее. Ведь это будет честно, не так ли?

— Но, сахиб доктор... — запротестовал ростовщик, заранее зная, каков будет ответ девушки.

— Так мы и сделаем, — подхватил доктор Батра. — Эй, Санту! — крикнул он санитару. — Приведи-ка сюда больную Гаури.

В ожидании прихода Гаури оба они — и ростовщик, признавшийся в том, что он купил человека, и любвеобильный доктор Батра — чувствовали себя достаточно неловко. Только Махендра неподвижно сидел в кресле, словно черный идол, и тихо перебирал листки лежавшей перед ним промокательной бумаги. Чувствовалось, что эта некрасивая история немало взволновала его.

Гаури вошла в комнату, закрыв лоб покрывалом, и застыла у дверей с видом преступницы, представшей перед судом. Она знала, что сейчас решится ее судьба. И хотя ей было известно, что оба врача на ее стороне, она понимала, что Джайрам Дас, такой смиренный и задабривавший ее подарками, пойдет на все, если ему откажут в праве пользоваться своей покупкой.

— Не бойся, — сказал ей Махендра. — Мы позвали тебя лишь для того, чтобы спросить: хочешь ли ты вернуться в дом сетха Джайрама Даса. Только подумай, прежде чем отвечать.

Гаури целую минуту стояла молча, опустив голову.

— Да говори же, — подбодрил ее доктор Батра.

— Я хочу вернуться к моему мужу, — наконец проговорила она.

— Нет, отвечай на вопрос прямо: хочешь ты вернуться в дом сетха Джайрама Даса или нет? — нетерпеливо сказал Махендра. — Каково бы ни было твое второе желание, сперва ответь на этот вопрос.

Гаури отрицательно покачала головой.

— Ты словами, словами скажи! — закричал Батра.

— Нет, — сказала она, — я не хочу возвращаться туда. Я хочу домой...

— Я знал, что она так скажет! — Батра торжествовал.

— Ну что ж, сетх-джи, — сказал Махендра, — теперь, я думаю, вам лучше оставить ее в покое. Иначе может пострадать ваш престиж. Подумайте сами: вы силой берете ее обратно, а она кончает самоубийством или совершает что-нибудь в этом роде. Тогда вы окончательно погибли...

Батра подкрепил эти слова угрозой:

— И уж, конечно, я сообщу полиции, если...

— Послушайте, сахиб доктор, — сказал ростовщик, — не грозите мне каждый раз полицией. Не забывайте, что я могу их всех купить. Ведь они берут гораздо меньше, чем вы...

— Подумайте о девушке, сетх-джи, — сказал Махендра, — неужели вам будет приятно обнимать девушку, которая вас не хочет?

— Для него это неважно, — снова вмешался Батра, — ведь он заплатил за нее!

— Пусть вы здесь хозяева, — сказал ростовщик, — но я не намерен выслушивать ваши оскорбления.

— А я не намерен отпустить эту девушку из лечебницы иначе, как в сопровождении полиции, — не успокаивался Батра.

— Ты можешь идти к мисс Янг, — сказал Гаури доктор Махендра.

Гаури очень хотелось узнать, чем кончится дело, и она с минуту колебалась, но, увидев строгий взгляд Махендры, поспешила выйти.

— Итак, — сказал Махендра, обращаясь к двум врагам и принимая на себя роль третейского судьи, — Гаури дала достаточно прямой ответ на мой вопрос. Я не потерплю никакой грязи у себя в лечебнице... Я дам ей работу. Она будет помогать сестре Янг, пока мы не разыщем ее мужа и не вернем ее ему.

Ростовщик понял, что спорить бесполезно. Ма-

хендра говорил решительно и категорически, а выражение его лица, благородного и бесстрастного, не допускало возражений. И еще ростовщик понял, что Махендра слишком честен, чтобы согласиться на какую-либо сделку.

А доктор Батра гордо вскинул голову, довольный одержанной победой, встал с места и демонстративно широко раздвинул бамбуковый занавес— непрошеного гостя не задерживали.

Шли дни, и Гаури понемногу успокаивалась — казалось, все самое страшное уже позади. Лишь иногда пережитое нервное напряжение давало себя знать, и она, помогая мисс Янг, роняла инструменты или обваривалась кипятком.

Небо все чаще затягивалось тучами, уже прошли три больших ливня. Она думала о Панчи, рисовала в своем воображении, как он засевает поле и собирает урожай или как он с выражением раскаяния на лице входит в двери лечебницы, и ее сердце все время билось в тревожном ожидании.

Во всяком случае, одно было ясно: в дом Джайрама Даса она уже больше не вернется.

Что ее продолжало беспокоить, это взгляды, которые по-прежнему бросал на нее доктор Батра, и внушения чопорной мисс Янг, время от времени намекавшей, что ей следует быть с ним настороже.

Как-то Гаури решилась было попросить доктора Махендру написать письмо Панчи — пусть приедет и заберет ее наконец. Но в последний момент у нее не хватило духу обратиться к врачу с этой просьбой, он был такой недоступный, такой далекий. К тому же она понимала, что Панчи рассердится еще больше и еще больше будет мучиться сомнениями, узнав, что она была продана ростовщику и две ночи подряд провела в его доме.

Что касается доктора Батры, то он не оставил мысли завоевать ее сердце. Но он знал, что о нем ходят не слишком благоприятные для него слухи

и что он перестарался, защищая Гаури от ростовщика, поэтому он умерил свой пыл и действовал более осторожно.

Убедившись в истинных намерениях доктора Батры в отношении Гаури, Махендра в свойственной ему манере, одним лишь своим поведением дал понять коллеге, что ему все известно. Но это не остановило молодого врача. Наоборот, он с каждым днем все более страстно желал пойти до конца в отношениях с этой женщиной.

Однажды, проигравшись в клубе в бридж, доктор Батра по дороге домой заглянул к своему старому другу подрядчику Хардиту Сингху и от него вернулся к супруге в более веселом настроении, чем обычно. Его жена Савитри за последнее время замечала, что он стал выпивать, но не придавала этому особого значения, так как подобное случалось и раньше.

Однако на этот раз она была раздражена более обычного — ей пришлось долго сидеть в кухне, подогревая ужин загулявшему супругу. Когда она разворчалась на него, Батра схватил жену за волосы, приволок в гостиную и задал ей порядочную трепку. При этом он в ярости швырялся посудой, в которой был ужин, и даже бросал ее в окно. Вся лечебница проснулась и слышала этот пьяный дебош.

Гаури чувствовала назревающий скандал и знала от мисс Янг о слухах, ходивших по городу. Однако на первых порах недомогание, связанное с беременностью, не позволяло ей особенно раздумывать над тем, что еще может предпринять доктор Батра. К тому же еще была свежа радость избавления от ростовщика, и она вся жила надеждой на возвращение к мужу.

Но когда шум дебоша, учиненного доктором Батрой, всполошил всю лечебницу, Гаури не на шутку испугалась. Ее затрясло, как в ознобе, и она почувствовала приступ тошноты.

Сестра Янг, проснувшись от шума, лежала в постели, каждую минуту ожидая несчастья, когда из соседней комнаты донеслись стоны Гаури. Сестра Янг растерла ей спину, дала воды и хороший совет.

— Скандал наверху непосредственно касается тебя, — сказала она. — Грешная душа Батры метит прямо в ад, этот ад — ты. Я уверена, что завтра его жена уедет к своей матери и он будет тут как тут. Мой тебе совет: возвращайся домой к матери, да поскорей.

Сказав это, мисс Янг возвратилась к себе в комнату. Гаури показалось, что на этот раз она была с ней более резка, чем обычно, хотя сестра Янг никогда не отличалась особой мягкостью. Гаури чутьем угадывала, что сестра Янг неспроста испытывает такую неприязнь к младшему врачу. «Может, он и на нее имел виды?» — подумала Гаури, но тут же усомнилась в этом — у сестры Янг слишком непривлекательная внешность. А может, мисс Янг самой нравился этот красивый мужчина?..

В ту ночь Гаури долго не могла заснуть, пытаясь найти в себе мужество последовать совету мисс Янг. За окном стояла такая непроглядная тьма, а мать была такой далекой, казалась теперь такой чужой... А вдруг богиня все же придет к ней на помощь, придаст ей сил, и она совершит героический подвиг — вернется в деревню своего мужа? Тогда, покоренный преданностью своей Гаури, он с радостью примет ее. Разве все страдания, которые ей пришлось вынести, не искупили ее вины? Но как далек туда путь и какие страхи подстерегают ее в джунглях! Змеи, свирепые медведи и тигры — чего только не рисовало ей ее наивное воображение! А ракшасы — злющие демоны, рогатые, скрежещущие зубами... От всего этого можно было сойти с ума...

Шагая на рассвете в Большой Пиплан, Панчи чувствовал почти такое же волнение, как несколько месяцев назад, когда он возглавлял свадебную процессию, восседая на пони лаллы Бирбала. Только теперь уж не было под ним никакого пони, незачем было принимать героические позы, и оставались лишь бесконечные сомнения и страхи... С каждым шагом Панчи нервничал все больше. Предстояла встреча с тещей, и он хорошо знал, что она не простит ему его преступление, — ведь он выгнал жену, отослал ее в родительский дом. Он взглянул на покрытую снегом вершину Дхаоладхара. Там обитали боги, и среди них — бог богов Шива, и Панчи про себя попросил богов простить ему все его грехи. Потом он посмотрел на зеленые поля, напоенные поздним, но все же благословенным дождем, и с еще большей силой почувствовал все безрассудство и опрометчивость своего поступка. И что за затмение нашло на него в тот день?

Наверное, во всем виновата его тетка Кесаро, это она вбила ему в голову, что он был у Гаури далеко не один и что «эта девчонка родилась под несчастливой звездой». Как он теперь презирал себя за то, что поверил ей! Он вспоминал милое лицо Гаури, и сердце его сжималось от боли. Ведь он мог бы держать ее сейчас в своих объятиях, она была бы с ним рядом...

— Что толку от позднего раскаяния?.. — пробормотал он начало пословицы, обращаясь к самому себе. Нервы его были натянуты, как струны. И пока он шагал через поле к стоявшему на краю деревни дому Лакшми, волнение не покидало его.

Панчи постучал в дверь и замер в ожидании. Никто не откликнулся. Он постучал громче. Опять ни звука. Слышно было только, как Чандари, корова Лакшми, беспокойно задвигалась, вероятно решив, что это пришел Амру, чтобы отвести ее на пастбище. Панчи с силой толкнул дверь. Она распахнулась, и он увидел, что в доме нет ни души.

Панчи растерянно выглянул на улицу. Повсюду возле дома, как и много месяцев назад, валялась грязная штукатурка. Даже открытый водосток, идущий к оврагу, был забит ею. Все, все было по-старому. Но где же Лакшми? И где Гаури? Хоть одна-то из них должна быть дома!

Панчи решил терпеливо ждать. Он вошел в дом, закрыл за собой дверь и уселся на веранде на стул. Корова замычала — так начинает лаять собака, когда в дом забирается вор. Грязный теленок вскочил с земли и испуганно огляделся.

— Сейчас, сейчас я отведу тебя на пастбище, дорогая, — услышал Панчи голос Амру, очевидно по-своему истолковавшего беспокойство коровы.

При мысли, что ему придется до прихода Гаури или Лакшми встретиться с Амру, Панчи побледнел. Гаури часто рассказывала ему об этом жестоком человеке как раз в то время, когда он сам страдал от собственного дяди. Да и на свадьбе он почувствовал в нем порядочного мошенника, хотя Амру

и произвел на него впечатление своим наигранным добродушием и апломбом.

Впрочем, вскоре Амру удалось успокоить корову, и опять наступила тишина. У Панчи отлегло от сердца, угнетало только одиночество. Солнце уже накалило стены дома, и Панчи обливался пóтом. Он огляделся, нашел веер, расстегнул пуговицы на куртке и, тяжело дыша, принялся обмахиваться.

На душе у него было тоскливо, как никогда. Этот пустой дом кого хочешь сведет с ума. Да еще эта проклятая тишина. Но куда же делась Гаури, что-то не чувствуется, что она здесь. Уж не умерла ли она? Его охватило смятение и раскаяние. Неожиданно взгляд его упал на стоявшую во дворе, на самом солнцепеке, кровать. «Почему здесь только одна кровать? — подумал он. — Не могут же мать и дочь спать в такую жару на одной постели?»

Он поднялся и подошел к сараю, чтобы посмотреть, нет ли на его плоской крыше второй кровати. Другой кровати не было. Сбитый с толку и раздосадованный, он стоял посреди двора, опустив руки и не зная, что делать.

Вдруг, совершенно неожиданно для него, дверь отворилась, и вышла Лакшми, его теща. Увидев его, она испуганно вскрикнула, потом, немного придя в себя, почему-то покраснела и спросила:

— Ты откуда взялся?

— Припадаю к твоим стопам, мама, — как полагается по обычаю, приветствовал ее Панчи.

Старуха направилась к кухне, искоса поглядывая в сторону хлева, где мычал теленок.

— Амру как будто уже был здесь и забрал корову? Ты не видал его?

— Да, он был здесь, мама, — вежливо сказал Панчи.

Лакшми села на плетеный стул, открыла глиняный горшок с кислым молоком и стала сбивать масло.

— Садись, сын, в ногах правды нет, — сказала она, видя, что Панчи все еще стоит посреди двора.

Панчи послушно уселся на тот же самый стул, на котором сидел до ее прихода.

Наступила напряженная тишина, нарушаемая лишь плеском молока в кувшине да мычанием теленка. Панчи уже хотел что-то сказать, но Лакшми опередила его:

— Тебе, наверное, очень хочется пить? Сейчас я тебе дам чашку сыворотки.

Панчи утвердительно кивнул, поднял голову и внимательно всмотрелся в Лакшми: что же все-таки есть в этой старухе такого, что заставляет его робеть перед ней? Не найдя в ней ничего особенного — разве только это странно застывшее наглое выражение лица, — он набрался мужества и уже хотел было спросить у нее о том, ради чего пришел. Но не успел он и рта раскрыть, как Лакшми, словно угадав его мысли, быстро заговорила:

— Да, сын, ты и представить себе не можешь переживания матери. Ведь ты должен был, по обычаю, на несколько месяцев прислать Гаури домой, а уж потом бы она вернулась к тебе навсегда. А ты? Ты даже весточки не подал, как вы там живете. Я только слышала, что вы ушли от твоего дяди Молы Рама и поселились у гончара Рафика. Надеюсь, вы хоть не ели вместе с этим мусульманином?..

— Мать, — вдруг резко сказал Панчи, — где Гаури? Ведь я отослал ее к вам!

Лакшми вздрогнула от неожиданности, покраснела и отвела глаза в сторону, хотя и пыталась сохранить на лице прежнее самоуверенное выражение. Панчи понял, что с Гаури случилась какая-то беда.

— Что же ты молчишь? — снова спросил он. — Скажи мне, где она?

Не в силах больше усидеть на месте, он поднялся и подошел к Лакшми.

— Ты ее бил — тебе и знать, что случается с несчастными женами!

— Что-о! — в ярости закричал он. — Это тетка

Кесаро сказала, что она принесет мне несчастье, вот я и ударил ее! Я лишь хотел, чтобы она пожила у вас до лучших времен. Так где же она?

Своим чистосердечным признанием он надеялся припереть старуху к стене. Но из Лакшми не так-то легко было вытрясти правду.

— Надеюсь, она не наложила на себя руки, — уклончиво ответила старуха. — Если муж бьет жену, она уходит от него.

— Но где она?

— Отвяжись от меня! — вдруг окрысилась на него Лакшми. — Сам бил ее, сам выгнал из дому — так чего ж тебе надо?.. Где ей, по-твоему, быть? Разумеется, Амру просватал ее за хорошего человека! Не могли же мы...

— Просватали?! Амру? — В глазах Панчи был ужас.

— Да, сетх сказал, что наденет на нее чаддар.

— Наденет чаддар? Но это же невозможно! Она моя жена!

— А кто выгнал ее?

— Я не собирался...

— Что «не собирался»? Не могли же мы прокормить ее...

На это было нечего возразить.

Ярость душила Панчи, в голове у него помутилось, но он взял себя в руки и, в упор глядя на старуху, крикнул:

— Что ты мне голову морочишь? Где она?

— Не знаю, — пробормотала Лакшми. — Где-то в Хошиарпуре. Амру лучше знает...

— А-а, теперь все понятно... Так знайте: если с Гаури что-нибудь случилось, я убью вас обоих!

— Та-та-та! Иди пугай кого-нибудь еще. Скорее Амру отделает тебя за то, что ты бил ее!

— Ну ладно, — угрожающе сказал он и встал.— Я все узнаю от Амру.

— Ха! Можешь идти и узнавать у кого угодно! Наглец!

В ярости, страхе и крайней растерянности он бе-

жал по тропинке в поле, то замедляя шаг, то вновь припуская во всю мочь при мысли, что Амру может скрыться от него. Увидев мальчика-пастушка, окликнул его. Но мальчишка бросился в реку и поспешил вброд к другому берегу, приняв Панчи за крестьянина, чье поле сегодня утром вытоптал скот.

Встав на берегу реки, Панчи пытался его переубедить:

— Эй, малыш, послушай! Я не хочу тебя обидеть! Скажи мне только, где Амру!

Но мальчик, стоя в воде, продолжал лишь испуганно глядеть на него.

— Скажи мне, где дядя Амру! — продолжал уговаривать его Панчи. — Я ничего не сделаю тебе.

Мальчик, наконец, раскрыл рот:

— Он велел мне присмотреть за коровой и за волом, а сам ушел не знаю куда.

— А где его скотина?

Мальчик показал кнутом куда-то в сторону.

Панчи решил было пойти к водоему, где женщины обычно брали воду, купались и стирали белье, — может быть, кто-нибудь из них знает, где Гаури. Но он лишь весьма емутно помнил ее подружек, а спрашивать первого встречного, где его жена, будет, конечно, очень глупо. Нет, лучше пойти к дяде Адаму Сингху, который их обручил.

Так он и сделал. Осторожно пробравшись по той же улочке, где стоял дом Лакшми, Панчи подошел к дому старого друга своего отца и постучался. Послышалось шлепанье босых ног, и в дверях показалась молодая девушка. Это была Паро. В первый момент она настороженно посмотрела на него, но затем узнала и радостно воскликнула:

— Панчи! Брат! Неужели это ты?

Панчи, как и полагается мужчине, не желающему смущать девичью скромность, опустил глаза.

— Отца нет дома. Но ты все равно входи... Когда ты пришел?

Следуя за ней, Панчи вошел в дом, удивляясь

про себя, что раньше не замечал, какая она хорошенькая. На Паро была простая белая набедренная повязка, волосы заплетены в длинную косу. Она быстро сбегала в кухню и принесла ему циновку, а сама уселась на деревянный стул. По ее юному раскрасневшемуся лицу Панчи видел, что она искренне ему рада.

— Я дам тебе обрата, — сказала Паро, — ведь ты, наверное, всю дорогу шел по жаре.

И она стала наливать обрат в бронзовую чашку.

Панчи не мог оторвать от нее взгляд, с восхищением видя в ней уже не девушку, какой она была всего несколько месяцев назад, а молодую женщину. Когда он брал от нее чашку, их глаза встретились, и Паро поняла, что он любуется ею. Чтобы скрыть смущение, она быстро заговорила:

— Отец скоро вернется. Он пошел в лавку, купить немного масла. Он все стареет и ходит совсем медленно, хотя по-прежнему тратит много масла на свои усы — чтобы они у него блестели...

— Скажи мне, Паро, — спросил он, — где она сейчас?

Паро долго молчала, но, наконец, сказала:

— Ходят слухи, будто они продали ее кому-то в Хошиарпуре.

— Я оторву голову этой старой ведьме! — вскричал Панчи. — И Амру тоже свое получит. Негодяи! Лгуны проклятые! Я ославлю их перед всем светом!..

— Успокойся, брат, не надо ничего делать сгоряча... Сначала остынь, а потом уж пойдешь...

В глубине души она не хотела, чтобы он сейчас же пошел мстить Лакшми и Амру, — ведь тогда станет известно, что Панчи все узнал от нее, от Паро, и те двое обрушат свой гнев на ее отца. Да и сам отец рассердится, что она все разболтала Панчи.

В этот момент во дворе показался Адам Сингх. Он уже не вскидывал голову так гордо, как прежде, бравые усы его обвисли. Войдя в кухню, старик

чутьем хитрого крестьянина понял, о чем шла речь. Ласково тронув Панчи за плечи, он сел на стул.

Воцарилось тягостное молчание. Адам Сингх вздохнул.

— Значит, это правда, дядюшка? Они продали ее в Хошиарпур?

Адам Сингх кивнул.

— В любом деле самое главное, сынок, — это не терять головы, — сказал он.

— Ах, дядя, — с горечью произнес Панчи, — мне ведь терять уж нечего.

— Успокойся, сынок, и послушай меня, старика. Ведь ты для меня словно родной сын. Вот почему я не выдал за тебя Паро — знай это. Твой гнев справедлив — эти люди поступили как сводники. Но ведь если ты убьешь их сейчас, ты навлечешь на себя наказание, которого заслуживают они. А я никогда не простил бы себе, что не удержал тебя.

Панчи, исподлобья уставясь на старика, пытался решить, прав тот или нет. Ему казалось, что Адам Сингх просто выдает благоразумие за трусость, хотя по его виду этого нельзя было сказать.

— Почему вы не сообщили мне об этом? — спросил он.

— Ах, сын мой, да ведь мы сами узнали о случившемся уже после того, как девушку увезли. Как только до нас дошли эти слухи, я сразу дал знать в полицию. Мне казалось, что лучше быстрее вернуть девушку домой, чем расстраивать тебя. Но полиция побаивается Амру и ничего не сделала...

— Я пойду и потребую ответа от самого Амру!

Адам Сингх беспомощно глядел на удаляющегося Панчи, не смея больше удерживать его и в то же время понимая, что если столкнутся две такие горячие головы, как Амру и Панчи, беды не миновать. Но что он мог поделать, чем он мог помочь Панчи? Все-таки, сообразив, что дело может дойти до убийства, Адам Сингх двинулся вслед за Панчи. Паро последовала за ним.

Неподалеку от дома Амру Панчи увидел двух молодцов, сидевших на кровати.

— Амру дома? — спросил он их.

— Иди отсюда, если жизнь дорога, — проворчал один из них. — Убирайся в свою деревню.

У этого парня была жидкая козлиная бородка. Он встал и преградил Панчи дорогу колом, который держал в руках.

— Да кто ты такой? — обозлился Панчи. — А ну, пропусти! — И отвел рукою кол в сторону.

Тогда второй парень, плотный, с пушистыми усами, не говоря ни слова, ударил Панчи по лицу. В тот же момент козлобородый поднял кол и обрушил его на голову Панчи, но промахнулся и лишь слегка оцарапал его лоб.

Не обращая внимания на боль, Панчи кинулся на козлобородого и попытался вырвать у него кол, но усатый схватил его сзади.

— Ничего у вас не выйдет! — кричал Панчи, отбиваясь от них. Но ему приходилось туго.

Адам Сингх не выдержал и бросился вперед, чтобы разнять их.

— Удхо! Мадхо! — закричал он усатому и козлобородому. — А ну перестаньте!

Женщины и дети, привлеченные шумом, высыпали из домов. Но это смутило Удхо так же мало, как и мудрый совет старого Адама Сингха. Оторвав Панчи от козлобородого, он поднял его высоко в воздух и швырнул на развалины дома.

— Опомнитесь! — снова закричал Адам Сингх, обращаясь на этот раз к козлобородому Мадхо. — Кончится тем, что вас повесят за убийство!

Мадхо в ответ так выругался, что Адам Сингх утратил все свое благоразумие. С налитыми кровью глазами он бросился на негодяя и закатил ему звонкую затрещину.

Мадхо схватил Адама Сингха, повалил на землю, уселся на него верхом и обрушил на его ребра град ударов. Но Адам Сингх вывернулся, всей

своей тяжестью прижал Мадхо к стене и начал дубасить с неистовством гордого раджпута *.

Увидев, что отец ввязался в драку, Паро бросилась к нему, крича сквозь слезы:

— Отец, отец, уйдем отсюда!

В этот момент Панчи, ловко подставив Удхо ножку, ухитрился свалить его на землю и схватить за горло. Неизвестно, чем кончилось бы дело, если бы в дверях своего дома не показался Амру с кальяном в руках. Увидев своих дружков в беде, он закричал:

— В чем дело? Из-за чего драка?

Панчи вскочил на ноги и вызывающе крикнул:

— Отдавай мне мою жену, которую ты продал, а не то я тебя прикончу! Клянусь богом!

— Придержи язык, выродок! — рявкнул Амру, бросил кальян и двинулся к Панчи. При всей своей подлости трусом он не был.

Но не успел Амру схватиться с Панчи, как Удхо, горя желанием отомстить за испытанное унижение, подкрался сзади и изо всех сил ударил Панчи колом по голове. Из раны хлынула кровь, Панчи зашатался и упал на землю.

Адам Сингх, оставив Мадхо, бросился к Панчи. Паро кинулась к женщинам за водой.

Выполнив работу, за которую им было заплачено, Удхо и Мадхо дали тягу.

— Запомни! — закричал Амру. — Такой прием ждет здесь всякого, кто выгоняет свою жену из дому, а потом еще приходит сюда обзывать нас!

Он поднял свой кальян и попытался раскурить его.

— Но ведь он муж твоей племянницы! — заметила одна из женщин, наблюдавших драку.

— Господи, да они небось убили его! — запричитала другая.

— Нет, нет! Не может этого быть! — раздался голос Лакшми.

---

* Раджпуты — каста воинов в Индии.

Она бросилась к Панчи, неподвижно лежавшему на земле, и зарыдала. Казалось, она была не на шутку испугана. Лакшми знала, что Амру хотел дать Панчи от ворот поворот, но не думала, что он подстроит такое зверское избиение.

— Скажи мне, Адам Сингх, он будет жить? — спросила она.

— Будет... Он только сознание потерял... — начал Адам Сингх и не мог продолжать дальше от волнения.

Паро принесла стакан воды. Лакшми взяла его у нее из рук и поднесла ко рту Панчи. Он открыл глаза.

— Пей, сынок, пей! — обрадованно сказала Лакшми.

— Отдайте мне мою жену, — беззвучно прошептал Панчи, отстраняя рукой стакан. Видно было, что он хотел крикнуть, но у него просто не хватило на это сил.

— Не надо волноваться, сынок, — сказал Адам Сингх.

— Дайте я сама напою его, — проговорила Паро и взяла стакан из рук Лакшми.

Панчи пил воду, стараясь не глядеть на Паро, — ему было стыдно, что его побили.

— Позовите полицию, дядя, — сказал он Адаму Сингху. Чувствовал он себя очень скверно. При виде крови, которая продолжала течь из раны на его голове, Лакшми снова запричитала, колотя себя кулаками в грудь.

— Потерпи, сынок, — сказал Адам Сингх. — Выпей еще воды...

— Ишь ты, заголосила! Жалостливая какая! — сказал Панчи, глядя на Лакшми. — А сама продала мою жену... Я убью ее, если вы не уберете ее отсюда! Пусть я кончу свою жизнь на виселице, но я убью их обоих — и старуху и эту грязную свинью Амру! Помогите мне встать!..

Но на это у него не хватило сил. Какая-то женщина вновь поднесла стакан с водой к его губам.

Тем временем кто-то уже успел сбегать в полицейский участок, и на месте происшествия показался младший инспектор Ганда Сингх.

— Идите! Идите отсюда! — сердито закричал Ганда Сингх. — Немедленно расходитесь по домам!

Толпа быстро рассеялась. Инспектор поглядел на Панчи, бесчувственно лежавшего на земле.

— Поднимите его и отнесите в участок! — приказал он подчиненным.

— Бедный мой зять! — заголосила Лакшми. — Ему так досталось в драке!

— Ничего, ничего, мы быстро во всем разберемся, — успокоил ее Ганда Сингх.

— Его избили Удхо и Мадхо, — поспешил сообщить Адам Сингх.

— Ты расскажешь обо всем в полицейском участке, — сказал Ганда Сингх.

— Эй, Лакшми! — вдруг крикнул Амру. — Не вздумай таскаться в участок! Нас это дело совершенно не касается.

Лакшми в нерешительности остановилась.

— Она должна явиться в полицию как свидетельница, — сказал инспектор. — И ты, Амру, тоже. А не придешь подобру, прикажу привести тебя в наручниках.

— Занимайся тем, чем тебе положено! — нагло ухмыльнулся Амру. — А когда принесешь наручники, не забудь захватить ордер на арест.

Инспектор в ярости отвернулся — формально Амру был прав.

— Иди домой, Паро, — сказал дочери Адам Сингх. — Амру теперь способен на все.

Пока шли в участок, Лакшми не переставала плакаться инспектору на свою несчастную судьбу, ломала руки и умоляла замять дело. Она умолкла лишь около базара, где люди с любопытством глядели на необычную процессию, а затем снова принялась молить его о прощении.

Дойдя до полицейского участка, Ганда Сингх

приказал сделать Панчи перевязку и послать за доктором.

— Ах, господи, — продолжала скулить Лакшми, — пусть он поскорее придет в себя.

— Помолчи, старуха! — прикрикнул на нее инспектор. — Мне надо записать показания свидетелей.

Адам Сингх иронически усмехнулся.

— Уверен, что этих негодяев Удхо и Мадхо не поймают, и тот, кто подстроил это дело, выйдет сухим из воды. Что проку записывать показания? Лучше приказать старухе забрать девушку у того, кому она продана, и вернуть Панчи.

— Неужели она действительно продала родную дочь? — недоверчиво спросил Ганда Сингх.

— Пусть она сама расскажет об этом.

— Ах ты, старая дрянь! — загремел Ганда Сингх. — Ну-ка, расскажи нам, как было дело, а не то я упрячу тебя за решетку!

— Пожалейте меня! — завопила Лакшми. — Я сама не знаю, какой бес толкнул меня на это! Лучше бы я померла!

— Говори прямо, — заревел инспектор. — Продала ты ее или нет?

— Да, да, я продала ее брату Джавалы Прасада, и пусть боги проклянут меня за это!

— Теперь уж поздно раскаиваться, — горько заметил Адам Сингх.

— Что же мне теперь делать? — причитала Лакшми. — Научите меня!

Наступило долгое молчание. Полицейский инспектор взвешивал про себя, чью сторону принять. С одной стороны, был Панчи с его законной жалобой и показания многочисленных свидетелей. С другой — Амру и замешанные в это дело богачи...

Адам Сингх, угадав его мысли, сказал:

— Конечно, против ростовщиков трудно что-либо предпринять, ведь у них деньги.

— Не в этом дело, — солгал Ганда Сингх. — Но этих мерзавцев — Удхо и Мадхо — придется

теперь разыскивать долгие месяцы. А если подать на старуху в суд, то раньше чем через год дело не решится, особенно если у нее богатые покровители. По-моему, для всех будет лучше, если эта женщина пойдет и сама приведет свою дочь обратно.

Хотя Адаму Сингху внутренне трудно было согласиться с инспектором, он все же понимал, что так дело, пожалуй, разрешится быстрее. Он только лишний раз подивился тому лицемерию, которое царит в полиции, — люди постоянно ссылаются на священные книги, а сами поступают вопреки им. Но как бы он ни жаждал справедливости, особенно после того как люди Амру зверски избили Панчи, он все же не хотел давать ходу этому грязному делу и считал, что для Лакшми уже теперешнее ее унижение было немалым наказанием... Может, даже Амру теперь раскаивается в своих грехах. Ведь согласно заветам индуизма «даже и у вора есть совесть».

— Ну ладно, — сказал Ганда Сингх, обращаясь к Лакшми, — если ты поклянешься, что приведешь дочь обратно и вернешь ее мужу, я не стану передавать твое дело в суд. Но помни: если ты этого не сделаешь, я схвачу тебя за твои грязные патлы и сам притащу в тюрьму!

— Сделаю, сделаю, господин, — поспешила заверить его Лакшми. — Сделаю, клянусь честью.

— Э, какая уж у тебя честь! — сказал Адам Сингх.

Было раннее утро, когда Адам Сингх и Лакшми отыскали в Хошиарпуре лавку ростовщика Джайрама Даса. Ночной сторож зажигал благовония перед медной статуей богини изобилия, стоявшей возле прилавка.

— Ну, чего явились в такую рань? — грубо сказал он. — Лавка еще закрыта.

Лицом он напоминал горца, и пришельцы подивились тому, как мог этот человек стать сторожевым псом ростовщика.

Они устало опустились на доски, лежавшие возле застекленной витрины. Снова взглянув на сторожа, Адам Сингх втайне позавидовал самоуверенности, написанной на его гладком, сытом лице. «Сперва, наверное, крестьянствовал, потом в армии служил, а теперь вон как пристроился», — подумал он.

— Когда же выйдет сетх-джи? — спросила Лакшми.

— Как поест, так и выйдет. Но вам придется долго ждать. Я еще должен совершить омовение, а потом принести ему завтрак из харчевни...

— Откуда? Из харчевни? — тревожно переспросила Лакшми. — А разве жена не готовит ему?

— У него нет жены, — отрезал сторож.

— А моя дочь, Гаури? Ведь я выдала ее за сетха только месяц назад!

От неожиданности сторож выронил курительную палочку да так и застыл с открытым ртом.

— Почему ты молчишь? Говори, мошенник, что случилось! Не выгнал же он ее! Или выгнал?

Сторож опустил голову, как бы давая этим понять, что ему не хочется разглашать неприятную тайну.

— Отвечай же! — не выдержал Адам Сингх.

— Я не знаю. Я не вмешиваюсь в дела сетхаджи, — сказал сторож и снова принялся зажигать благовонные палочки.

— Но ведь ты сказал, что приносишь ему еду из харчевни, — не успокаивалась Лакшми. — Ты приносишь одну порцию или две?

Сторож не ответил, но на лице его отразилось смущение.

— О горе! — закричала Лакшми. — Что случилось с моей дочерью? Уж не умерла ли она?

Как ни боялась Лакшми этого слова, ей все же пришлось произнести его.

— Не поднимайте шума! Еще так рано... — пытаясь придать твердость голосу, сказал сторож.

Но Лакшми не успокаивалась:

— Иди и позови своего хозяина, дармоед! Или ты хочешь уморить меня? Иди!

В голосе ее звучал такой гнев, что сторож не выдержал и направился к лестнице. Лакшми глядела на него глазами, полными слез. На минуту он остановился, окинул взглядом лавку — не могут ли эти люди что-нибудь стащить? — и стал подниматься вверх по ступенькам, в квартиру хозяина.

Через несколько минут сторож спустился и боязливо проговорил:

— Сетх-джи совершает молитву, я не могу тревожить его.

— Ах ты, дармоед! — закричала Лакшми. — Пусть воры растащат его добро! Я умираю от горя, а он там молитвы читает! А ну пойдем к нему, и пусть только он попробует не отдать мне дочь!

Она кинулась к лестнице, но сторож загородил ей дорогу. В бешенстве она ударила его по рукам своими тяжелыми серебряными запястьями и зашипела:

— Мучители! Чтоб вы все подохли! Как он может запретить мне видеться с дочерью!

Но сторож не поддавался, и она вцепилась ногтями в его лицо.

— Я сожру тебя живьем, если ты не пустишь меня к дочери! Ратуйте, люди добрые!

Владельцы соседних лавок, привлеченные шумом, уже выглядывали из дверей. Джайрам Дас не выдержал, он прервал молитву и вышел на лестницу, заняв безопасную позицию за спиной сторожа.

— Добрая женщина, — спросил он, — чего ты хочешь?

— Я не добрая женщина, — выпалила Лакшми. — Я отдала тебе свою дочь и теперь хочу взять ее обратно!

Лицо ростовщика помрачнело.

— Пусти меня наверх, — продолжала Лакшми. — Я хочу забрать свою дочь. Не то полиция арестует всех нас: и тебя, и меня, и Амру.

При упоминании о полиции на лице ростовщика мелькнул испуг.

— Сетх Джайрам Дас, — сказал Адам Сингх, — отдай нам девушку, и мы спокойно уйдем к себе в Пиплан... Мы не хотим скандала.

— Но, люди добрые, — забормотал ростовщик, — девушки здесь нет. Она убежала... Она болела... Она ушла в лечебницу к доктору, который лечил ее.

— Где же она теперь? — воскликнула Лакшми. — Раз уж ты купил ее, то мог бы присмотреть за ней.

— Так-то оно так, только девушка не стала слушаться меня. Я только зря выкинул свои деньги... И мое имя треплют по всему городу... Вам, людям незнатным, не понять, что это для меня означает!..

— Если ты не скажешь, где моя Гаури, тебе придется еще хуже! — пригрозила Лакшми.

— Сестра, я же говорю тебе, что сам не знаю, где она. Когда я хотел забрать ее из лечебницы, она отказалась вернуться ко мне, хоть я и заплатил доктору за ее лечение. Я слышал, она работает там сиделкой. Твоя дочь такая же... — Он запнулся, боясь снова вызвать гнев Лакшми.

— Почему ты не написал нам обо всем этом, прокаженный?! — в ярости закричала Лакшми. — О моя дочь! Меня посадят в тюрьму, если я не вызволю ее!

— А сетха-джи посадят в тюрьму за то, что он купил ее, — заметил Адам Сингх.

— Этот бесчестный ростовщик может откупиться, а я, бедная женщина...

— Не такая уж бедная, — прервал ее Джайрам Дас, — слава богу, я немало заплатил тебе...

— Ах ты, дрянь! В шестьдесят лет купил себе молодую девушку и еще толкует о деньгах! Такой греховодник, а все утро молитвы читает. А ну, спускайся вниз и веди меня в лечебницу!

— Мне нет дела ни до тебя, ни до твоей дочери! — рассердился ростовщик. — Проваливай отсюда! Иди сама к доктору Махендре и разыскивай ее. Боюсь я твоей полиции, старая шлюха!

— Ах, вот как! — Лакшми резко оттолкнула сторожа и влепила ростовщику пощечину. — Негодяй! Сначала уморил свою первую жену, а теперь довел до болезни мою Гаури! Ну, погоди у меня!..

Она так бесновалась, что Адам Сингх встревожился: на шум может явиться полиция, и кто знает, чем тогда кончится дело. Он схватил Лакшми за руку.

— Идем, идем отсюда. Мы сами найдем эту лечебницу. Может, это все к лучшему, и Гаури давно уже здорова.

И он потащил Лакшми прочь, несмотря на то, что она, упираясь, продолжала на всю улицу поносить ростовщика.

В таких маленьких городках, как Хошиарпур, все слишком хорошо знают друг друга, поэтому Лакшми и Адам Сингх без особого труда отыскали лечебницу доктора Махендры. Однако вышедший им навстречу слуга сказал:

— Махендра-сахиб больше здесь не лечит, Батра-сахиб уехал в Амритсар, а Гаури тоже уехала после того, как разрушила всю лечебницу.

Лакшми так и набросилась на него:

— Как же это Гаури разрушила вашу лечебницу? Молотком, что ли?

— Она красивая девушка, — лаконично ответил слуга.

— И вы все лезли к ней?

Слуга смущенно опустил голову, но Лакшми не успокаивалась.

— Ах вы, лицемеры! Сначала вы без стыда хватаете женщину, а потом делаете вид, что она совратила вас!

— Я тут ни при чем, — защищался слуга. — Это все доктор Батра... Он поссорился с женой... А потом...

— Я не спрашиваю, кто хотел соблазнить Гаури — ты или твой доктор Батра! Все вы одинаковы

и всегда валите вину на женщину! Я хочу знать, куда делась моя дочь!

— Подожди, Лакшми, — прервал ее Адам Сингх и повернулся к слуге. — Куда она ушла отсюда?

— В дом к Махендре-сахибу.

— Тогда мы пойдем к нему.

— Так-то оно так, только в последние дни он никого не принимает, — сказал слуга. — Ему не везет. Его враги распустили слух, что он живет с вашей дочерью...

— А он действительно живет с ней?

— Нет, он хороший человек.

— Ой ли? — усомнилась Лакшми.

— Он действительно очень хороший человек, потому они все и ополчились на него. Но они ничего не смогли доказать, и тогда они пошли на подлость. Доктора Махендру как-то вызвали в большую больницу посмотреть одну больную, дочь богатого человека. У доктора в этот день было много больных, и он приехал слишком поздно — девушка умерла. Вот теперь они и говорят, что он убил ее.

— Эти сыновья шайтана способны на все, — решительно высказалась Лакшми. — Но, судя по тому, что ты говоришь, твой доктор может нам помочь.

— Он удивительный человек, далекий от мирской суеты, — сказал слуга.

— Скажи нам, как найти доктора Махендру, — попросил Адам Сингх. — Если он из тех, кто почитает бога, он поможет нам найти Гаури...

— Да, да, — подхватила Лакшми с иронической улыбкой, — покажи нам путь к тому храму, где обитает твой великий бог.

Слуга вышел на дорогу и показал на маленький кирпичный домик, видневшийся за базаром.

— Вот на этой пустоши он собирается строить свою собственную больницу. Вон там, где палатки.

Они подошли к домику, и Адам Сингх постучал в дверь. Им открыл Дхани Рам, повар доктора Махендры.

— Мне сказали, что моя дочь у вас, — обратилась к нему Лакшми.

Приняв их за обычных посетителей, пришедших навестить кого-нибудь из больных, Дхани Рам спросил:

— Ваша дочь больна?

— Нет, моя дочь не больна, но нам сказали, что она здесь.

Сообразительный Дхани Рам понял, что перед ним мать Гаури.

— Сахиб вряд ли сможет принять вас до полудня, он осматривает больных в хирургической палатке. — Дхани Рам указал на большую брезентовую палатку, рядом с которой каменщики сикхи возводили стены новой больницы. — Идите и ждите там.

После того как больные, ожидавшие в тени на деревянных скамьях, были приняты доктором, Лакшми и Адам Сингх смогли, наконец, зайти в палатку. От тревожного ожидания и изнуряющей жары Лакшми так ослабла, что едва держалась на ногах. И когда она неожиданно увидела Гаури, которая провожала к дверям молодую пациентку, Лакшми застыла на месте с широко раскрытыми глазами, испустила стон и упала в обморок.

Доктор Махендра вместе с Гаури и слугой подняли ее и положили на стол для осмотра пациентов. Слуга принялся энергично обмахивать ее веером, а доктор дал ей холодной воды.

— Нервная натура! — сказал он Адаму Сингху. — А тут еще потрясение от встречи с дочерью!

— Это с ней случилось от стыда, сахиб доктор, — ответил Адам Сингх.

— Я думаю, она чувствует себя не столько пристыженной, сколько виноватой, — сказал Махендра.

— Да, да, сахиб доктор, это я и хотел сказать, — охотно согласился Адам Сингх.

Лакшми открыла глаза. Доктор подошел к ней, пощупал пульс и сказал:

— Сильное переутомление. И больное сердце...

Лакшми с благодарностью взглянула на него, спустилась с хирургического стола и с раскрытыми объятиями направилась к дочери. Но Гаури, сама не понимая, что с ней происходит, вдруг отпрянула назад с побледневшим лицом. Тогда Лакшми, опустив голову, присела рядом с Адамом Сингхом у ног Махендры.

Воцарилась долгая тишина. Адаму Сингху каждое мгновение казалось вечностью. Наконец, преодолев смущение, которое он чувствовал в присутствии доктора, старый крестьянин сказал:

— Сахиб доктор, прости эту старую женщину и отпусти с ней ее дочь...

— Мне не за что ее прощать, — резко сказал Махендра.

— Я ошибся, сахиб доктор, прости меня... — поспешил поправиться Адам Сингх.

— Опять? — перебил его Махендра. — Непонятно, при чем тут прощение!

— Сахиб доктор, я хотел сказать...

— Я знаю, что ты хотел сказать. Я вовсе не собирался пугать ни тебя, ни эту старую женщину. Я говорю то, что думаю. Ваша дочь пришла к нам изнуренная лихорадкой. В ее глазах можно было прочесть боль тайного горя. С тех пор многое произошло с ней и со всеми нами... Теперь к ней возвращается жизнь. Она избавилась от своих страхов. Гаури любит свою работу и полностью отдается ей.

Адам Сингх смотрел на доктора с открытым ртом, очень мало понимая из того, что он говорит. Доктор Махендра почувствовал это и попытался выражаться попроще.

— У жителей гор есть поговорка: «Смотри на солнце утром и на звезды ночью, а в промежутке

работай, веселись, ешь, спи, люби и не бойся бога». А что мы делаем вместо этого? Без конца копим золото и серебро, стараемся накупить как можно больше скота и даже продаем своих дочерей!..

— Но, господин, — вдруг осмелела Лакшми, — какое у бедняка лекарство против бедности?

— Я не осуждаю тебя, старая женщина. Я только хочу сказать, что ростовщики, которые все покупают и продают, принесли в деревню ложь. В результате ваш Амру становится мошенником, а ты продаешь свою дочь. А разве мало женщин не могут вскормить своих младенцев только потому, что им нечего есть и у них пропадает молоко?..

— Я поступила нехорошо, сахиб-доктор, — сказала Лакшми, пряча лицо под покрывалом. — Но ведь иначе наш ростовщик забрал бы мою корову.

— Да я о другом говорю! — воскликнул Махендра. — Я не осуждаю тебя. Я осуждаю вашу веру. Ведь что получается? Ростовщик считает тебя грешницей, если ты не заплатишь ему процентов с долга. И рядом с этим лицемером всегда негодяй брахман. В нашей деревне, в Гургаоне, «чистые» индусы прогнали всех «неприкасаемых»! Вот до чего они дошли.

Адам Сингх попытался возразить:

— Сахиб доктор, вы, конечно, можете все это говорить, но как нам решиться на такое...

Но Махендра не слушал его.

— Наша вера, — продолжал он, — способствует обогащению брахманов и ростовщиков. Вы, простые люди, слишком часто склоняетесь в приветствии перед теми, кто лишь стремится к наживе.

— Да, сахиб доктор, — сказал Адам Сингх, — все это правда, и вы — святой человек. В старину мудрецы говорили: «Один святой приходится на миллион грешников». Так было, так будет.

— Так не должно быть, — возразил Махендра. — Мы теперь обладаем большими познаниями. Мы можем заставить растения расти быстрее, можем подчинить себе солнечный свет! Подобно богам, мы научились управлять силами вселенной. Только надо избавиться от слабости, трусости, ограниченности. Мы должны преобразовать всю нашу страну, каждый ее уголок. И нам надо научиться предвидеть будущее... Сейчас мне приходится принимать больных здесь, в этой палатке, потому что узколобые люди, думающие лишь о своей собственности, привилегиях и религии, уничтожили лечебницу, где я работал. Но им не удалось добиться своего. Пациенты по-прежнему идут ко мне. И, возможно, все это только к лучшему. Я теперь построю такую больницу, о которой давно мечтал. В ней будет место не только для больных, но и для их родственников, которые будут приезжать и подбодрять больных.

Он помолчал с минуту и задумчиво продолжал:

— Нам надо покончить с бедностью, научиться бороться со смертью. Мир уже умирал несколько раз из-за того, что люди не желали думать об угрожавшей им опасности. Надо разумно использовать созданные нами машины. Народ наш, который так долго угнетали чужеземцы, сейчас свободен, и мы должны посвятить себя служению родине и человечеству. Надо бороться, чтобы построить новую жизнь, и работать, работать так, чтобы у каждого было что есть. И эту новую жизнь мы должны построить здесь, на этой земле, а не на небесах!..

— Сахиб доктор, я плохо понимаю все это, — сказала Лакшми.

— Я хочу, чтобы вы могли прямо смотреть в глаза людям, когда вернетесь в свою деревню. Конечно, вы не должны были продавать вашу дочь за деньги... Но ведь вы сделали это лишь из-за бедности. Любовь к деньгам пересилила в вас любовь к дочери.

— Так я могу забрать ее с собой? — спросила Лакшми.

— Если возвратите ее мужу.

— Для этого мы и пришли сюда, ваше сиятельство, — сказал Адам Сингх.

— Не ваше сиятельство, а просто доктор!

— Будь благословен, исцеляющий сердца и тела, — проговорил с поклоном Адам Сингх. — Пусть боги вознаградят тебя за твою доброту.

— Не знаю, умею ли я чинить разбитые сердца. Тела — возможно, — тихо сказал Махендра.

— Я никогда не забуду ваших слов, — сказал Адам Сингх. — Вы должны приехать к нам и разбудить мертвые сердца, доктор-джи.

— А вы не боитесь, что вашим односельчанам я покажусь безнравственным безбожником? — иронически улыбнулся Махендра. — Не думайте, что они так легко откажутся от преклонения перед новым богом — деньгами. Они изменятся лишь со временем, когда великий переворот потрясет их жизнь и обновит землю. Ведь мы сейчас на верном пути. Только помните, что вы, народ, должны держать ухо востро, не поддаваться заблуждениям и не бросать таких девушек, как Гаури, на съедение волкам...

Лакшми заплакала.

— Ну, вот уж и слезы, — сказал Махендра и закурил сигарету, чтобы скрыть смущение. — Ладно, поплачьте хорошенько, чтобы потом почаще улыбаться.

— Ах, сахиб доктор, если мне удастся возвратить дочь ее мужу, я умру счастливой.

Махендра позвал Гаури и мягко подтолкнул ее к матери.

— Забирайте ее, — сказал он, улыбнувшись, — а то я, чего доброго, и сам женюсь на ней.

— Так мы взаправду можем забрать ее? — переспросила Лакшми, не веря своему счастью.

— Ну, конечно. Пусть она только уложит свои вещи да получит заработную плату. А теперь подо-

ждите на улице, пока она поможет мне принять остальных больных.

Лакшми упала Махендре в ноги, но Гаури подняла ее и проводила до дверей. Адам Сингх следовал за ними, сложив руки в знак смиренной благодарности. Разве можно было сразу излечить этих людей от укоренившегося раболепства?

Махендра пригасил наполовину выкуренную сигарету в черепе, служившем ему пепельницей, и позвонил в колокольчик, вызывая слугу.

Лакшми, Адам Сингх и Гаури прибыли в Малый Пиплан после захода солнца, когда далекая вершина Дхаоладхара еще тлела в темноте, словно после долгого пожара, в пламени которого сгорело убежище богов. Они сразу прошли к сараю, где лежал выздоравливающий Панчи. Хур Бану, растиравшая его, была до того поражена, что так и застыла с поднятыми руками. Но дядюшка Рафик, куривший кальян в ногах у Панчи, встал и вежливо приветствовал гостей. Панчи, не веря своим глазам, глядел на пришельцев, не находя слов от изумления.

— Сын мой! — воскликнула Лакшми, бросаясь к Панчи.

Покоробленный этой показной нежностью, Адам Сингх отвернулся и принялся вытирать платком пот с шеи. Одна Гаури спокойно подошла и села в ногах у Панчи, прикрыв глаза краем сари.

— Так вы все-таки привели ее обратно, — сказал Панчи.

Бледный и измученный, он, казалось, прошел через смерть.

— Сынок, ты видишь, она жива и здорова, — сказала Лакшми, стараясь успокоить его. — Большой доктор, у которого она работала сиделкой, был очень добр. Как мне рассказать о его доброте?.. Он так умно говорил...

— Да, сынок, — добавил Адам Сингх, чтобы отвлечь Панчи от мыслей об обидах, нанесенных ему Лакшми и Амру. — Доктор Махендра хороший человек. Он выучил Гаури на санитарку, и она скоро выходит тебя. Уверен, что он научил ее и уму-разуму и теперь она будет тебе лучшей женой.

— Ты религиозный человек, дядя, — с насмешкой сказал Панчи, — и тебе все представляется в розовом свете. А я пережил сотню смертей.

Адам Сингх понимал, что парень прав. Он подошел и погладил Панчи по голове, а затем стал рассказывать о том, как доктор Махендра забрал Гаури из дома ростовщика Джайрама Даса, потому что ее двое суток трепала лихорадка, как ростовщик рассердился и как доктор рисковал своим добрым именем, предоставив ей убежище в лечебнице.

— Но теперь все будет хорошо... — заключил он.

— Садись, брат, — сказала Хур Бану, предлагая Адаму Сингху толстый, ручной работы тюфяк.

— Вы, должно быть, устали с дороги, — сказал дядюшка Рафик. — Пойду попрошу кондитера Дулу принести вам чаю.

Горшечник знал, что индуска Лакшми не станет есть пищу, приготовленную в его доме.

— Не надо, не надо, — заторопилась Лакшми. — Мы сейчас пойдем.

Она чувствовала, что Панчи по-прежнему враждебно относится к ней, и считала, что лучше всего сейчас будет уйти.

— Да, да, мы пойдем, — подтвердил Адам Сингх.

— Подождите, я приготовлю чай, — вставила Гаури, поднимаясь с места и направляясь к очагу.

— Я помогу тебе разжечь огонь, — сказала Хур Бану.

Но Лакшми была непреклонна.

Увидев хмурое лицо Панчи, она затараторила, словно оправдываясь:

— Я сделала все, что могла. Я совершила грех, но я его искупила — привела девочку обратно. Она такая хорошенькая, все на нее обращают внимание... Молодой доктор в лечебнице чуть было не забрал ее. Но большой доктор спас ее, хотя из-за этого в лечебнице все пошло прахом. И вот она здесь... Так что мы пойдем.

— Уже темнеет, а вам идти не меньше двух миль, — сказал дядюшка Рафик.

— Ничего, скоро взойдет луна, — ответила Лакшми. — И мы с удовольствием пройдемся по прохладе.

— Может, нам даже удастся достать повозку, — добавил Адам Сингх. — Лучше всего спать в своей постели, какое бы долгое путешествие ни пришлось для этого предпринять.

Панчи продолжал молчать. Он глядел прямо перед собой, словно не желая видеть старуху и Адама Сингха. Лицо его покрылось румянцем волнения, вызванного возвращением Гаури, и ему не хотелось чем-либо выдавать свое внутреннее удовлетворение. Он заметил, что жена причесана по-городскому, с модными завитушками на висках.

Дядюшка Рафик и Хур Бану поняли его молчание и больше не пытались удержать гостей.

Гаури также вернулась, едва взглянув на запущенный очаг. Она подошла к Адаму Сингху, припала к его ногам, а затем поклонилась матери. После этого Лакшми и Адам Сингх уже не сомневались в том, что им следует уйти.

На несколько мгновений воцарилась полнейшая, почти осязаемая тишина.

Тогда Адам Сингх, чувствуя, что все присутствующие думают только о нанесенной Панчи обиде, попытался перед уходом смягчить обстановку.

— После того, как я встретился с доктором Махендрой, — сказал он, — я понял, что в нас, крестьянах, слишком много страха. Мы всегда проявляем излишнюю покорность. И еще мы совсем забыли о нашем достоинстве. Все люди без исключения действуют по указанию бога. И для каждого из нас возможны лишь два пути: путь страданий и путь бескорыстной работы на благо других.

— Но, видно, он забыл сказать тебе, — произнес Панчи, порывисто приподнявшись, — что все мы барахтаемся в водовороте забот, голода, засухи, ненависти, долгов и нищеты. Разве нас не перемалывают, как семечки под жерновами маслобойки? Разве мы не занимаемся только тем, что ведем бесконечные тяжбы, подозреваем в чем-то друг друга, распускаем сплетни и грабим один другого? Боги умерли, а мы все — живые мертвецы в этом угасающем мире...

— Видишь ли, сынок, — ответил Адам Сингх, — этот доктор понимает, что всей стране грозит смертельная опасность, но на то он и доктор, чтобы излечить болезнь и вдохнуть жизнь в больной мир.

— Если боги мертвы, то кто это сделает? — возразил Панчи.

— У доктора Махендры великие мысли... Он ученый человек и любит бедняков. Он считает, что все наши беды исчезнут, если мы станем помогать друг другу. Тогда только мы сможем достичь идеального правления, о котором говорил Ганди.

— Да, конечно, когда мы уже умрем и попадем в ад! — с горечью воскликнул Панчи.

— О, что ты говоришь! — суеверно закричала Лакшми. — Мы не слышали твоих слов!

— Все они хотят выращивать хлеб на газетных листах и орошать землю своими разговорами или своей слюной!

— Нет, сынок, — ответил Адам Сингх. — Жизнь всего лишь пылинка в мире, созданном Брахмой *, в ней есть и добро и зло. Всем нам нужно постоянно трудиться, бороться со злом и помогать друг другу. Индия достаточно велика, и если в ней есть такие большие люди, как Махендра, и такие молодцы, как ты, — над нашей землей всегда будет светить солнце... Человек изменит времена года. Электрические насосы станут качать воду из колодцев, и никогда не будет засухи. И здоровье придет к людям.

— Сначала нужно, чтобы в этом мире было хоть немного справедливости, — с горечью сказал Панчи. — В деревне такое разорение, а ты говоришь об электричестве, здоровье.

— Терпение, сынок, терпение, — сказал Адам Сингх, — на все надо время. — Он повернулся к старухе: — Пошли, Лакшми, пошли...

Лакшми обняла дочь и сделала вид, что ее душат слезы.

— Иди, иди, старая лицемерка! — сказал Панчи, отворачиваясь.

Гаури тихонько оттолкнула мать, боясь рассердить мужа.

Когда Адам Сингх и Лакшми ушли, Гаури разожгла огонь в очаге и поставила греться молоко, которое принес дядюшка Рафик.

Когда молоко согрелось, Гаури вылила его в стакан, обернула стакан тряпкой и понесла его Панчи. Дядюшка Рафик вошел вслед за нею и, остановившись у порога, многозначительно кашлянул, оповещая о своем присутствии.

---

* Брахма — верховное божество индуистского пантеона.

— Как ты себя чувствуешь, Панчи? — спросил он.

— Заходите, дядюшка Рафик, — позвала его Гаури.

— Вам бы лучше выбраться отсюда, из этой духоты, и спать во дворе, — сказал горшечник, — а мы с Хур Бану поднимемся на крышу... И мне бы хотелось, чтобы вы оба хоть немного поели. Хур Бану оставила вам еду в кухне, может, вы еще надумаете...

— Ничего, дядюшка Рафик, не беспокойтесь, — сказала Гаури, ставя стакан с молоком на низкий табурет в изголовье постели.

Горшечник был слишком застенчив, чтобы настаивать.

— Ну ладно, бог с вами, — сказал он и вышел во двор, повторив: — Во дворе никого нет, я там постелил для вас две постели.

— Хорошо, дядюшка Рафик, — нетерпеливо прошептал Панчи. Глубоко вздохнув, он взглянул на Гаури. Сердце его бешено билось.

Гаури стояла, ожидая, когда затихнут шаги Рафика. Затем она склонилась над Панчи, села на край кровати и, обняв мужа, положила голову ему на грудь.

Панчи, покоренный ее нежностью, притянул Гаури к себе.

— Я познал тьму, — прошептал он. — Теперь ты пришла и вновь зажгла меня...

На следующее утро Гаури принялась прибираться в доме. Как все женщины индуски, они считала, что хотя бы однодневное отсутствие женщины означает осквернение всей кухонной утвари и священных пределов кухни. Поэтому в доме ничего нельзя делать, пока вся кухонная утварь не будет вычищена золой до блеска.

Она принялась за работу с самого рассвета, и к тому времени, когда Панчи проснулся,

уже приготовила ему стакан горячего чаю с молоком.

Он осматривал расставленную на полках начищенную посуду, ощущал резкий запах замазанного свежим коровьим пометом земляного пола. Владыка и хозяин, он обозревал свои владения с небрежной невнимательностью мужа-индуса, убежденного, что обязанностью женщины является ведение домашнего хозяйства, точно так же как его обязанность — пахать, сеять и снимать урожай. Гаури закончила работу по дому задолго до того, как другие женщины принялись за нее, и, одетая в белое сари, сидела на краю его кровати, погружая полотенце в горячую воду.

— Я вижу, ты в Хошиарпуре не привыкла сидеть без дела, — пошутил он.

— Сейчас я сделаю тебе обтирание, — сказала она решительно. — Так что наберись спокойствия и терпения. Придется приучать тебя к порядку.

— Конечно, курочка моя! Ишь, как раскудахталась. Видно, придется тебе пообрезать язычок!

— Ну ладно, дай мне привести тебя в человеческий вид.

— Это еще что за разговоры? Я не какой-нибудь городской щеголь! Так что оставь свои городские замашки и расскажи лучше, какие там цены на базаре.

Гаури даже не стала спорить. Как опытная сиделка, она бесцеремонно сняла с мужа одежду и принялась обтирать его тело мокрым полотенцем.

— Что ты делаешь! — беспомощно запротестовал он.

— Санитарией в нашей деревне занимается только солнце, — ответила она, крепко растирая его шею. — Если бы солнце не вставало каждое утро, мы все давно бы перемерли...

В это время с кальяном в руке вошел дядюшка

Рафик, легким покашливанием известив о своем приходе.

— Ну как, брат Панчи?

— Он принимает ванну, — сказала Гаури, и не думая закрывать лицо покрывалом перед посторонним.

Панчи был слегка шокирован ее бесстыдством.

— Ты разделся, словно для драки! — сказал дядюшка Рафик, стараясь не глядеть на Гаури.

— Дядюшка Рафик, — сказала Гаури. — В лечебнице доктора Махендры я видела сотни мужчин и при этом не прикрывала лица. Так зачем мне закрывать лицо перед вами?

— Да, видно, она там многого поднабралась, — сказал Панчи горшечнику.

— Адаму была дана мотыга, а Еве прялка — от них и пошли все благородные люди, — привел Рафик древнюю поговорку.

— Старые поговорки да седые бороды — это все, что нам осталось, — отозвалась Гаури. — Старые поговорки взывают к богу, седые бороды читают молитвы. А живые мертвецы продолжают грабить друг друга...

— Вот сумасшедшая! — воскликнул Панчи. — Что скажут в деревне, если ты будешь так разговаривать со старшими. И бог тоже все слышит...

— Вот видите, дядюшка Рафик, — вкрадчиво начала Гаури, смачивая полотенце и обтирая ноги мужа, — вчера он говорил, что боги мертвы, а сегодня опять их боится. Когда я впервые пришла в этот дом, я так беспокоилась о том, что скажут обо мне в деревне, что слово боялась вымолвить. Я лишь делала домашнюю работу да хандрила вот на этой постели. У меня не было своих мыслей. А ведь известно: тот не может летать, у кого нет крыльев. Все в деревне покорно выслушивают наставления лаллы Бирбала и других старейшин и живут свинской жизнью. Доктор Махендра не зря

говорит: «Где бедность, там ростовщик, священник и помещик, а бог всегда на их стороне». Но он считает, что так не должно быть. А в деревне такая свинская жизнь потому, что каждый здесь чертит пыль носом перед тем, кто выше его и богаче одет. К тому же всегда есть угроза засухи, есть азартные игры, ростовщики, брань, пьянство, не говоря уже о том, что мужья бьют своих жен...

— Подумать только! — воскликнул восхищенный Рафик. — Ты вернулась домой настоящим мудрецом!

— Просвещение, — сказала Гаури, повторяя слова Махендры, — просвещение, а не религия сделает нас хозяевами своей судьбы.

— Кто этот мудрый доктор, который научил тебя всему этому? — спросил Панчи. — По-моему, он просто глупец!

— Он святой человек! — сказала Гаури. — Он умеет вдыхать жизнь в умирающих. Он видит корень зла. Он знает, что крестьянин вынужден идти к ростовщику или голодать, если у него нет сбережений и воды. Он знает, какие проценты берут ростовщики в деревне, знает, какие скорпионы и змеи жалят нас... И он говорит, что этого не должно быть, что человек создан не для этого. Он любит людей и знает, в чем смысл жизни. Он говорил с дядей Адамом Сингхом и с моей матерью, и, я уверена, они поняли его.

— Ловко же ты все это выкладываешь! — воскликнул Рафик. — Ты должна рассказать все это Хур Бану. Она тоже говорит, что залезать в долги, браниться, проматывать деньги, играть и пить — большое зло. Конечно, насчет выпивки я с нею не согласен. Пропустить изредка стаканчик-другой никому не повредит...

— Ох, дядюшка Рафик, не давай им сходиться вместе, не то они запретят колотить жен всей деревне, — сказал Панчи шутливо.

— Сынок, — сказал Рафик. — Слова похожи

на семена цветов. Когда ветер уносит в болото семена цветка, они могут там прорасти, и трясина станет садом.

— А по-моему, все эти докторские идеи просто глупы! — сказал Панчи. Ему вовсе не хотелось так быстро соглашаться со всем тем, что было для него новым и необычным.

После полудня Гаури сидела рядом с Хур Бану, усердно крутившей прялку на веранде. Помогая Хур Бану расчесывать пряжу, она увлеченно рассказывала ей о чудесах Хошиарпура.

— Там, тетушка, электрические лампы светят, как звезды ночью. А дороги такие чистые, что можно видеть в них свое лицо. А в лечебнице мне приходилось кипятить все инструменты, прежде чем большой доктор дотронется до них. Вы знаете, даже человеческое дыхание ядовито для раны, поэтому нам, санитаркам, приходилось прикрывать нос и рот белой повязкой, когда доктор оперировал кого-нибудь из больных...

— Ай-ай, — удивлялась Хур Бану, — вы, должно быть, были похожи на джайнских * отшельников. Я слышала, наш Рамазан, который там работает на фабрике, должен носить какую-то синюю одежду. Но зато мне говорили, что с тех пор, как в нашем государстве правят индусы, мечети в Хошиарпуре стоят совсем заброшенные, а храмы процветают.

— Не болтай глупости! — закричал ей Рафик с дальнего конца веранды, где он осматривал огромные, недавно обожженные кувшины для зерна. — Она тебе про сахар, а ты ей про дерьмо! Слушай ее и старайся понять. Тот, кто молчит, постигает мудрость.

— А ты не суй нос не в свои дела! — ответила Хур Бану. — Когда ты говоришь, можно подумать, что это дребезжат твои полуобожженные посудины!

---

* Джайнизм — одна из древних индийских религий.

Гаури не могла удержаться от улыбки, слушая их перепалку, и из скромности закрыла лицо краем покрывала.

— Рассказывай, сестрица, не обращай на него внимания, — сказала ей Хур Бану. — Мужчинам всегда кажется одинаково большой и собственная мудрость и женская глупость.

— Это точно, сестрица, — подтвердила Ракхи, старая сморщенная деревенская повитуха с ястребиным носом, которая незаметно вошла к ним и теперь стояла подбоченясь, одетая в блестящий атлас, хотя ее уже порядком сгорбили прожитые пятьдесят пять лет. — Мужчины вечно замечают соринку в чужом глазу, а в своем и бревна не видят.

— Здравствуй, сестра, здравствуй, — приветствовала ее Хур Бану с показным радушием. Ракхи редко к ним заходила и, конечно, теперь пришла для того, чтобы разнюхать новости о Гаури.

— Здравствуй, мать! — почтительно приветствовала ее Гаури. Она познакомилась со старухой в доме тетки ее мужа Кесаро, где Ракхи часто бывала.

— Ах, девочка, я пришла взглянуть на твое лицо... и фигуру, — затарахтела Ракхи. — Мне сказали, что у тебя живот, вот я и принесла сюда свои старые мощи.

Гаури покраснела и еще ниже опустила край покрывала. Она чувствовала, что старуха пришла неспроста.

— Какое красивое у вас платье, мамаша! — не без иронии сказала Хур Бану и придвинула ей циновку.

— Да, сестрица, кто красив сам по себе, а кого красит платье! — ответила Ракхи, усаживаясь.

— Это уж верно! — заметил Рафик, довольный характеристикой, которую дала себе Ракхи.

— Знаешь, дорогой, «все глаза темные, да не всякий сглазит», — сказала Ракхи, защищаясь. —

Я пришла взглянуть на жену моего Панчи. Ведь я своими руками принимала его. И когда он женился, я надеялась... Но потом я узнала от Кесаро, что его жена сразу же уехала обратно к своей матери и оттуда в Хошиарпур. Девушки теперь пошли шустрые...

— Гаури, расскажи Ракхи о сахибе докторе, — посоветовала Хур Бану, желая переменить тему разговора.

— Да, да, сестра, мне говорили, что эта девушка стала теперь очень образованная, — ехидно ухмыльнулась Ракхи, решившая, что Гаури, которая работала в больнице сестрой, будет ей теперь конкуренткой.

И она смерила Гаури взглядом, ощупывая глазами ее живот.

— Она потом позовет тебя осмотреть ее, Ракхи, — сказала Хур Бану, стремясь отделаться от старухи.

— Нет, тетя, — сказала не любившая лицемерить Гаури. — Когда придет мое время, я поеду в больницу к доктору Махендре...

Это привело деревенскую повитуху в бешенство.

— Я вижу, девочка, у тебя выросли крылья, — злобно сказала она. — Но не забывай: когда у муравья отрастают крылья, значит, его смерть близка.

— Как ты можешь говорить такое! — запротестовала Хур Бану. — Не нужно поминать смерть. У нас и так достаточно народу умерло во время засухи!

Панчи, только что вставший после дневного сна, вышел во двор. Он слышал последние слова Хур Бану.

— Ах, сынок, что это с твоей головой? — запричитала Ракхи, хотя ей, главной сплетнице в деревне, все было отлично известно.

— Нечего меня оплакивать, я еще не умер, — сказал Панчи угрюмо.

— Ах, сынок, такие слова могут накликать беду! Да пошлет тебе господь долгую жизнь и сча-

стье... Ты еще должен купить мне вельветовое платье и шаровары, как было обещано, когда тебе повязывали священную нить. Твоя старая мать не дожила, бедняжка, до твоей свадьбы. Но я-то знаю, что она подарила бы мне полный костюм, если была бы жива сейчас...

— Ну, о чем тут говорить, — прервала ее Хур Бану. — Панчи даст тебе все, что хочешь, когда в его доме родится ребенок.

— Да, да, сынок, пусть бог пошлет тебе прибавление семейства! — сказала Ракхи.

— Скажи это моей жене, — ответил Панчи.

— Ах, что мне говорить твоей жене! — пожаловалась Ракхи. — Она побывала в городе и научилась носить белую одежду сестры милосердия. И она предпочитает руки доктора-мужчины рукам твоей старой дорогой Ракхи. Не удивительно, что твоя тетка Кесаро не могла держать ее в своем доме и вам пришлось уйти... А теперь все в деревне только и говорят о ней!..

Панчи резко повернулся, услышав грязные намеки Ракхи.

— Что говорят?

Но старая Ракхи недаром была опытной сплетницей. Ничего не ответив, она уставилась себе под ноги, стараясь разжечь любопытство Панчи.

— Одни сплетни, и ни капли правды, — вот что такое деревенские разговоры, — вставила Гаури.

— А ты помолчи! — прикрикнул на нее Панчи. — Я спрашиваю ее, а не тебя!

— Сынок, — пробормотала Ракхи, — родственники всегда ближе, чем дрянная жена. А Кесаро...

— Я уверена, что это Кесаро подослала ее сюда! — прошептала Гаури.

— Не только Кесаро — вся деревня болтает! — сказала Ракхи. — Они все говорят...

— Так что же они говорят? — подхватил Панчи, подходя к женщинам.

— Ах, сынок, — объяснила Ракхи со скрытым злорадством, — когда Сита была похищена Раваном *, а муж пошел и забрал ее обратно, что говорили люди?

— Чтоб им пусто было! — воскликнула Хур Бану. — Зачем ты такое говоришь?

— Они все думают, сестрица, от кого этот ребенок: от Панчи или от кого другого! — нанесла Ракхи последний удар.

— Ведьма! — завизжала Гаури. — Говорить такое!..

— Ты злоязычная женщина! — возмутился Рафик. — Пришла к нам нарочно для того, чтобы помучить молодых!

Панчи схватил Ракхи за волосы, со свирепой решимостью проволочил ее через весь двор и швырнул в сточную канаву.

— Чтоб ты подох, негодяй! — кричала Ракхи. — Причинить мне такую боль! Чтоб твоему роду и племени никогда счастья не видать! Чтоб...

Она теперь так же яростно поносила его, как за несколько минут до этого расточала ему похвалы. Затем она заковыляла по улице, взывая к состраданию соседей и призывая их высказать свое мнение о женщине, которая ушла в Хошиарпур, жила там в разных подозрительных домах и вернулась к своему мужу «с пузом, как бочка».

Микробы, которые разбросала своим отравленным дыханием Ракхи на веранде дома Рафика, распространились по всей деревне с такой же быстротой, как чума перебирается от крысы к человеку.

---

* Когда Рама — легендарный герой и бог, главный персонаж древнеиндийской эпической поэмы «Рамаяна» — освободил свою жену Ситу, похищенную злым демоном Раваном, люди усомнились в ее супружеской верности. Сите было устроено испытание огнем, и она с честью вынесла его.

Но первой их жертвой был Панчи, который, казалось бы, так решительно вышвырнул носителя болезни за пределы своего дома.

Прошло совсем немного времени, и сомнения, высказанные Ракхи относительно добропорядочности Гаури, стали одолевать его. А вскоре они превратились в открытые подозрения, подогреваемые инсинуациями Ракхи по адресу Махендры. Он помнил, конечно, что сам выгнал Гаури, когда она объявила, что ждет ребенка, и поэтому не придавал особого значения грязным намекам Ракхи касательно беременности его жены. Но она была продана ростовщику Джайраму Дасу и несколько дней жила в его доме. Да и теща намекнула на скандал в лечебнице из-за посягательств другого доктора на Гаури. Что в действительности там случилось, он не знал, и эта неопределенность угнетала его, заставляла сердце учащенно биться по ночам, вызывала слабость во всем теле. Он просыпался среди ночи и подолгу ворочался в постели, пытаясь успокоиться.

Когда Гаури подходила к нему и садилась рядом, обмахивая его веером, он теперь испытывал отвращение к ней, и даже ее белая чистая одежда вызывала у него раздражение. Ему был неприятен даже ветерок от веера, которым она помахивала перед его лицом, он отворачивался и отводил глаза, чтобы не встретиться с нею взглядом. Ее преданность только усиливала его озлобление.

Гаури, которой тоже было нелегко, уже жалела, что была так груба с повитухой. И, пытаясь исправить положение, она была теперь нарочито заботлива с мужем и предупреждала всякое его желание.

— Надо же было так случиться! Надо же было этой Ракхи прийти и снова все отравить! Над моей жизнью тяготеет проклятье! — горестно восклицал Панчи.

Гаури слушала его истерические выкрики и чув-

ствовала, как в ней поднимается жалость к нему. «Бедняжка совсем запутался, — думала она, — но ведь это не его вина».

На следующее утро Рафик, воспользовавшись первым удобным предлогом, подошел к постели Панчи, выставленной во двор.

— Ну, братец, — спросил он, — как твои дела?

— Неважны мои дела, — Панчи махнул рукой.

— Ничего, не падай духом и будь терпелив, — сказал Рафик.

— Дядюшка Рафик, — помолчав, сказал Панчи, — вы знаете, как я страдал. Я хотел, чтобы она вернулась, — какой же дом без женщины? Я даже пошел за ней в Большой Пиплан, и меня там избили. Но я никогда не думал, что дочь Лакшми будет похожа на Лакшми...

— Что ты болтаешь! — нетерпеливо перебил его Рафик. — Ты дурак, что не доверяешь ей. Она богиня, твоя Гаури! И горе тебе, если ты не будешь почитать ее!

— Не думай, что я вроде тебя соглашусь ходить под каблуком у жены! — сказал Панчи. — Ты ведь знаешь, что мудрость женщин в их лодыжках и доверять им нельзя. Стоит им увидеть нарядную тряпку, и никто уже не может поручиться за их целомудрие.

— Замолчи! — рассердился Рафик. — Тебе ли говорить об этом, как будто ты сам не заглядывался на женщин в нашей деревне!.. Мы, магометане, надели на женщин чадру и позволили мужчине иметь четырех жен. Ну, а вы, «дважды рожденные индусы», только и делаете, что раздеваете женщин взглядом, словно они ни на что больше не годны. Позор!

— Послушай, дядюшка Рафик... — начал было Панчи.

— Не говори глупостей, сын мой, — прервал его горшечник. — Сердца мужчин в нашей деревне закрыты чадрой, а не лица женщин. И наши муллы

и ваши брахманы — одинаковые лицемеры. Они предписывают лживые законы, а старейшины в каждом братстве поддерживают их. Сколько бы жен они себе ни брали, они утверждают, что женщина должна принадлежать только одному мужчине. Неужели ты думаешь, что Гаури, которой вдалбливали это с детства, могла сойтись с каким-нибудь другим мужчиной?! Надо быть сумасшедшим, чтобы этому поверить!

Красноречие Рафика заставило Панчи замолчать. Он всегда чувствовал, что горшечник не похож на других жителей деревни, но никогда не предполагал, чтобы у него могли быть такие взгляды. Широта натуры старика заставила его устыдиться собственной ограниченности. И все же где-то в глубине омраченного сознания его положение представлялось ему зловещим и несправедливым. Когда он поднял голову, в глазах его была бездна отчаяния. После того как он прошлой ночью ударил Гаури, а потом снова приласкал ее, он несколько успокоился. Но под утро ему вдруг приснился Махендра, и он проснулся весь в поту. Сердце его билось, как барабан, возвещающий бедствие. Теперь, после слов Рафика, он испытал некоторое облегчение, но в то же время чувствовал себя так, будто его одного из всех людей на свете заставили пройти через муки сомнения.

— Неужели ты можешь с холодным сердцем глядеть на слезы Гаури? — спросил Рафик.

— Меня пугает осуждение старших, дядя Рафик, — ответил Панчи.

— Но ведь вопрос в том, справедливо или нет то, что они говорят.

Панчи снова умолк, но все же почувствовал себя немного увереннее.

Стены амбара озарились светом — солнце уже взошло. Рафик поднялся с постели Панчи.

— Нельзя потушить огонь маслом, сынок, — сказал он перед тем, как уйти, — и, может, мои слова пройдут для тебя даром. Но тогда

уж не говори мне, что я не предупреждал тебя.

— Если б ты подмешал хоть немного сахару к этому маслу, мне было бы легче его проглотить, — сказал Панчи.

Когда Гаури кончила обтирать его и выжала полотенце, ему захотелось, чтобы она осталась с ним. Она уже хотела было идти, как он схватил ее за руку и привлек к себе.

— Не надо! — сказала она, стыдясь его заигрывания при дневном свете и опасаясь, что кто-нибудь может прийти. И действительно, в этот момент кто-то вошел во двор.

За мягким шумом шагов послышался знакомый голос Кесаро:

— Панчи, сынок, где ты?

Гаури, словно изваяние, застыла на месте и затаила дыхание. Рука ее все еще была в руке Панчи.

Панчи сел на кровати и крикнул:

— Пошла вон, тетушка, уходи и не показывай мне больше своего черного лица!

— Ай-ай-ай, сынок. Что ты говоришь?

— Ступай к дьяволу! Не смей больше разваливать мою семью!

— Да ты что, сынок!

Панчи выскочил из постели.

— Я вышвырну тебя вон, если ты не уйдешь по своей воле! — пронзительно закричал он.

— Глядите, люди, что творится на белом свете! — завопила Кесаро, пускаясь наутек.

— Прочь, ведьма! Ты норовишь все обрызгать ядом!

Но она уже выскочила на улицу, вопя и колотя себя кулаками в грудь.

— Поглядите, люди, что эта ведьма сделала с ним! — кричала она. — Это колдовство! Потаскуха вернулась из Хошиарпура! Глядите, люди!

В этот день Панчи чувствовал себя настолько уверенным, что решился сходить в деревню к кузнецу Джхалле за лемехом, который он просил наточить к осенней вспашке — она должна была начаться примерно через месяц, после уборки летнего урожая. И все же страх овладевал им при мысли об утреннем визите тетки Кесаро и том шуме, который она подняла, когда он прогнал ее. Да и Ракхи, наверное, уже разболтала по всей деревне, как он защищал перед ней свою жену...

Погруженный в раздумье, он шел по улице, как вдруг на террасе дома продавца жареного гороха Чанду увидел Ракхи и жену хозяина — Хиро, которая сидела за прялкой. При виде его они отвели глаза, и он прошел мимо, сделав вид, что не замечает их.

Лишь пройдя несколько шагов, он невольно оглянулся и замедлил шаг, словно хотел послушать, о чем они говорят.

Теперь они смотрели в его сторону — Ракхи со злобой, а Хиро с ненасытным любопытством в широко раскрытых выпученных глазах — и о чем-то шептались между собой.

— Почему вы не скажете все вслух, ведьмы! — закричал он. — Почему не выльете свой яд прямо на меня?!

— Пошел прочь, пакостник! — крикнула Ракхи. — Иди приголубь свою потаскуху-жену!

— Бесстыдник! — прохрипела Хиро.

Злые голоса старух привлекли внимание детей, которые сидели перед соседним домом в ожидании, когда Чанду начнет жарить горох в своей печи, стоявшей в черной, закопченной яме. Приведенный в замешательство, Панчи повернулся и зашагал прочь. Мальчишки засвистели ему вслед. Панчи затравленно озирался по сторонам и, видя, как люди, заслышав шум на улице, выбегают к дверям домов, испытывал бешеное желание избить их всех за то, что они так мучают его.

— О всевышний! — невольно взмолился он и резко ускорил шаг, чтобы быстрее уйти с этой узкой улочки, от ее пронзительных недремлющих глаз. Солнце палило нещадно, и ему казалось, что он вот-вот свалится от слабости и боли в голове.

Когда он вышел на базарную площадь, самообладание вернулось к нему. Он откашлялся и, подняв голову, решительно зашагал вперед.

— Эй, Панчи, братец, погоди минутку. Зайди отведать горячего молока со сладостями! — позвал его кондитер Дула с порога своей лавки. — У меня есть пирожные с кремом. Скажи-ка мне, правда ли мне рассказывали...

— Знаю я, что тебе рассказывали! — пробормотал Панчи больше себе под нос, чем Дуле, и бросился прочь к стоявшему невдалеке храму. Ему казалось, будто за ним гонится дьявол.

Вбежав в сумрачную тень маленькой часовни, он направился прямо во внутреннее святилище, где на постаменте возвышалось бронзовое изваяние Вишну.

— Ишвар! Ишвар, парматма!.. * — шептал он без конца, словно заклинание повторяя имя верховного божества, потом закрыл глаза, чтобы сосредоточиться и всецело отдаться божественной силе. Ему казалось, что такое истовое поклонение богу поможет ему восторжествовать над всеми его врагами... Он вспомнил полузабытые молитвы матери, слова бога Кришны: «Всякому, кто придет ко мне, я дам помощь свою...» И он уже совсем было решил, что теперь ему нечего опасаться, как до него донеслось злорадное хихикание из темного угла в правом крыле храма.

Он повернулся и увидел своих старых друзей — Дамодара, сына лаллы Бирбала, и Раджгуру, сына чаудхри субедара Ачру Рама, которые играли в карты с торговцами мануфактурой братьями Муни Чан-

---

* Ишвар, парматма! — обращение к всевышнему.

дом и Дуни Чандом. Панчи побледнел и смутился: ведь его застали в униженной позе молитвы именно те, кто всегда считал себя истинными индусами, но пользовался этим храмом для игры в карты, а не для поклонения всевышнему.

— Друг мой, — вкрадчиво начал Дамодар. — Где же ты был все эти дни?

— Неужели ты не знаешь, что он лежал с проломанной головой? — перебил его Раджгуру.

— Ах, вот как! Значит, взбучка, которую ты заработал, превратила тебя в святого! — издевался Дамодар. — Да, брат Панчи, подумать только: ведь ты всегда был неверующий...

— Лучше молиться, чем обжираться целый день в отцовской лавке и осквернять храм игрой в карты! — не выдержал Панчи.

— Насколько я помню, ты сам не так давно имел обыкновение играть здесь в карты вместе с нами.

Панчи решил не лезть на рожон.

— Ладно, я и сейчас не прочь сыграть с вами партию, — сказал он, решив, что это будет лучший способ поладить с ними.

Но Дамодар не унимался.

— А как насчет нашей золовки? — спросил он. — Говорят, она вернулась из Хошиарпура? Думаешь, она там сидела и ждала тебя?!

— Не говори гадостей! — ответил Панчи. Дамодар пока еще ничего прямо не сказал, но Панчи понимал, к чему он клонит.

— Эй, Дамодар! Играй себе в карты и помалкивай, — сказал Раджгуру.

— Почему помалкивай? Наша золовка, которую все время прятали от нас, вернулась такой модницей, носит шикарное сари! Люди говорят...

— Ах ты, сукин сын! — закричал Панчи. — Тебе-то какое дело, что они говорят? Заткни свою грязную глотку!

— В общем гляди за ней в оба! Ведь она верну-

лась из Хошиарпура, как Сита, которая побывала у Раваны...

— Ах ты, дрянь!

Казалось, к Панчи вернулась его прежняя сила. Он набросился на Дамодара и ударил его кулаком. Но Раджгуру и братья Чанд разняли их.

— Ты еще у меня получишь! — От ярости Панчи с трудом выговаривал слова. — Я тебя пополам раздеру!..

— Успокойся, успокойся, — уговаривал его Раджгуру.

— Так сердиться из-за каждого слова!

— Этот негодяй первый оскорбил меня!

— Сам ты негодяй! — закричал Дамодар и изо всех сил ударил Панчи по голове. Удар пришелся по тому месту, где у него была рана. У Панчи все поплыло перед глазами, и он упал.

В эту минуту на шум выскочил брахман храма, спавший в задней части храма.

— Принесите, пожалуйста, воды, — попросил его Раджгуру.

Дамодар с виноватым видом выскользнул из храма, братья Чанд остались ухаживать за Панчи. У дверей храма уже собралась толпа, словно здесь произошло убийство.

Когда Панчи открыл глаза, он увидел, что снова лежит дома на своей кровати, а дядюшка Рафик прикладывает мокрое полотенце к его голове. Гаури сидела возле кухни.

— Тс-с-с! — Горшечник приложил палец к губам. — Слово — серебро, молчание — золото. Сейчас Гаури приготовит тебе молоко.

Но у Панчи и так не было сил говорить, и он лишь прошептал:

— Воды...

— Дай ему воды, девочка, — сказал Рафик, обращаясь к Гаури. — И полечи его. Аллах посы-

лает горе, чтобы испытать нас. Скоро твой Панчи поправится...

Гаури принесла воды. Панчи сел на постели и взглянул на жену. Лицо ее казалось ему сегодня каким-то загадочным. О, если бы он мог узнать, как она жила в Хошиарпуре! Ведь только об этом и говорят сейчас в деревне, и он должен это знать. В противном случае он не сможет защитить ни Гаури, ни себя самого.

Она уже отошла от него, а он все продолжал смотреть ей в спину, тяжелым взглядом.

— Сын мой, — сказал дядюшка Рафик, — если в твоем сердце горит пламя гнева, загаси его. Положись во всем на аллаха. Страдание и боль — наш удел. Но жизнь возродится, если только не терять веру...

— Дядя! — оборвал его Панчи. — Я знаю, ты мудр. Но попридержи хоть раз свою мудрость при себе и позволь мне обращаться с этой женщиной так, как я считаю нужным!

После этих слов горшечнику не оставалось ничего другого, как подняться с постели и отойти от Панчи.

— Пойди сюда, Гаури! — громко позвал Панчи.

— Сейчас, — отозвалась она, наливая в стакан горячее молоко, разбавленное кипятком, и добавила: — Дядюшка Рафик хочет тебе только добра...

Она не кинулась, как обычно, на его зов, и Панчи увидел в этом признак неповиновения. Это привело его в бешенство.

Когда она подошла к его постели, она была спокойна и полна чувства собственного достоинства, какой-то внутренней силы, какой он не ожидал встретить в женщине, которая, как ему казалось, должна была выглядеть виноватой и пристыженной.

Она протянула ему стакан, но он зло, с силой, оттолкнул ее руку, и горячее молоко расплескалось по кровати и по полу.

Гаури невольно вскрикнула.

— Скажешь ты мне правду, тварь? — злобно бросил он ей.

Она молча стояла перед ним, и в ее молчании ему почудилась какая-то враждебность и даже вызов.

— Отвечай, или я убью тебя! — снова закричал он и хотел соскочить с постели.

Дядюшка Рафик удержал его.

— Что с ним? — испугалась Хур Бану.

— Я ни в чем не виновата, — проговорила Гаури со слезами на глазах. — Он сам выгнал меня, но я вернулась к нему такой же чистой, как была.

— Чем ты мне докажешь свою чистоту? Своими слезами?

Гаури прижалась к Хур Бану и снова умолкла.

То, что она нашла поддержку у Хур Бану, женщины, которая никогда не была ему симпатична, бесило его. Если б не Рафик и его жена, он бы задал ей трепку, потом помирился, и все бы обошлось. Но их присутствие не позволяло ему сделать первый шаг к примирению.

— Подойди сюда! — сказал он зло.

Гаури высвободилась из объятий Хур Бану, молитвенно сложила руки и, поклонившись, сказала:

— Я всегда была тебе верна.

Рафик знаком дал жене понять, что им следует уйти.

— Подойдешь ты или нет! — снова закричал Панчи. Но Гаури от страха не могла сделать и шага. Тогда он выскочил из кровати и набросился на нее с кулаками. Она упала. Прежде чем Рафик и Хур Бану успели подбежать к ней, он еще пнул ее ногой.

— Ты меня опозорила на всю жизнь, негодная тварь! — кричал он. — Вся моя жизнь сломалась в тот день, когда я женился на тебе, потаскуха!

Неожиданно Гаури поднялась с пола.

— Ну что ж, — сказала она, — раз я ломаю тебе жизнь, я ухожу. Я пойду в город, буду рабо-

тать в больнице у доктора Махендры, растить моего ребенка. И запомни: я никогда не вернусь обратно!

В глазах ее стояли слезы, но на лице была написана решимость и сила.

— А если ты ударишь меня еще раз, — добавила она, — я отвечу тебе тем же...

— Не надо так говорить, девочка! — сказал Рафик. — Не надо... Он просто сошел с ума. Его запугали эти чертовы сплетники!

— Если он стыдится меня, я избавлю его от этого стыда! — ответила Гаури, утирая слезы, которые катились по ее щекам.

— Что ты делаешь! Он просто глупый мальчишка! — воскликнула Хур Бану.

— Нет, тетя, — проговорила Гаури, — он не глупый. Он просто слабый, избалованный человек. Это Кесаро сделала его таким. Перед односельчанами он притворялся львом! А на самом деле он трус! Они все твердят ему, что Рама выгнал Ситу после того, как она побывала у Раваны, что никто не верил в ее чистоту!.. Но я не Сита, земля не разверзнется и не поглотит меня. Я ухожу и постараюсь забыть о нем...

Она медленно повернулась, подняла с пола стакан и нерешительно направилась к кухне. Она поставила стакан на место, вытерла слезы и взглянула на горшки и кастрюли, стоявшие возле очага. У нее защемило сердце при мысли, что она должна покинуть этот дом, ее дом, созданный ее руками... Но затем, сделав над собой усилие, она гордо подняла голову и решительно двинулась вперед.

В дверях она на мгновение остановилась и взглянула на Панчи. Рыдания душили ее, но она справилась с собой и, сняв с веревки свое мокрое белье, выбежала на улицу.

Лицо ее горело. Но на нем уже не было того выражения пугливой телочки, с которым она когда-то пришла в дом Панчи. Это было лицо женщины, обладающей собственной волей.

— Гаури! Вернись! — крикнул ей Рафик. — Вернись, Гаури!

— Вернись, дочка! Куда же ты! — причитала Хур Бану.

Гаури слышала, как они звали ее, и не могла сдержать слез. Но, гордая своей решимостью, она упорно шла дальше. На секунду у нее, словно смутное воспоминание, возникла мысль, что земля разверзнется и поглотит ее, словно Ситу. Но почва под ее ногами по-прежнему оставалась тверда и надежна, и не было никаких признаков, что она собирается поглотить ее. Гаури тряхнула головой, отгоняя мысли о Сите, и стала вспоминать дорогу в город. Она знала, что увидит там доктора Махендру, и это успокаивало ее. Она придет к нему и будет жить и работать под его защитой, пока не появится на свет ее ребенок. И этот ребенок не будет таким трусом, как Панчи, не будет так слаб духом, как недавно еще была она сама...

МУЛК РАДЖ АНАНД

Ананд, несомненно, является одним из наиболее выдающихся писателей современной Индии. И, вероятно, никто из индийских писателей, за исключением Рабиндраната Тагора, не пользуется такой широкой мировой славой, как Мулк Радж Ананд. В Советском Союзе было издано много его романов и рассказов, которые пользуются любовью и популярностью. Я имел счастье познакомиться с Мулком — так называют его близкие друзья — в 1930 году и знаю его более тридцати лет. В то время мы оба были молоды и в наши «двадцать студенческих лет» учились в Англии. В 1935 году, в последний год моего пребывания в Англии, мы вместе с Анандом и другими молодыми индийцами организовали Ассоциацию прогрессивных писателей Индии. Это семя впоследствии дало всходы в Индии и с благословения и при поддержке таких выдающихся людей, как Рабиндранат Тагор и Прем Чанд, разрослось в широкое движение прогрессивных писателей, представляющих почти все основные языки страны. В том же 1935 году Ананд опубликовал свой первый роман — «Неприкасаемый». Он жил тогда в маленькой комнатушке в Блумсбери — одном из кварталов Лондона, где обитали многие прогрессивные писатели Англии, такие, как Ральф Фокс (который, вступив добровольцем в Интернациональную бригаду, погиб в Испании), Корнфорд (тоже погибший в Испании), Джек Линдсей и др.

В то страшное время, когда германский фашизм простирал свои щупальца к Центральной и Западной Европе, а прогрессивные деятели культуры во главе с Максимом Горь-

ким, Анри Барбюсом, Роменом Ролланом, Луи Арагоном, Жаном Ришаром Блоком и другими всеми доступными средствами боролись против темных сил фашизма, мы, индийские писатели в Англии, тоже не оставались в стороне. Наша небольшая группа, которую возглавлял Ананд, черпала вдохновение в антифашистском движении европейской интеллигенции.

В те годы Анандом был написан и второй роман — «Кули». Две его первые книги, «Неприкасаемый» и «Кули», произвели сенсацию как в Англии, так и в Индии и имели историческое значение в развитии индийской литературы: впервые в нашей литературе героями произведений становятся наиболее угнетаемые и эксплуатируемые люди, составляющие основу индийского общества, которых автор показывает с безжалостной откровенностью, глубокой симпатией и сочувствием. В то же время он обрушивает священный гнев на тех, кто бессовестно угнетает и эксплуатирует этих людей, — на капиталистов, империалистов, феодалов и их агентов.

С того времени индийскими прогрессивными писателями было, конечно, создано немало произведений, повествующих о жизни простого люда — рабочих, крестьянах, представителях среднего класса, да и сам Ананд написал много новых романов и рассказов, однако эти две книги до сего времени остаются лучшими в новой народной индийской литературе. Ананду принадлежит честь быть первым, кто направил современную индийскую литературу на новый путь развития.

В 1938 году Ананд приезжает на родину и с неиссякаемой энергией и энтузиазмом — что является для него очень характерным — целиком отдает себя делу организации движения прогрессивных писателей, участвует в кампании поддержки республиканцев в их борьбе с испанским фашизмом. До приезда в Индию Ананд побывал в Испании — он был первым индийцем, принявшим участие в испанской гражданской войне. Я, как сейчас, вижу его, выступающего на митингах перед студентами, рабочими и крестьянами в Индии и горячо защищающего Испанскую республику.

Ананд принимал активное участие в организации конференции индийских прогрессивных писателей, состоявшейся в Калькутте в декабре 1938 года. Рабиндранат Тагор по болезни не смог лично присутствовать на этой конференции,

и тогда Ананд, посетив Тагора в Шантиникетоне, привез его послание на конференцию. Конференция приняла решение об издании на английском языке журнала «Индийская литература». Ананд был назначен главным редактором этого журнала. В 1939 году Ананд вновь едет в Англию, намереваясь вскоре вернуться в Индию для того, чтобы продолжить свою работу. Однако ему помешала вторая мировая война. Он не мог вернуться в Индию и вынужден был остаться в Лондоне до окончания войны. Там он продолжает писать и вместе с представителями английской творческой интеллигенции бороться против фашизма и активно участвовать в движении за предоставление Индии независимости.

В конце войны Ананд возвращается в Индию и поселяется в Бомбее. Его энергия и работоспособность поистине изумительны. Помимо создания литературных произведений, что является его основной профессией, Ананд основывает и редактирует один из наиболее важных индийских журналов — «Марг». Он член исполнительного комитета Индийской академии литературы (Сахитья Академи) и Академии изящных искусств (Латит Кала Академи). Ананд — вице-президент Индийского совета мира и член Всемирного Совета Мира, член исполнительного комитета Ассоциации афро-азиатской солидарности (организация, которую он помог организовать три года тому назад).

С прошлого года Ананд был назначен профессором в Пенджабский университет в Чандигархе, где он и живет в последнее время.

В 1957 году Ананд принял активное участие в подготовке к созыву первой конференции писателей стран Азии, состоявшейся в Дели. Он был генеральным секретарем конференции, на которую впервые прибыла большая делегация советских писателей в составе пятнадцати человек. Именно на этой конференции было принято решение о созыве следующей конференции в Ташкенте (СССР).

На Ташкентской (1958) и на следующей за ней Каирской (1962) конференциях писателей стран Азии и Африки Ананд возглавляет делегации индийских писателей.

Я не знаю, позволит ли все то, что я написал об Ананде, составить о нем представление как о человеке или это будет лишь голым перечислением фактов деятельности и обязанно-

стей одной из наиболее выдающихся личностей современной Индии. Но из всего этого становится ясным, что Ананд не только писатель, но и активный борец за мир и прогресс в нашей стране. Более того, он замечательный человек, преданный друг и интереснейший собеседник. На правах давнишнего друга Ананда я иногда указываю ему на его недостатки.

— Мой дорогой Мулк, ты слишком много работаешь, — говорю я ему. — Слишком много пишешь, говоришь, слишком мало отдыхаешь. Временами ты бываешь слишком беспорядочным и суматошным...

Мулк с нетерпением выслушивает мои критические замечания, смеется и продолжает поступать по-своему.

САДЖАД ЗАХИР

Август 1963 года

Ананд Мулк Радж

ГАУРИ. Пер. с англ. Э. Боровика и В. Махотина. М., «Молодая гвардия», 1964.

192 с.

И(Инд)

Редактор *Г. Головнев*
Обложка художника *А. Гангалюка*
Худож. редактор *А. Степанова*
Техн. редактор *Л. Петрова*

Подписано к печати 6/I 1964 г. Бум. 84×108 1/32. Печ. л. 6(9,84). Уч.-изд. л. 8. Тираж 115 000 экз. Заказ 1630. Цена 47 коп.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

47 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

МУЛК РАДЖ АНАНД

ГАУРИ